

ВОКІНТ
СВІТА

6 1990

ИСКАТЕЛІЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

6 1990 (180)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Рон ГУЛАРТ

ДАР БЫТЬ НЕВИДИМЫМ
Повесть

2

Любовь ЛУКИНА
Евгений ЛУКИН

ОТДАЙ МОЮ
ПОСАДОЧНУЮ НОГУ
Рассказ

78

Рут РЕНДЕЛЛ

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
Рассказ

87

Вадим БУРЛАК

СЛЕД ИЗ ТАЙГИ
Повесть

95

© «Вокруг света» («Искатель»)

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Рон ГУЛАРТ

ДАР БЫТЬ НЕВИДИМЫМ

ПОВЕСТЬ

Художник Константин ФАДИН

За ним гнались роботы.

Стояло раннее утро, теплое и ясное, весна 2020 года близилась к концу; Джейк Конджер бежал трусцой по одному из подвешенных высоко над землей широких трапов из пластика, соединяющих между собой башни Манхэттена. Конджер, поджарый загорелый мужчина тридцати одного года от роду, был облачен в тренировочный костюм-комбинезон. Где-то на расстоянии пятидесяти ярдов от него бежали два робота цвета какао, отдаленно напоминающие гуманоидов.

В грудь одного из этих коричневого цвета механизмов был вмонтирован пиксфонический экран.

— Сообщение! — выкрикнул он, сокращая расстояние между собой и Конджером до пятидесяти футов.

Конджер продолжал трусить по норилловому трапу лимонного цвета. Десятки разноцветных трапов над ним и под ним переплетались в яркие кошачьи колыбели, сияющие в лучах теплого майского солнца.

— Сообщение, — повторил пиксфонический робот, когда он и его партнер поравнялись с Конджером.

— Ну так выкладывай, — велел Конджер, не замедляя шага.

Робот цвета какао махнул рукой, указывая на воздушную скамью, мимо которой они теперь пробегали.

— Может, побеседуем со всеми удобствами?

— Нет, — отказался Конджер. — Мне еще нужно преодолеть пять миль.

— Сколько миль вы пробегаете в день?

— Десять.

Коричневый робот одобрительно кивнул.

— Очень похвально. Бег, несомненно, оказывает превосходное влияние на ваши внутренние службы. Сердце, легкие...

— Так что у тебя за сообщение?

— Ах да, совсем забыл. — Робот теперь бежал в ногу с Конджером. Его партнер семенил в нескольких ярдах сзади — он был напичкан информацией и так быстро бегать не мог. — Секция Самобытных Дарований Агентства Ремонтных Функций Соединенных Штатов послала нас за вами, агент Конджер. Для вас есть в высшей степени секретное и чрезвычайно важное задание.

— Но я ведь числюсь в отпуске.

— Босс лично просил вас...

— Почему именно меня?

— Вы — единственный агент-невидимка, которым располагает в данный момент АРФ.

— Я собирался сегодня совершить путешествие на хоппере в Коннектикут. В Мистике открылся новый ресторан, где кормят только морскими водорослями. — Несколько секунд они бежали молча. — О'кэй. Согласен. Что там случилось?

— Люди воскресают.

Конджер слегка замедлил бег.

— Что?

— Пусть вам все объяснит босс. — Он поковырял двумя коричневыми пальцами в отверстии у себя в боку, и на его груди ожил фониический экран величиной с тарелку.

На экране появился маленький человек лет пятидесяти с помятой утомленной физиономией. Он был завернут в ворсистый купальный халат из синтетического меха и сидел в кресле на площадке для питания своего кабинета в Секции Самобытных Дарований. Человек подмигнул Конджеру своими выцветшими глазками.

— Салют, — сказал он. — Джейк, почему ты все время подпрыгиваешь вверх-вниз?

— Я бегу, — отвечал Конджер. — А почему вы все время крутитесь из стороны в сторону?

Подморгнув еще раз, Джейк, шеф ССД, ответил:

— Ты ведь помнишь, что мое кресло на площадке для питания было сконструировано с таким учетом, чтоб я был всегда направлен лицом в солнечную сторону. — Он зевнул. — Так вот, эта чертова штуковина, от которой зависит вращение, разладилась и теперь любой блестящий предмет принимает за солнце. Вот сейчас ее потянуло на блеск серебряного маятника моих настенных часов.

Конджер понимающе кивнул.

— Так кто же все-таки воскресает? — поинтересовался он.

Джейк выковырял плиофильм из самопекущегося взфлбургера, сэндвича на вафельной основе.

— Люди, которые числятся мертвыми, — буркнул он.

— Кстати, вы не читали доклад Главного Хирурга о взфлбургерах?

— Что этому чертову компьютеру известно о том, с каким трудом я пробуждаюсь по утрам? — воскликнул помятый Джейк, жуя сэндвич. — Особенно когда мне приходится ночевать в кабинете. Что, мне прикажете и от сойджавы отказаться?

— Сойджава вам не повредит, — сказал Конджер. — Так что же за мертвые?

Джейк с шумом отхлебнул глоток сойджавы. В это время кресло сделало оборот вокруг своей оси, и бурая жидкость обрызгала впалые щеки шефа.

— Это что-то призрачное, Джейк. — Он снова отхлебнул кофезаменителя. — Даже с точки зрения Секции Самобытных Дарований, где и так все построено на призрачности, это кажется чем-то сверхъестественным. Люди, судя по всему, воскресают из мертвых. — Он отложил свой недоеденный взфлбургер и взял триоптическую фотографию. — Ты знаешь этого черта?

— Поди-ка узнай — вся физиономия в сиропе.

Джейк склонился над фотографией, пощупал большой палец и провел им по физиономии на фото.

— Жаль, это не случилось во время моего отпуска. Устал от этих деловых завтраков. У меня уже было сегодня рандеву с агентом Кацманом. Это тот самый, который проходит сквозь стену. Теперь у него развился какой-то выверт.

— Выверт?

Лимонно-желтый трап круто сворачивал за угол синей псевдо-реальной башни, и Конджер замедлил шаг.

— Последнее время он застревает где-то в середине стены, — объяснил Джизр. — Валит на домашние неурядицы.

Конджер приблизил лицо к экрану в груди бегущего рядом с ним робота.

— Это полковник Макако Кавала, верно?

— Кто?

— На фотографии.

Джизр бросил сердитый взгляд на триоптическую фотографию, которую держал в руке.

— Да, полковник Макако Кавала, покойный португальский государственный деятель.

— Тот самый, который хотел свергнуть теперешнего диктатора, — заметил Конджер.

— Да, вот почему его месяц назад убрали, — пояснил Джизр и выпустил из рук фотографию. Она упала прямо в блюдо с сойджавой.

— Я видел информацию о его смерти. Его застрелил на улице Нового Лисабона неопознанный снайпер.

— Верно, — кивнул босс. — У тебя будет возможность с ним встретиться.

— С неопознанным снайпером?

— Мы сообщим тебе его фамилию и адрес, — пообещал босс. — Всеми этими сведениями располагает робот-информатор. Этот подонек живет где-то в Новом Лисабоне.

Конджер покосился на пиксфонический экран.

— Послушайте, шеф, а наше Агентство Ремонтных Функций имеет какое-нибудь отношение к этому убийству?

— Нет. — Джизр покачал своей высохшей головой. — Я справлялся у этих подонков из Центрального Управления в Вашингтоне. АРФ в данном случае чисто как стеклышко. Для разнообразия. Но не исключено, что это дело рук Службы Национальной Безопасности. Они, эти скоты из СНБ, никогда не доверяют нам своих секретов. — Босс вынул фото из блюда. — Джейк, один человек видел полковника Макако Кавалу живым и невероятным.

— Си-би-эс и Эн-би-си инкорпорейтед показывали его в гробу.

— Да, запутанное дельце, — заметил шеф. — Я хочу, чтобы ты, Джейк, телепортировался в Новый Лисабон рейсом в одиннадцать утра. Этот случай с полковником Кавалой подтверждается другими слухами, которые до нас дошли. Поговори с подонком, который, судя по сведениям, уложил этого чертова полковника, потом свяжись с тем парнем, который клянется, будто три дня назад видел его живым. — Джизр откусил от вэфлбургера. — Ты понимаешь, Джейк, как все это важно. В политическом смысле и, очевидно, для всего человечества.

— Скажите ему, шеф, почему нам требуется именно агент-невидимка, — напомнил фонический робот.

— Ах да, — Джизр откусил еще кусок, прожевал его и проглотил. — Если этот подонек из Нового Лисабона и в самом деле видел покойного полковника там, где ему показалось, будто он его видел, тебе может пригодиться твоя способность становиться невидимым, чтоб туда незаметно пробраться. — Босс помахал перед носом листком оранжевой бумаги для факса. — С тех пор как агент Бузино потерял способность контро-

лизовать часть своего туловища ниже колен, у нас, Джейк, осталось всего девятнадцать агентов-невидимок. Как тебе хорошо известно, на производство агента-невидимки уходит два долгих года. Если б только Бинсент Экс Уорс не попал в эту роковую катастрофу и не...

— Знаю, — прервал его Конджер. Уорс был способный молодой ученый-испытатель, который разработал много новых способов для производства агентов Секции Самобытных Дарований. Он был всего двумя годами старше Конджера, и они одно время очень дружили. Собственный хоппер Уорса взорвался полгода назад, когда тот летел на Филиппины на конференцию АРФа. — О'кэй, так где видели этого полковника?

— Ты сам все выяснишь, когда попадешь в Новый Лисабон.

— А как же с моим отпуском? — поинтересовался Конджер.

— Джейк, сложилось чрезвычайное положение, — начал шеф. — Подумай только, как это может отразиться на будущем внешней политики Соединенных Штатов и перспективе улучшения жизненного уровня всего человечества. Подумай о тех достойных и честных ребятах, которые целиком и полностью посвятили себя службе в Секции Самобытных Дарований. Подумай об этой, ныне призрачной гвардии отличных парней, куда входит Маркиз Джериго, Дональд Э. Танненбаум и вышеупомянутый Винсент Экс Уорс, погибшие в расцвете лет, бескорыстно защищая интересы нашей чудесной нации, а также порядки своей родины. Или хотя бы вспомни об одиноком плешивом орле, парящем на гербе нашего...

— Хватит, хватит, — перебил его Конджер. — Согласен, черт возьми.

На пиксфоническом экране появился зигзагообразный потек. Робот всхлипнул и принялся тереть виниловые глазные яблоки.

— Прошу прощения, агент Конджер. Меня запрограммировали быть чувствительным к патриотическим речам.

— Ладно. — Из прорезного кармана своего тренировочного костюма Конджер достал платок и вытер им экран. — Что-нибудь еще, шеф?

Джиэр усиленно думал, наморщив свою помятую физиономию.

— Все. Робот-информатор, которого я к тебе послал, снабдит тебя для начала всей имеющейся у нас информацией. Я только хочу тебя предупредить.

— О чем?

— Если Служба Национальной Безопасности направит по этому делу своих агентов, сторонись их, Джейк, точно чумы.

— Я всегда так и делаю.

Джиэр снова принялся за свой вэфлбургер.

— Еще не выдохся?

— Нет.

— Салют.

Воздушный автоизвозчик предупредил:

— Осторожно, сэр.

Конджер взял с сиденья свой универсальный саквояж и выглянул из окна такси.

— До пассажирского трапа не меньше шести футов.

— Потому я и предупредил вас, сэр.

— Лучше спустимся пониже.

— Крр, — недовольно проскрипел контрольный пульт такси. Спускской механизм завертелся, сердито ворча, и расстояние до трапа, ведущего к телепортической станции Е65, сократилось до шести дюймов. — Такой здоровый парень, как ты, мог бы спокойно прыгнуть на несколько футов вниз.

Около входа на станцию толстый коротышка с лысеющим спереди черепом стучал по автомату, сбывающему книги:

— Я получил только с XXXVIII по LXVII главы «Моби Дика», — жаловался он. — На обложке вашего двухдолларового издания классиков значится: «Полное, не обработанное цензурой». — Заметив Конджера, полулысый покраснел и перестал колотить по автомату.

Кивнув толстяку, Конджер прошел на станцию средних размеров, подошел к столу заказов и сказал:

— Бронь для Джейка Конджера.

За изогнутым алюминиевым столиком сидела блондинка с торчащими в разные стороны синтетическими грудями. Она улыбалась, щелкая клавишами перед собой.

— Пожалуйста. Телепортирование в одиннадцать часов. Новый Лисабон. До отправления семнадцать минут, — не переставая улыбаться, сказала она. — Хотите со мной переспать?

Конджер взял пропуск и прилепил его к лацкану дорожного костюма-двойки.

— Нет, благодарю вас, — улыбнулся он в ответ.

— Вы, вероятно, не в настроении, — заметила привлекательная блондинка. — Думаю, путешествие укрепит вашу нервную систему.

— Семнадцати минут для этого мало, — ответил Конджер, — кроме того...

— Именно это я и сказала мистеру Шеллебергеру, — подхватила блондинка. — Это его идея. Он, как вам известно, директор Манхэттенской Службы Узаконенной Проституции, так вот, он считает, что доходы СУП возрастут, если направить членов Службы в каждый телепорт острова. СУП так успешно действует на Главной Центральной Станции, что он смекнул...

— Поезда романтической, — заметил Конджер. — На поездах и железнодорожных вокзалах чувствуешь себя праздно, точно в XX веке.

— Именно это я и сказала мистеру Шеллебергеру. В течение полугода я была двухсотдолларовой девочкой на Джерси Моно. Там мы огребали будь здоров.

Шесть человек, сидевшие напротив, встали со своей жестяной лавки и прошли на одну из трех телепортических платформ. Конджер глянул на бирку на своем лацкане.

— О, не беспокойтесь, — заверила его блондинка. — Хоть я и проститутка, но свое дело здесь знаю. Я дала вам правильный пропуск. Может, на прощание по крайней мере поцелуете меня? Всего один доллар.

— Я не слишком сентиментален в отношении путешествий, однако благодарю вас.

Он улыбнулся и отошел от стола.

— 10.50 — телепортирование в Рио-де-Жанейро, — оповести-

ли громкоговорители под потолком. — Платформа 2, последний вызов.

Прошла еще минута. Какой-то мужчина поднялся на четыре ступеньки к средней платформе. Там в ожидании телепортирования шаркали ногами, кашляли и чесали носы шесть человек.

Раздался сигнал механизма под платформой. Потом шипение. Платформа опустела.

Конджер взял свой саквояж, набитый в основном витаминами и пищевыми концентратами, и сел возле левой платформы.

Когда был объявлен одиннадцатичасовой рейс на Новый Лисабон, на платформу 1 поднялись лишь Конджер да полулысый толстяк.

Толстяк запихивал листы бумаги для факта в свои карманы.

— Я не только не узнаю, чем все кончится, но даже не буду знать, с чего началось.

Раздался сигнал. Через тридцать секунд Конджер уже был в Новом Лисабоне.

Конджер шел по темной и грязной аллее, а за ним катился автомат-попрошайка, от него во все стороны летела грязь, обломки, обломки костей.

— Одно пожертвование, сеньор, и вас оставят в покое, — скрипучим металлическим голосом клячил квадратный робот. — Дайте мне всего-навсего пятьдесят эскудо, и я вручу вам значок, который отныне оградит вас от притязаний всех настоящих живых попрошайек Старого Лисабона.

— О'кэй. — Конджер уже обменял в телепорту Нового Лисабона часть своих денег на португальскую валюту. — На, и перестань брызгать в меня этой гадостью. — Он опустил банкнот в специальное отверстие автомата.

— Muito 'brigado, — произнес автомат на колесах, заглотив деньги. — Что означает: премного вам обязан или большое спасибо.

— Знаю, — буркнул Конджер.

— Возьмите значок, сеньор. Прошу прощения, что он в масле. — Автомат с разгону налетел на одну из нескольких тысяч норилловых опор, на которых покоился Новый Лисабон. Сверху посыпались комья грязи и птичий помет (в этом месте распорки находились на высоте ста футов), оставляя следы на дорожном костюме-двойке Конджера. — Sinto muito, — буркнул автомат, вытягивая свою складную руку, чтоб стряхнуть сор с плеч Конджера. — Что означает: я очень извиняюсь.

— А передо мной почему не извиняешься? — спросил настоящий попрошайка, который развалился на грязном тротуаре. — Ты переехал мой протез.

— Что? — переспросил автомат, приостанавливаясь.

Бродяга высвободил ногу из-под своей драной хламиды и пнул грязный робот в бок.

— Это, tonto¹, моя приставная нога.

Конджер решил не ввязываться в ссору и заспешил прочь по мощенной булыжником мостовой. В одном месте в крыше

¹ Tonto — дурак (португ.).

Старого Лисабона было вентиляционное отверстие, сквозь которое теперь робко пробивались предзакатные лучи солнца. Конджер наступил на дохлую собаку, распугивая жирных серых крыс, обсевших падаль. За углом, рядом с развалинами собора XVI века, поднимался купол нового здания. Здесь пульсировала огнями надпись высотой в два фута: «Механические кулачные бои! Робокс!»

Одна крыса провожала его до самой кассы. Носком своего туристического ботинка из синтекожи Конджер отшвырнул ее в сточную канаву.

Внутри раскрашенной будки из пластика сидел только что выкрашенный в ярко-розовый цвет робот-гуманоид.

— Сколько, сеньор?

— Один, — сказал Конджер. — В секцию отдельных кабин. — В Новый Лисабон он прибыл в пять вечера. На телепортирование из Манхэттена ушло всего тридцать секунд, но из-за разницы во времени он, по сути, потерял шесть часов. В отеле «Ново Америка» Конджера ожидали закодированные послания, повелевавшие ему спуститься в Старый Лисабон и связаться со снайпером, который стрелял в полковника Кавалу. Снайпер должен был ожидать его в своей кабине на матче по боксу среди роботов.

Подъемные трапы не работали, и Конджеру пришлось подниматься пешком и идти еще вдоль подковообразного ряда висящих прямо над рингом пластиковых кабин.

Внутри кабины № 15 на полуспущенном надувном кресле сидел толстяк в защитной рубашке и брюках и следил за поединком роботов внизу. Он жевал толстую черную колбасину, обернутую в ржаной хлеб.

Конджер прошел по узкому мостику и постучал условным стуком в дверь пятнадцатой кабины.

Не переставая жевать, толстяк повернулся к двери.

— Que deseja? — спросил он. — Что означает...

— «Что вы хотите?» Знаю.

Всего шесть месяцев назад Конджер прошел во сне курс португальского языка. Приблизившись к прозрачной залапанной стенке кабины, он сделал условный знак рукой.

— Que? — спросил толстяк. Он откусил от своего громадного бесформенного сэндвича, заулыбался. — О, sim, да, конечно же, американский шпион. — Entre, что означает... «входите».

Конджер вошел в кабину.

— Давайте обменяемся нашими условными знаками, — предложил он толстяку.

Толстяк помахал у него перед носом колбасой.

— Я — капитан Конти Дельгадо, хорошо известный любитель кулачных боев, — рассмеялся он. — Вам это хоть кто подтвердит.

Снизу донесся скрежет двух древних роботов-боксеров, столкнувшихся в драке.

— Даже так.

Вздохнув, толстяк положил свой сэндвич на крышку плетеной корзинки для пикников из пластика, которая стояла между его ног. Он сделал свой условный знак.

— Тепер, sente-se, por favor, что означает...

Конджер присел на единственное свободное в этой висячей кабине кресло. Оно зашипело и стало постепенно выпускать воздух.

— Что вы можете рассказать мне о полковнике Кавале? — спросил он.

Дельгадо взял одной рукой свой недоеденный сэндвич, другой полез в корзинку.

— Хотите кровавой колбасы, сеньор? Из собственной свинины. — Он задрал кверху нос. — Я содержу на окраине Нового Лисабона свиноферму.

— Нет, благодарю вас.

Конджер достал из кармана флакончик с таблетками из бурых водорослей и высыпал на ладонь четыре таблетки.

— Свиньи у меня самые здоровые на свете, сеньор. Они питаются только помоями из органических продуктов, раз в месяц я собственноручно ввожу каждой антибиотик. Приходилось ли вам когда-нибудь привить несколько тысяч свиней за...

— Вернемся к полковнику, — перебил его Конджер.

Пожав плечами, Дельгадо вынул руку из корзины с лакомствами. С ринга донесся скрежет металла.

— Хм. Переодетый Волшебник упал. Это не входило в программу. — Он откусил кусок колбасы и повернулся к Конджеру. — Полковник Кавала мертв.

— Вы в этом уверены?

— Уж я-то знаю, в кого стреляю, сеньор.

— И вы убили Кавалу, а не кого-то другого?

Дельгадо расхохотался.

— Я состою внештатным наемным убийцей с тех самых пор, как уволился в запас, прослужив долгое счастливое время на переднем крае в Анголе. Для того чтоб удержаться на этой должности внештатно, нужно зарекомендовать себя надежным человеком, что необходимо и в вашем сугубо специализированном деле. Меня бы давно прогнали, ошибись я хоть разок.

— Вы хорошо знали полковника?

— Одно время мы были с ним очень близкими друзьями, — сказал капитан Дельгадо. — Разумеется, до того, как он стал рьяным радикалом и слюнтявым либералом. Мы вместе участвовали в этой, к несчастью, неудачной кампании по отвоеванию Гоа у паршивых индейцев.

— И вы можете поручиться, что застрелили именно его?

— Безусловно. Гарантирую вам, что я со своим заданием справился. Не пойму, почему так переполошились в СНБ?

— Я служу не в СНБ. — Конджер проглотил две таблетки из бурых водорослей. — Я служу в АРФе.

— О, но ведь вы, служащие АРФа, вы не так... не так... — Он описывал колбасой круги в затхлом воздухе. — Вы не так бесстрашны, и у вас меньше фантазии, чем у сээнбэсовцев. Я не помню, чтоб получал заказ от вас. — Он откусил кусок колбасы. — Однако, сеньор, где бы вы ни служили, можете спать спокойно: Кавала убит и его больше нет в живых. Я продырявил его вот здесь... нет, чуть выше... вот здесь. Пробил насквозь из самого лучшего на свете лазерного оружия, револьвера русского производства, которым премировало меня ваше СНБ по случаю

моего последнего дня рождения. Даже самые толковые хирурги не смогли бы залатать такую дыру.

— А как вы думаете, где теперь его тело?

— Бедняга Кавала похоронен на семейной делянке перенесенной на новое место священной земли нашего кладбища Пресвятой Девы, — сказал Дельгадо, указывая большим пальцем в потолок. — Наверху, в Новом Лисабоне.

Об этом говорилось в закодированном послании, которое ждал Конджера в отеле.

— Один из наших арфовцев в Новом Лисабоне навел сегодня утром справки, — сказал Конджер убийце. — Гроб оказался пуст.

— Merdel

Капитан Дельгадо уронил свой сэндвич с колбасой.

— Вы об этом знали?

— Конечно же, нет, сеньор. Моя работа кончается со смертью моего подопечного, — сказал толстяк. — Я не слежу за их дальнейшей судьбой. В этом же случае я расчувствовался, вспомнив наши когда-то дружеские отношения во время службы в Анголе, и пришел хоронить бедного заблудшего Кавалу. Я видел его в гробу. Его рану можно было легко прикрыть одежкой. Видел, как полковника Макако Кавалу закапывали в землю.

— Кто-то его оттуда откопал.

— Я с ним сквитаюсь, — пообещал толстый убийца.

Горгулья была рогатая, вся покрытая чешуей и сделана из камнезаменителя песочного цвета. Она весила ровно четыре-десять фунтов. Горгулья сорвалась с одного из куполов новоперемещенной церкви святой Фатимы и грохнулась о тротуар в трех футах левой Конджера.

Он почувствовал, что она падает, еще за несколько мгновений до того, как горгулья ударилась о тротуар окутанной вечерним полумраком улицы Нового Лисабона, и успел отпрянуть вправо. Он потерял равновесие, но ему удалось упасть на руки. Не вставая, он повернул голову и глянул вверх.

На подставке, где только что покоилась эта горгулья, стоял здоровенный детина. Он разочарованно пожал плечами, погрозил Конджеру кулаком и стал спускаться, перешагивая через маковки переселенного на новое место святого храма.

— Верзила Мак, — произнес Конджер, узнав того, кто только что спихнул статую. — Значит, этим делом занимается и ССА. Вокруг горгульи столпились туристы, облаченные в пестрые цельнокроенные туристические костюмы.

— Очень редко приходится видеть эти скульптуры вблизи, — заметил с виду приятный голландец. Он достал свою автоматическую камеру, и та зажужжала, снимая на пленку распростертое на земле безобразное чудовище из пластика.

Конджер поднялся на ноги, потер вывихнутое запястье. Обойдя кучку зевак, он заспешил прочь.

Отсюда до отеля «Риц-Механикс» было всего два квартала, однако, прежде чем войти в это двадцатипятиэтажное здание, Конджер из осторожности обошел его вокруг. В отеле его ждал еще один португальский связной.

Вскоре он очутился в длинном зеленом коридоре, где сновало

полчище уборщиков-андроидов, роботов, напоминающих очертаниями человеческую фигуру. В Новом Лисабоне все еще была в почете модель «няня-негритянка», давно запрещенная в Соединенных Штатах и большинстве стран, говорящих на английском языке.

Вынув из маленького, пристегнутого сбоку ранца инструменты для управления андроидами, Конджер подкрутил здоровенную девицу, разодетую в пестрый ситцевый наряд.

— Отвези меня в служебном лифте на этаж 19А.

— Слушаюсь, сэр. Для меня это будет громадный счастье — сделать вам такой маленький услуга, — ответила дружелюбная девица-андроид и повела Конджера по коридору за угол. — Эта есть наш наилучший лифт, сэр.

Когда лифт доставил Конджера на этаж, где его ждал связаной, он поставил пружину андроида на прежнее место и направился в номер 1926А. На всех дверях на уровне глаз красовались только что намалеванные портреты теперешнего португальского диктатора. Конджер остановился перед дверью 1926А и постучал условным стуком по широченному носу диктатора.

За дверью раздалось: «Voilà!», скрежет металла и грохот.

Конджер постучал снова, на сей раз по тройному подбородку диктатора.

Из номера закричали: «Momentito». Снова раздался скрежет, потом резкий оклик: «Voilà!»

— Достаточно, — послышался другой голос. — Где этот проклятый выключатель? Ага, вот он.

— Voilà! — надсадно кричали из-за двери.

— Вы слишком высоки для шпиона, — сказал другой голос прямо за дверью. — Я разглядываю вас через это проклятое потайное отверстие. Они сделали его слишком высоко, и мне приходится подниматься на цыпочки. Ага, вот.

— А как насчет условного стука? — поинтересовался Конджер.

— Какого? — спросил голос из-за двери.

— Когда я вот так постучу, — Конджер постучал по двери, — вы должны ответить мне определенным образом.

— Секундочку. Сейчас вспомню. Так?

— Нет.

— Вы правы. Никак не могу припомнить этот проклятый шифр. Слишком он длинный. Целая симфония. Ага, так?

— Теперь правильно.

— О'кэй, сейчас я постараюсь заставить эту проклятую дверь открыться. Я хотел остановиться в «Ново Америка», но мне сказали, что в этом сезоне у АРФа урезали бюджет, к тому же в автоматизированном на 90 процентов «Риц-Меканикс» за мной будет обеспечен лучший уход. Открывается дверь? Ни с места? Стойте там, а я постараюсь вышибить ее ногой. Только сниму ботинок. Господи, теперь эти проклятые штиблеты делают так, что их не снимешь. Не знаю, как вы, но когда я был мальчишкой, ботинки были со шнурками, а не с этими проклятыми электрошвами. А у вас в детстве были ботинки со шнурками?

— Я почти все время бегал босиком.

— Правда? А вот мне бы родители ни за что не позволили.

Я самый младший отпрыск в семье, и меня слишком нежили. Ага, сейчас я ее выломаю.

Дверь застонала, неприветливо заскрежетала и раздвинула створки.

В прихожей стоял мужчина ростом меньше пяти футов. В руке он держал ботинок с электрошвом. У мужчины были светлые кудри и усы пшеничного цвета. Ему исполнилось тридцать девять. На груди его фехтовального комбинезона сверкало красное вышитое сердце.

— Здравствуйте, сеньор. Меня зовут Кэнгуру. Я — шпион экстра-класса. Входите.

Поперек перемещающегося по воздуху кофейного столика валялся, широко раскинув руки, учитель фехтования-андرويد. Хотя его механизм и был выключен, изнутри доносилось низкое жужжание.

— Берете уроки фехтования? — поинтересовался Конджер.

— Нет, бальных танцев, но проклятое Бюро Обслуживания прислало не тот автомат. Но коль уж его прислали, да еще с целым комплектом обмундирования, я решил попробовать свои силы в фехтовании. — Кэнгуру усадил Конджера на жестяную кушетку, а сам сел напротив, на диван из искусственного каучука. — Я являюсь не только в высшей степени везучим шпионом, сеньор, а еще время от времени подрабатываю небольшими ограблениями. — Он наклонился к Конджеру и поставил перед ним миску с вареным картофелем. — Хотите подкрепиться?

— Нет, благодарю вас. — Из бокового кармана Конджер извлек коробочку с витамином В-комплекс, достал и проглотил две капсулы. — Я слышал, вы видели полковника Кавалу живым и невредимым.

— Именно к этому я и клоню, — сказал маленький шпиончик. — Несколько дней назад, занимаясь своим вторым родом деятельности, связанным с ограблением, я случайно попал в монастырь братства святого Иоахима.

— Где это?

— Неподалеку от городка Винда, милях в пятидесяти к югу от нас, — пояснил Кэнгуру. — Там, где делают мицингу.

— Что-что?

— Вы никогда не слыхали о мицинге? Всемирно известный спиртной напиток. Так вот, эти проклятые братья готовят эту чертову микстуру. В ее состав входит сотня различных трав и прочие ингредиенты. Секрет производства мицинги знает лишь братва святого Иоахима да шесть-семь роботов. Лично я считаю, что в ней чего-то не хватает, к примеру, маловато аниса, но против мнения большинства не попрешь.

— А посторонних в этот монастырь пускают?

— Нет, сеньор. Монастырь усиленно охраняется и практически неприступен. Дело в том, что монахи — народ религиозный и поэтому не очень доверяют всяким электронным стражам. Вот потому-то я и просил, чтоб АРФ прислало мне невидимку, — пояснил Кэнгуру. — Как только я отыщу свой проклятый электрокарандаш, я набросаю вам план их укреплений.

— Как же вы туда проникли?

— Мне помогла моя знакомая игуменья, — сказал кудрявый шпиончик. — Однако на одной и той же кобыле два раза не

выедешь. Пойдите, сейчас я отыщу проклятый карандаш. — Он встал с дивана из искусственного каучука и захромал в дальний угол громадной гостиной. — От фехтования, сынок, нет никакого толку. Вот только стал хромать.

— Вероятно, это от того, что вы в одном ботинке, — высказал предположение Конджер. — Так что же с полковником? Вы видели его в монастыре?

— Не забегайте вперед. Дайте мне сначала отыскать второй ботинок.

— Вы поставили его на алюминиевый столик в прихожей.

— Как вы наблюдательны, сеньор. Вы давно стали невидимкой?

— Так что же с полковником?

— Я видел его там, в монастыре братства святого Иоахима. — Кэнгуру отыскал второй ботинок. — Он был в часовые, одетый в монашеский наряд, и зажигал свечу у гробницы святого Норберта Богоподобного.

— Вы в этом уверены?

— Стал бы я продавать АРФу пустой анекдот за 1000 эскудо? Да я абсолютно уверен, что видел Кавалу живым и невидимым через несколько дней после его похорон.

— Кстати, коль уж заговорили о продаже сведений, вы больше никому их не заложили?

— Неужели вы думаете, что можно завоевать репутацию шпиона экстра-класса, торгуя сведениями и вашим, и нашим? — Он обул свою маленькую ножку и снова повернулся к Конджеру. — Я не говорил об этом никому, кроме здешнего представителя вашего АРФа.

— Агент ССА сбросил на меня горгулью, когда я шел сюда.

— Горгулью? — Кэнгуру мигнул. — Богатая у них фантазия. Эти агенты Сетей Сельхозагентуры не такие уж и простачки.

— Если ССА дано задание меня уничтожить, это значит, что Китаю II известно, зачем я здесь.

— Sim, Sim, — буркнул шпиончик. — Да, Китай II постепенно остывает к вашей стране, к тому же они ненавидят нашего диктатора. Они поддерживали Кавалу, вероятно, даже готовились финансировать переворот. Им было бы на руку, останься Кавала в живых. Которую горгулью на вас сбросили?

— Ту, что слева на парапете новоперемещенного храма святой Фатимы, — ответил Конджер. — Рогатое чудовище в чешуе с вот такой рожей.

Конджер скривил физиономию, имитируя горгулью.

Кэнгуру покати́лся со смеху.

— Я знаю, которую вы имеете в виду. В ней весу фунтов пятьсот. — Он вернулся к диванчику и сел. — У вас талант мима. Какая жалость, что вам столько времени приходится быть невидимкой. Как вы этого достигаете?

— Благодаря секретному процессу.

— На самом деле вы не становитесь абсолютно невидимым, не так ли?

— В основном все построено на иллюзии. Она оказывает действие где-то в радиусе около четверти мили, — пояснил Конджер. — А теперь набросайте мне план этого предприятия по производству мицинги,

— Если Кавала и в самом деле был на том свете, тогда, значит, мы имеем дело с чем-то и кем-то внушающим благоговение, — сказал Кэнгуру, вставая, чтоб отыскать свой карандаш. — Воскрешать мертвых — дело нешуточное.

— Да, фокус что надо, — согласился Конджер.

В вестибюле веселились чернокожие посыльные-андроиды. Один из них делал целый каскад прыжков-шпагатов, а его товарищи смеялись и аплодировали ему. Отполированным до блеска кончиком правого ботинка андроид-акробат указал в прыжке на человека, которого Конджер тут же признал.

Это был полулысый толстяк, телепортировавшийся вчера вместе с ним из Нью-Йорка в Новый Лисабон. Толстяк ссутулился в желтом целлулоидном кресле, притворившись, что читает открытую наугад страницу «Моби Дика». Когда толстяк понял, что Конджер его заметил, он покраснел.

Конджер направился к парадному входу. Сегодня утром ему необходимо попасть в монастырь Братства святого Иоахима. «Интересно, на кого работает этот тип? — размышлял Конджер. — На ССА, СНБ, а может, даже на АРФ?» Он на ходу повернул в сторону парикмахерской-гимзала при отеле.

В вестибюле дурачились андроиды.

Старший парикмахер-робот был выкрашен сверкающей красной и белой краской. Он напоминал жирного цирюльника с вывески.

— *Vom dia*, сеньор, — приветствовал он, взяв Конджера за руку. — Что на вашем языке означает *dovgu rapo*.

— Это не на моем языке. — Конджер вырвал свою руку из руки расплывшегося в улыбке робота.

— Так вы не чех? Тогда, держу пари, вы венгр. Что ж, *jo reggel*.

— И вам того же. — Конджер шел теперь мимо шеренги автоматов-маникюрш. — Хочу принять паровую ванну.

— О, прошу вас. *Furdo*, как говорите вы, венгры.

— Точно. — Конджер направился в сторону паровой бани.

— Я горжусь тем, что с первого взгляда определяю национальность моих клиентов, — не унимался раскрашенный, точно индеец, робот. — Новый Лисабон, как вы могли заметить, место, где пересекаются почти все маршруты, сеньор. Поэтому каждый должен...

Полулысый толстяк осторожно переступил порог парикмахерской. Распихав листы «Моби Дика» по прорезным карманам своего дорожного костюма, он уселся перед первым автоматом-маникюршей. «Ой!» — воскликнул он через несколько секунд.

В предбаннике воздух был насыщен парами. У дверей в раздевалке за круглым резиновым столиком сидел андроид, покрытый каплями испарений.

— *Vom dia*, сеньор, — приветствовал он, — что означает...

— *Jo reggel*, я знаю.

Конджер прошел мимо андроида в раздевалку.

— *Uti momento*, — крикнул тот. — Вы должны заплатить за вход двадцать эскудо.

Конджер бросился бежать мимо пустых шкафчиков, остановился на том месте, откуда его не могли заметить, и стал невидимым.

Теперь он проделал весь свой путь в обратном направлении. Покрытый испариной андроид, который встал со своего места за столиком, чтоб отыскать Конджера, прошел мимо него.

Конджер стоял возле двери в предбанник. Минуты через три она открылась, и туда вошел полулысый толстяк.

Пока он, сощурившись, вглядывался в клубящийся пар, Конджер прошмыгнул мимо него и, невидимый, направился своей дорогой.

Белка выскочила из дупла в дубе и стала спускаться на устланную листьями землю. Перебираясь на соседнее дерево, она перепрыгнула через правую ногу Конджера.

Конджер с удовлетворением отметил, что его теперь никто не видит. Он — человек-невидимка. Сам он еще видит себя, но больше никто не видит, даже звери. Для того чтоб овладеть этим трюком, ему потребовалось девятнадцать месяцев учебы в подготовительной школе Секции Самобытных Дарований в Новой Англии. Это был процесс, частично контролируемый рассудком и усвоенный из древнего тибетского ритуала ныне покойным Винсентом Экс Уорсом. Остальное зависело от правильного применения особой жидкости, которая втиралась в тело. Она, помимо всего прочего, распространяла вокруг дурманящие пары.

Конджер спустился с лесистых холмов, окружавших обитель Братьев святого Иоахима, и направился на ее штурм. Монастырь походил на обнесенный стеной город. Он занимал акров двадцать площади и был окружен высокой, со множеством башенок, стеной из светло-коричневого камня.

Главный вход был оборудован электродатчиками, они, по всей вероятности, зафиксировали бы его появление. Если верить плану, который набросал Кэнгуру, задние ворота в обитель охранялись только вооруженными братьями.

Конджер вышел из леса и, утопая в высокой траве, прошел полем вдоль одной из монастырских стен, направляясь к задней его части. Колокол в часовне возвестил одиннадцать часов утра, в ясное голубое небо взметнулись стаи диких голубей.

В саду у монастырской стены штук двенадцать золотисто-коричневых роботов опрыскивали из шлангов, прикрепленных к заплатам, персиковые и абрикосовые деревья. Кобыла-автомат тащила деревянную телегу. Сидящий в ней длиннорукий робот собирал пустые баки, которые снимали с себя роботы-садовники.

Роботы тоже поддавались влиянию этого процесса невидимости. Конджер, никем не замеченный, догнал медленно ползущую телегу и устроился в уголке, куда не доставал длиннорукий робот.

Вдоль ближних деревянных ворот расхаживал по пыли монах в грубой, землистого оттенка рясе. У него на бедрах поблескивал бластер. Монах остановился, откинул назад капюшон и, вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб, посмотрел в сторону сверкающих под солнцем садовников.

— Загружен, загружен, — пробормотал себе под нос длиннорукий робот. Он протянул руку и поковырял в жестяном ухе полуавтоматической кобылы. Та двинулась в сторону ворот.

Монах распахнул тяжелые деревянные створки. Телега, в ко-

торой сидел никем не замеченный Конджер, въехала на монастырское подворье.

Когда ворота закрылись, Конджер спрыгнул с телеги. По обе стороны дороги тянулся строго распланированный сад, в тысяче футов впереди виднелись концентрические окружности монастырских строений.

Справа от Конджера за утопающим в алых и золотистых цветах столom из неотесанных досок сидело три монаха. Ни один из них не был полковником Кавалой.

Самый старший из монахов капнул из мензурки в крохотный, величиной с наперсток, стаканчик какой-то жидкости и протянул его монаху, который сидел рядом с ним.

— Ну, что скажешь, брат Гулхэм?

Брат Гулхэм, сорокатрехлетний мужчина, осторожно пригубил стаканчик.

— Гм, — крикнул он, опрокинув наперсток с жидкостью себе в рот. — Да, брат Джоао, на вкус это, безусловно, несравненная старая мицинга.

Брат Джоао постучал большой ложкой по виску своего меньшего собрата.

— Топто, это кока-кола.

— Не может быть.

Третий брат, рыжий толстячок, заметил:

— Из него никудышный дегустатор, брат Джоао.

— А ты-то, брат Джордж, лучше, что ли? — возмутился Гулхэм. — Ты сам принял за мицингу лимонад, оставшийся от пирушки брата Педро. Уж ты бы лучше молчал.

— Братья, братья, — стал увещевать их старый монах. — Вы оба должны усердно молиться, чтоб испросить у святого Норберта, святейшего покровителя вкусовых ощущений, ниспослать вам сию способность различать вкус. В особенности ты, брат Гулхэм, который не может отличить мицингу от кока-колы.

— Как же, поставишь тут свечку святому Норберту, когда в часовне все время околачивается этот лжемонах Кавала, — проворчал брат Гулхэм. — Он мне на нервы действует.

— Полно, полно, брат. Мы все должны учиться налаживать связи с только что воскресшими. Ведь разве не учит нас святейший боже, что недалек тот день, когда поднимутся все усопшие.

Передернув плечами, брат Гулхэм сказал:

— Меня кондрашка хватит, когда такой день наступит.

— Давайте-ка лучше сполоснем горло настоящей мицингой, брат Джоао, — предложил рыжеволосый монах. — У меня от этих ужасных разговоров в животе похолодело.

Покинув группу дегустаторов, Конджер двинулся к монастырским постройкам. Они были выложены из того же бурого камня, что и стены, на окнах красовались решетки из железных прутьев.

Часовня находилась во внутреннем круге. Робот-садовник, согнувшись, раскрашивал из бутылочки с красной краской искусственные розы.

Казалось, в этой часовне, где царили прохлада и полумрак, никого нет. В передней части высился широкий алтарь, по обе его стороны стояли фигуры, изображающие святых. Справа от

святого Иосифа Конджер разглядел дверь с табличкой. Приблизившись, он прочитал: «Усыпальница святого Норберта, святейшего покровителя вкусовых ощущений, а также автора «Быстрого приготовления вин», «Веселого виноделия» и прочих книг».

Массивная дверь была прикрыта не совсем плотно. Конджер легонько толкнул ее.

Перед алтарем в нише стоял в коленопреклоненной позе здоровенный детина лет пятидесяти в монашеской рясе братства святого Иоахима. Это был полковник Макако Кавала.

— Так как же с новым матрацем, за который я молился? — вопрошал он у высокой, в человеческий рост, статуи святого. Тот, кто побывал в царстве мертвых, должен проявлять особое внимание к своей плоти.

Конджер засунул руку в свой ранец и достал оттуда, как он думал, сыворотку честности. На самом же деле это оказались капсулы витамина АД. Он проглотил пару капсул, потом достал сыворотку и серебряный шприц.

Незамеченный, он пересек усыпальницу и воткнул иглу наполненного сывороткой шприца в толстую шею Кавалы.

— И что у тебя за усыпальница? Грызут не то вши, не то...

Воскресший полковник замолк, застыл на месте.

— Скажи мне, как тебя зовут, — потребовал Конджер. Он уперся своим невидимым задом в перила, ограждающие статую святого покровителя вкусовых ощущений.

Темные глаза Кавалы заволокло туманом.

— Я — Макако Хозе Кавала, бывший полковник Португальской армии, несчастная жертва недавнего...

— Тебя считают мертвым.

Кавала едва заметно усмехнулся.

— Так оно и было, невидимый сеньор. И, надо сказать, впечатления у меня потрясающие. Я уверен, что у вас самые что ни на есть неправильные представления о смерти. Вот я-то знаю все наверняка. Ну, прежде всего...

— Кто тебя воскресил?

— Это предприятие финансируют Сети Сельхозагентуры, да благословит их бог, — сказал полковник, одурманенный сывороткой честности. — Потом они позаботились, чтоб меня доставили сюда, где я нахожусь в безопасности, относительной безопасности. Пока мы не соберемся совершить переворот, я хочу сказать, в ССА не соберутся. Они понимают, что сейчас для этого неподходящий сезон. Переворот, который пытались совершить несколько недель назад мои введенные в заблуждение соперники, потерпел полнейший провал. Однако мне кажется, что...

— Итак, значит, счет оплачен секретными агентами из Китая II, — перебил его Конджер. — А кто осуществил работу по твоему воскрешению?

— Его называют Дремой.

— Дремой?

Кавала покачулся, дважды ударился головой о старую деревянную статую, потом растянулся лицом вниз на ступеньках, ведущих к алтарю.

— Я думаю, Драма — его кличка, ироническое прозвище, — бормотал он. — Ведь он в отличие от сказочного Дремы несет

с собой не сон, а пробуждение. По крайней мере насколько мне известно...

— Кто он такой?

— Этого, сеньор, я не знаю. Я узнал о нем только тогда, когда меня уже воскресили. Ведь я был мертв, пока он творил надо мной свои чудеса. А когда ты мертв, все твои ощущения...

— Ладно, ладно. — Конджер помог полковнику подняться на ноги и опереться о подставку для свечей на четырех ножках. Огоньки дрожащего пламени бросали красноватые отблески на скуластое лицо воскрешенного. — Ты видел этого Дрему?

— Честно говоря, я видел его только в спину, когда он выходил из лаборатории, — сказал опьяненный сыворткой полковник. — Это сравнительно худой, высокий мужчина в белом костюме. Я бы дал ему лет тридцать пять, однако, как вы, мой невидимый друг, должны понять, я в ту пору только вернулся к жизни и, разумеется, всего разглядеть не мог. Знаете, кого он мне напомнил?

— Кого?

— Правда, не совсем, однако есть некоторое сходство. В походке и фигуре. Он напомнил мне сэра Томаса Энсти-Гэтри, знаменитого британского необиолога. Я встречался с ним несколько лет назад на Всемирном Форуме Научных Фантастов в Амстердаме. Однако если это был сэр Томас, почему тогда...

— Тебе что-нибудь известно о методах Дремы, как он осуществляет воскрешение?

— Если хотите знать, у него восхитительные методы...

— Хочу знать. Можешь сообщить мне какие-либо подробности?

— К сожалению, нет, мой друг! Знаю только, что он творит вещи, которые я раньше считал невозможными. Например, моя рана почти полностью исчезла. Я боялся, что от такой дырищи останется ужасный шрам. Однако...

— А все-таки как он тебя воскресил?

Кавала вздохнул и снова стал съезжать вниз. Его ряса задралась, обнажив пухлые коленки.

— Мне об этом не говорили.

— Ты упомянул лабораторию, — напомнил Конджер. — Что, этому Дреме нужно оборудование, лекарства и операционная?

— Sim, да. И это, и кое-что еще. Как я уже вам сказал, большую часть времени я пребывал в мертвом виде. Даже когда человек живой, ему и то трудно рассмотреть, что происходит в операционной. Помню, когда мне удаляли железы...

— Где находится лаборатория Дремы?

— Я не думаю, чтоб эта была его собственная лаборатория. Мне кажется, он воспользовался чьим-то оборудованием.

— Где это было?

— Милых в ста отсюда, на побережье. Все происходило на красивой вилле герцога Окасолого, — сказал Кавала. — Вероятно, вы помните, как долго и преданно служил нашему государству герцог, будучи послом Португалии на Венере.

— Нет, — ответил Конджер. — А где точно находилась эта лаборатория Дремы?

— Если мне не изменяет память, на втором этаже в огромной комнате с застекленной крышей.

— Объясни мне, как попасть на виллу герцога.

— С радостью, мой друг. — Полковник подробно и пространно описал Конджеру, как попасть на прибрежную виллу графа Окасолого.

Конджер взял лжемонаха под мышки и поставил его на прежнее место на колени у алтаря, а сам, никем не замеченный, выбрался из усиленно охраняемого монастыря.

Человек-ящерица швырялся гвоздиками.

— Нет, и эта не подходит. Не кажется ли вам, что она не гармонирует с цветом моей кожи? — Он был шестифутового роста, в смокинге из искусственного шелка, его чешуя отливала зеленой морской волны.

— Вероятно, из-за того, что вы покраснели от возбуждения, — заметил шафер-человек. Из белой каргонной коробки, которая была у него в руке, шафер достал пурпурную гвоздику. — Примерьте эту, принц.

Зеленый, как волна, венерианец фыркнул своим узким носиком.

— Эта еще хуже.

Оба стояли в увитой зеленой беседке поместья герцога Окасолого. Дело было на следующий день после визита Конджера в монастырь. Он только что взобрался на никем не охраняемую стену из белого камня, окаймляющую громадное, в пятьдесят акров, поместье герцога со стороны океана. Конджер снова был невидим.

— А как вам нравится пестрая гвоздика? Или вот эта красавица шоколадного цвета?

— Нет, не то. — Принц-ящерица раздраженно махнул рукой, и коробка с цветами полетела на землю. Оттуда посыпались гвоздики.

Одна из них упала на невидимые колени Конджера. Он поспешно сбросил ее.

Принц-венерианец глянул в его сторону и поморщился.

— Вся эта суматоха вокруг моей бутоньерки расстроила мои оптические нервы. Мне показалось, будто эта безобразная розовая гвоздика, прежде чем упасть на землю, задержалась на несколько секунд в воздухе.

— Давайте вернемся на виллу, принц, — предложил шафер. — Я уверен, что там мы отыщем нужный вам цветок.

— Презираю свадьбы на открытом воздухе, — жаловался человек-ящерица низкорослому шаферу, плетясь за ним следом по подстриженной травке. — Ох, эти абсурдные поступки, на которые нас вынуждают дипломатические соображения. — Он повернул назад свою большую зеленую голову, чтоб бросить прощальный взгляд на стену, где все еще сидел невидимый Конджер.

Спрыгнув на траву, Конджер оглядел владенья герцога. В двух тысячах футов отсюда за холмистыми лужайками и островами цветов высился замок Окасолого, выстроенный из пористого розового камня. Около замка пестрели полосатые тенты, на широком белом бельведере настраивал инструменты оркестр из землян и венерианцев.

Через главные ворота въезжали гости в огромных лэндкарах, современных автомобилях, большинство же падало прямо с лазурного неба в своих серебристых и золотистых хопперах. Конджер обратил внимание на государственный хоппер посла Соединенных Штатов в Новом Лисабоне, который собирался приземлиться на посадочной площадке справа от розового замка.

По нижней аллее катились выкрашенные свежей краской авто-тележки с закуской. Человек-ящерица в золотисто-коричневом смокинге потянулся было за ломтиком поджаренного хлеба с икрой, но его предупредили: «Только после церемонии».

Конджер пробирался сквозь густеющую с каждой минутой толпу, стараясь никого не задеть локтем. Веселый толстяк венерианец испустил радостный вопль, увидев только что спустившегося посла Соединенных Штатов. Он протянул ему свою руку, которую Конджеру пришлось обойти.

Около венерианца стояла тоненькая девушка лет двадцати четырех и смотрела на разыгрывающихся оркестрантов. Она была красива какой-то нестандартной красотой, и Конджеру показалось, будто он ее знает. Нет, лично с ней он знаком не был, но, кажется, встречал ее на одном из последних инструктажей АРФА. Он пожал невидимыми плечами и двинулся дальше.

Принц-ящерица расхаживал по огромному залу внутри замка, жестикулируя своими прикрытыми чешуей руками и громко разглагольствуя:

— На нашей планете мы часто вставляем в бутоньерку герань.

— Очень хорошо, очень хорошо, *grinçire*, — кивал ему согбенный старец. — Мы телепортируем специально для вас цветы герани. Какой вам нужен цвет?

— О, на это уйдет несколько часов, а мне уже через полчаса нужно жениться на этой неряхе принцессе.

— Я — герцог Окасолого, — напомнил старец ящерице. — Я могу в мгновение ока достать для вас герань любого цвета. — Тогда я хотел бы алуу, — сказал принц.

Конджер поднялся на второй этаж по витой мраморной лестнице.

Молоденькая худенькая девушка-ящерица в наряде из черных кружев, смахивающем на нижнее белье, бежала ему навстречу по застланному коврами холлу.

— Я этого не вынесу! Я этого не вынесу! — кричала она.

Конджер прижался к обшитой панелями стене, чтоб дать ей дорогу.

Из комнаты в конце коридора выскочили две толстухи, одна — ящерица, другая — человек, и бросились за девушкой. Они догнали принцессу и вцепились в нее с двух сторон.

— Оркестр уже настраивает инструменты, — напомнила ей толстая ящерица, ставя принцессу на колени.

— И сандвичи уже готовы, — добавила вторая толстуха. — По 1400 каждого сорта.

— Угу, — кивала головой принцесса.

Конджер бочком вышел из их окружения.

Мать принцессы сказала:

— Принц очень красив.

— Он — маменькин сынок.

— Это все дворцовые сплетни.

Коридор разветвлялся надвое. Конджер пошел влево. Комнаты в этой части виллы были пусты. Он заглядывал во все двери. Наконец он отыскал большую белую комнату с высоким стеклянным куполом. Снаружи по стеклу вразвалку разгуливали три черных голубя.

«Что же сделал Дрема? — гадал Конджер. — Телепортировал все оборудование вместе с собой?»

Он принялся. В комнате еще слегка пахло лекарствами, а на голом полу был след, который мог оставить передвижной операционный стол.

Обыскивая комнату во второй раз, Конджер заметил маленькую зеленую пилюлю, которая лежала у стены поверх слоя пыли. Это была пилюля из бурых водорослей, такая же, какие употреблял он сам. Конджер положил ее себе в ранец.

В остальных комнатах он не нашел ничего интересного. Потом он обследовал правое крыло. Там были только комнаты для гостей.

Коснувшись прикрепленного сбоку ранца, Конджер сказал сам себе:

— Поговорим со старым герцогом.

Герцога Окасолото в зале не было. Принца с шафером тоже. Конджер слышал капризные жалобы принца, доносившиеся с лужайки.

Окасолото стоял у бельведера, передавая стопку нот ящерице-капельмейстеру в коричневом.

— Principle настаивает, чтобы вы включили в программу двенадцатитоновые брачные мелодии венерианцев, — говорил герцог капельмейстеру.

Конджер, никем не замеченный, направился к герцогу.

Вдруг ему сделалось не по себе. Он остановился возле стола-автомата с сэндвичами и нахмурил невидимые брови. На него кто-то смотрел.

Медленно повернув назад голову, Конджер увидел стройную брюнетку. Она смотрела прямо на него.

Едва заметно улыбаясь, брюнетка пересекла лужайку и схватила Конджера за руку.

Почти не двигая губами, тоненькая брюнетка сказала:

— Нам надо поговорить.

Она отпустила руку Конджера и медленно пошла прочь.

Он последовал за ней.

Брюнетка повела его подальше от гостей по аллее, обсаженной лаймовыми и лимонными деревьями, к огромной оранжерее. В насыщенном парами стеклянном помещении стояли в длинный ряд кадки и ящики с тропическими растениями. Со стен свисали гроздья винограда. Повсюду плел свои замысловатые кружева солнечный свет.

Остановившись в самом дальнем конце оранжереи, девушка сказала:

— Вы, кажется, тоже ничего не нашли?

— Как это вы смогли меня углядеть?

Она подняла обе руки и сделала опознавательный жест.

— Узнаете?

— Условный знак Службы Национальной Безопасности, — сказал Конджер. — Но как же все-таки вы смогли меня углядеть?

— Меня зовут Анжелика Эйбрил, — сказала девушка. — Номер моего РУ — 762-3342-A0.

— Рад познакомиться с вами, мисс Эйбрил. Меня зовут Джейк Конджер.

— Знаю, — кивнула Анжелика. — СНБ почти полгода назад изобрела способ противостоять эффекту невидимости Секции Самобытных Дарований.

— Восхищен.

— Вы этого не знали?

— Нет.

Девушка нахмурила брови.

— Странно, Джейк, СНБ проводит обычно политику информирования АРФА в вопросах, непосредственно касающихся дела.

— Как вы этого достигаете?

— Точно мне неизвестно. Мне сделали какой-то укол. — Она провела своими тонкими пальцами по верхней части руки. — Мне кажется, меня просто снабдили иммунитетом. Кстати, вы один из лучших невидимок. На прошлой неделе мне пришлось работать бок о бок с агентом Тейтом в Верхнем Монреале, и я должна сказать, что он бузовый невидимка.

Конджер достал коробку с витамином С в таблетках.

— А кто-нибудь в противоположном лагере обладает таким иммунитетом?

— В каком противоположном лагере?

— Я имею в виду Китай II. Один их агент все время меня преследует.

— О, вы имеете в виду Верзилу Мака и его дружков? — спросила Анжелика. — Нет, они видят вас только тогда, когда вы видимы. Насколько нам известно — а СНБ обычно располагает надежными сведениями, — ваших агентов пока удается видеть только нам. Верзила Мак что-то на вас сбросил, не так ли?

— Горгулью из пластика.

— Ну и времена пошли. Раньше горгульи делали из камня.

— Да, каменные для таких целей надежней, — заметил Конджер. — Вам неизвестно, как Верзиле Маку удалось меня выследить?

— ССА взяли в Новом Лисабоне и его окрестностях двух ваших арфовцев. Возможно, те проговорились, или же они выследили вас, когда вы беседовали с капитаном Дельгадо на матче по боксу.

— СНБ тоже за мной следит?

— Запомните раз и навсегда: я приехала сюда не за тем, чтоб следить за вами, — сказала темноволосая Анжелика. — Я прибыла сюда независимо от вас, в качестве сотрудницы американского посольства. — Девушка постаралась заморозить его улыбкой. — Хотите со мной сотрудничать?

— В чем?

Анжелика рассмеялась.

— В этом задании, касающемся Дремы. СНБ плевать, на какие уступки идет их агент, лишь бы только это принесло результаты. Вот я и решила, что, коль уж наши дорожки будут то и дело пересекаться, нам лучше сводить концы воедино. Результаты в таком случае будут куда эффективней.

— Вам известно, кто такой Дрема? — спросил Конджер.

— Нет. Но и вам, судя по всему, это неизвестно.

— Я как раз собирался использовать на герцоге сыворотку честности.

— О, мне кажется, в его возрасте он не выдержит две инъекции подряд.

— Вы его уже обработали?

— Примерно с час назад, пока вы обыскивали виллу. Герцог захотел меня ущипнуть, и я увела его в пустынный уголок.

— Где он вас ущипнул?

— Один раз, до того, как я ввела ему эту сыворотку.

— Что ему известно?

— Ничего особенного, — сказала Анжелика. — Он представил свой замок на одну ночь Дреме, за плату. Политически герцог не имеет к этому никакого отношения. Его даже не было здесь, когда оборудовали лабораторию.

— А где теперь его лаборатория?

— Все оборудование куда-то телепортировано по системе контрабанды, — пояснила девушка. — Мы сами заинтересованы в том, чтоб его отыскать.

— Кто платил герцогу за аренду помещения?

— В данном случае основная сумма поступила из Китая II, от Сетей Сельхозагентуры. И небольшая сумма от фронтовых друзей полковника Кавалы, которые пустили шапку по кругу.

— В данном случае, — повторил Конджер. — Вам известны другие случаи?

— Мы знаем еще пять человек, воскрешенных Дремой. Четверо из них — радикальные политические фигуры, пятый — норвежский поэт-либерал. — Красотка снова ему улыбнулась. — О'кей, я поделилась с вами кое-какими сведениями. Хотите сотрудничать со мной и сообщить то, что известно вам?

Дорожки между рядами тропических растений были вымощены мозаикой, переливающейся зеленью морской волны. Конджер, отойдя от девушки на несколько ярдов, рассматривал узоры на полу.

— Я знаю о Дреме не больше вашего, — наконец сказал он. — Что касается совместной работы — нет. Люблю работать в одиночку.

— Неужели? Это понравится вашему шефу Джиэру.

Конджер промолчал.

Анжелика подошла к нему и остановилась возле карликовой пальмы.

— Возможно, мы встретимся снова в Рио. Подумайте о моем предложении.

— Почему именно в Рио?

— Вчера вечером лидер повстанцев, известный под именем Мачадо, был застрелен, как полагают, во время тайного визита в Рио, — пояснила девушка. — Есть все основания считать, что Дреме поручат его воскресить. Поэтому, как только я по-

кончу с делами здесь, я собираюсь телепортироваться в Бразилию. Хотите, подвезу до телепортической станции?

— Я еще не знаю, куда мне предстоит податься после этого.

— Вероятно, в Рио. — Анжелика подошла к стеклянной двери. — Итак, до встречи.

На фоническом экране проявился шеф Секции Самобытных Дарований. Он жевал пончик и все время вытягивал шею.

— Ну-ка, Джейк, отойди в сторону. Я был в Рио пять лет назад, и мне хочется взглянуть, что там делается сейчас.

Конджер отошел в сторону и облокотился о шит, огораживающий его балкон на 20-м этаже. Под ним раскинулся Рио-де-Жанейро, эта мозаика из белого мрамора и изумрудной листвы в полуденной дымке светло-шоколадного цвета.

— Что ты ешь?

— Разумеется, лэнч, — сказал Конджер, обращаясь к пиксфоническому экрану. — В Манхэттене теперь перевалило за полдень. Я взял себе за правило питаться в одно и то же время, чтоб не расстроить пищеварение.

Конджер взял со стоящего рядом автостолика стакан витаминизированного апельсинового сока.

— Есть какие-нибудь новые сведения, касающиеся только что воскрешенного смутьяна?

Джиэр вытер со щеки виноградное варенье и облизнул палец.

— Я для того и нанял этого недоноска, чтоб он кое-что для тебя раскопал.

— Какого недоноска?

— Этого кудрявого португальского шпика.

— Кэнгуру? Он в Бразилии?

— А где же еще ему быть? Только что оплатил счет по его телепортированию. Он должен был попасть туда еще ночью. Я решил, тебе потребуется помощник, владеющий местным языком. К тому же у него, мне кажется, нюх на этих воскресших подонков. Он с минуты на минуту тебе доложится.

— Вы уже навели справки о человеке, которого, как сказал Кавала, ему напомнил Дрема? О сэре Томасе Энсти-Гэтри?

— Он по всем статьям для этого подходит. Чрезвычайно одаренный необиолог, длительное время возглавлял Лаймхаузский научно-исследовательский центр по продлению человеческой жизни в Англии, один срок был партийным лидером в парламенте, — сказал Джиэр. — Вот только...

— Что только?

— Он мертв.

— Многие из тех, кого сейчас считают мертвыми, разгуливают себе живыми и невредимыми.

— Что касается Энсти-Гэтри, то мертвым его никто и не видел, — пояснил Джиэр. — Примерно два года тому назад он вошел в кабину для телепортирования в Лайморе, Калифорния, и так никогда и не появился в месте назначения, в Барчестере, Англия.

— Значит, не исключено, что он жив-здоров.

— Не исключено, — согласился босс. — Я поручил нашему человеку специально заняться этим.

— Что-нибудь еще удалось узнать в Новом Лисабоне?

Конджер сел на воздушную подушку возле фониической стойки.

— Мы пытались найти след кого-нибудь из тех подонков, что откопали тело полковника, — сказал Джизр, принимаясь за новый пончик. — Вели наблюдение за монастырем, но до сих пор никто из подозрительных личностей не пытался наладить связь с Кавалой. Слуховые мониторы, которые мы установили повсюду, не записали ничего, кроме молитв и высказываний по поводу производства этого проклятого напитка.

— А что слышно насчет агентов Китая II, которые пытались расплющить меня горгульей?

Джизр проворчал нечто нечленораздельное, помахал у себя под носом листком розовой бумаги для факса.

— Тебе известно, во что обойдется установка на прежнее место этого проклятого пластикового чудовища?

— Нет.

— В 290 долларов. Наличными, — пояснил Джизр.

— Нам-то что до этого?

— Мой тамошний представитель имел неосторожность проболтаться об этом инциденте, и наш дурачок-посол предложил АРФу в качестве жеста доброй воли взять на себя расходы по установке, — пояснил Джизр. — Вот я при встрече сделаю ему один жест.

— А что слышно о Верзиле Маке?

— Он вместе с одним или двумя своими коллегами был в Новом Лисабоне в одно время с тобой, — сказал Джизр, заглядывая в желтый блокнот. — В Новом Лисабоне все еще болтается несколько агентов ССА, к примеру, вокруг монастыря. Но Верзила Мак, судя по всему, оттуда отчалил. Мне кажется, он тоже должен объявиться в Рио-де-Жанейро.

Выпив апельсиновый сок, Конджер поинтересовался:

— А что ответила Служба Национальной Безопасности?

— Ничего, — сказал шеф.

— Их агентесса произвела на меня впечатление очень общительной особы.

— Одно дело в низах. Здесь же, наверху, даже люди и те закодированы.

— Значит, СНБ не сочло нужным признать, что они нашли способ рассекретить наш процесс невидимости?

Джизр покачал своей лысой головой.

— С тех пор, Джейк, как ты доложил мне, что эта агентесса может тебя видеть, я только и делаю, что занимаюсь диктовкой докладных и прочих нудных документов. Официально СНБ никогда ничего не признает. Нам, видимо, придется провести массу конференций и заседаний, чтоб обнародовать хотя бы часть сведений.

— Очень досадно, что агенты СНБ могут меня видеть, — заметил Конджер. — К тому же меня беспокоит, что Китай II имеет возможность обнаружить мое местонахождение.

— Не имеют они таких возможностей, — заверил его босс. — Это ничем не доказано.

— Три дня назад мы ничем не могли доказать, что за дело взялась СНБ.

Джизр запихнул в рот остатки последнего пончика.

— Твой боевой дух, Джейк, не поднимется от того, что ты начнешь сомневаться в непогрешимости методов Секции Самобытных Дарований. Запомни, Джейк: в груди АРФа бьется сложный символ веры всех отважных и мужественных поколений янки, так или иначе связанный с кровью, пролитой в священных...

— Что с пилюлей, которую я нашел в помещении бывшей лаборатории?

Джиэр насупил брови и взял двумя пальцами маленький плионовый конвертик.

— Ты уверен, что у тебя мозги в порядке? Телепортирование этой ерунды обошлось нам в 27 долларов, а тут вдруг выясняется, что это одна из тех пилюль из золы бурых водорослей, которые глотаешь ты.

— Не может быть.

— У тебя небось дырявый карман. — Джиэр разжал пальцы с конвертом. — Нужно...

Конджер взглянул вверх и увидел две маленькие ножки, спускающиеся из отверстия в настиле верхнего балкона.

— Минуточку, — сказал он боссу. Его правая рука потянулась к пристегнутому сбоку ранцу, где лежал маленький пистолет. — По-моему, вижу своего внештатного помощника. Свяжусь с вами чуть позже.

Спрыгнув вниз, Кэнгуру сказал:

— Лифты в этом отеле ужасно ненадежные. Этот проклятый механизм провез меня двумя этажами выше, сеньор. — Он стоял, широко расставив ноги и улыбаясь. — Como vai?

— О'кей. — Конджер вошел с балкона в свою гостиную. — Что-либо узнали?

— В СНБ служат очень симпатичные агенты. — Кэнгуру остановился посередине комнаты. — Здесь все расставили шиворот-навыворот.

— О каких симпатичных агентах вы говорите?

— Эта девушка тоже была в Новом Лисабоне. — Все еще хмурясь, Кэнгуру подошел к прозрачному диванчику, наполненному бирюзовой водой, в которой плавали пестрые тропические рыбки. — Она остановилась в «Интеллектуэл Риц Отель» под фамилией Анжелика Эйбрил.

Конджер ходил взад-вперед по ковру цвета травы.

— А что слышно об этом смутьяне Мачадо?

Белокурый шпиончик сидел, широко расставив ноги, и следил за маленькими мерцающими рыбками, которые плавали под ним. — Мачадо опять жив-здоров.

— Где на сей раз провел свою операцию Дрема?

— Этого мне еще не удалось установить, — покачал головой Кэнгуру. — В этой стране процветает подкуп, и цены здесь куда выше, чем в Португалии. Я уже потратил чуть не полтыщи долларов.

— Где Мачадо?

— Сообщать все сведения в закодированном виде — страшно трудоемкая процедура, — жаловался Кэнгуру. — Я каждый раз рискую здоровьем и жизнью, в АРФе же выдают зарплату только по 1-м и 15-м числам. Преимущества СНБ в том, что там деньги дают каждый вторник и четверг. — Он следил за поло-

сатой, точно зебра, рыбкой, пока она не исчезла под его задницей. — Где Мачадо находится в данный момент, я вам сказать не могу. Однако мне известно, где он будет сегодня вечером.

— Где?

— Здесь, в Рио, — ответил маленький шпион. — На инаугурационном балу.

Конджер перестал ходить по комнате.

— Кто вступает в должность?

— Никто. Устраивает эти танцульки президент Барко де Песка. На самом деле он заступил на должность больше года назад, только до сего дня времена были тревожные и устраивать официальное торжество было опасно. Когда Мачадо прихлопнули, он решил, что теперь террористы притихнут.

— Мачадо появится там не затем, чтоб станцевать вальс.

Кэнгуру сполз с прозрачного диванчика и стал возле него на колени.

— Этих рыбок нельзя сажать с мелюзгой, этих оранжевых, в крапинку. Они ведь истонные враги, — сказал он. — Насколько мне известно, Мачадо собирается обставить свое возвращение к жизни как религиозное чудо. Он рассчитывает совершить помпезный выход, что поможет ему отобрать власть у Барко де Песка.

— О'кэй, я приду на бал невидимкой и перехвачу Мачадо, прежде чем ему удастся замутить воду. Может, он подскажет нам, где искать Дрему. — Конджер плюхнулся в наполненное золотистыми камешками кресло из псевдостекла и достал пилюлю из золы бурых водорослей. — СНБ подозревали, что Дрема воскресит Мачадо. Может, их агенты следили за его трупом?

Кэнгуру, показывая крохотным указательным пальцем на рыбу-вуалехвостку, поднялся и посмотрел на арфовского агента.

— Хорошо, что вы напомнили мне, сеньор, — сказал он. — Я узнал, что все агенты СНБ, которые посменно несли вахту возле тела этого подонка, клянутся, что к гробу никто не подходил, кроме нескольких смельчаков из левых организаций. Все агенты, в том числе секретная полиция, божатся, что труп Мачадо ни на секунду не покидал простого соснового гроба, в который его поместили. Однако когда вчера поздно вечером их достигли слухи о его воскрешении и они открыли крышку этого соснового гроба, Мачадо там не оказалось.

— Мне это уже известно, — прервал его Конджер. — АРФ посылал туда своего агента, когда стало известно, что Мачадо воскрес.

— Мне кажется, Дрема изобрел новый усовершенствованный способ затуманивать мозги окружающим и сбивать их с толку, — рассуждал Кэнгуру. — Очевидно, агенты СНБ обладают иммунитетом только против более явно выраженных препаратов гипнотического, а также депрессирующего свойства. Этот Дрема, видать, очень одаренный человек.

— По крайней мере в хитрости ему не откажешь.

— А может, вы хотите посетить бал в человеческом обличе? — поинтересовался Кэнгуру.

— Нет, я приду туда невидимкой.

— А то я хотел дать вам несколько полезных советов относительно бальных танцев, — сказал Кэнгуру. — Бесплатных, разумеется.

Президентский дворец парил в трехстах футах над землей, поддерживаемый столбами воздуха. Это было круглое здание, эдакий огромный, светящийся в темноте серебряный пончик.

Дворцовые войска сомкнулись в тесное кольцо внизу, окружив пространство под висящим в воздухе дворцом. Гости внимательно разглядывали у трех проходов, образованных солдатами. Лакеи в малиновых ливреях из натурального шелка спрашивали у гостей пригласительные билеты и, чтоб убедиться в том, что они подлинные, опускали их в отверстия квадратных проверочных автоматов. Потом гости поднимались по висячим трапам на платформу, где их тщательно обыскивали роботы специальной службы безопасности.

Конджер проделал с собой соответствующую процедуру в общественном цветочном сквере около висящего в воздухе дворца президента Барка де Песка. Теперь он был невидим. Невидим для всех, кроме агентов Службы Национальной Безопасности.

Кэнгуру укрылся в зарослях ранних тюльпанов и отсюда в ночной бинокль следил за все пребывающими гостями, надеясь углядеть воскресшего Мачадо.

Худой, седовласый лакей, стоящий возле трапа, по которому поднимался Конджер, протирал свои покрасневшие глаза, когда он проходил мимо него. Серый с красноватым отливом робот службы безопасности не обратил на него ни малейшего внимания. Этих роботов использовали в Вашингтоне в конце XX века, и теперь они были списаны правительством Соединенных Штатов. Они были слишком незамысловаты, чтоб его обнаружить.

Все три трапа вели к возвышению из ярко-розового пластика. Высокопоставленный человек-кот с Марса толкнул Конджера своим мохнатым локтем и, сощурив узкие зеленые глазки, ступил на возвышение. Когда он летел к президентскому дворцу, его рыжий мех встал дыбом. За ним, придерживая обеими руками коротенькую юбочку форменного наряда, устремилась вверх хорошенькая темнокожая принцесса Третьего Всемирного Временного Государства 6.

Конджер задержался под аркой, ведущей на возвышение. Когда престарелая аристократка-ящерица обернулась на пороге, чтоб отцепить свой жемчуг от ручки шпаги урбанского генерала, Конджер прошмыгнул мимо нее и устремился вверх.

В зале под музыку оркестра, составленного из девятнадцати разодетых в шелка роботов, танцевало человек двести гостей. Все Рио в данный момент было буквально помешано на вальсе, и оркестр наигрывал Штрауса.

Анжелика Эйбрил, хорошенькая агентесса СНБ, пронеслась мимо него, кружась в вальсе в объятьях дородного мужчины. Конджер узнал в нем Верзилу Мака, агента Китая II, который пытался раздавить его горгульей.

Заметив Конджера, Анжелика едва заметно подморгнула ему.

Конджер почесал нос. Как было бы здорово, если б эта девушка не могла его видеть. К тому же ему не нравилось, что она теперь танцует с агентом ССА.

Но коль уж ты видимый агент, тебе приходится придерживаться иных правил, поэтому он отметил, что на Анжелике было коротенькое платье, обнажавшее ее сильно загорелую гладкую спину.

Конджер отвел взгляд от девушки и направился по бальной зале в поисках Мачадо. В толпе особенно трудно быть невидимкой. Стоит только одному-двум гостям налететь на невидимую преграду, возникнет недоумение и тебе, можно сказать, конец.

Он быстро отпрянул в сторону, чтоб пропустить автоматическую тележку с шампанским, которая катилась к одному из воздушных балконов.

Посол Соединенных Штатов в Бразилии бегом догнал тележку. Он схватил два бокала с шампанским и вернулся к герцогине-ящерице, с которой только что кружился в вальсе. На беглом венерианском языке он предложил тост в честь этой покрытой зеленой чешуей женщины. Она широко улыбнулась и сказала в ответ: «Да здравствует Америка!»

В центре безбрежного танцевального зала с черным полом кружились в вальсе, почти касаясь друг друга, четыре пары. Судя по всему, это были президент Барка де Песка и его переодетая в штатское охрана.

Среди них Конджер углядел человека в парике и с фальшивыми усами. Он направился в его сторону, но оказалось, что это не загримированный Мачадо, а всего-навсего престарелый перуанский дипломат.

Кто-то ударил его ногой по коленке, и он отпрянул в сторону, пропуская Анжелику.

Когда закончился вальс, затянутый в белый шелк робот-дирижер объявил: «А сейчас мы предлагаем вам попури из бразильских народных танцев». Он постучал палочкой по своей почти настоящей ладони, и оркестр автоматов заиграл: «When the Saints Go Marching in».

— Que, Quem, Por que! — закричал кто-то из президентского кружка.

— Не волнуйтесь, сеньор президент, — окликнул его американский посол. — Я подкрутил ваш оркестр, чтоб он сыграл настоящую американскую вещичку... Думал, вы не станете возражать. Герцогиня сроду не слыхала американского джаза.

— О, разумеется, я не возражаю, — сказал президент Барка де Песка. Он был примерно такого же роста, как Кэнгуру, только гораздо посолидней его. На бал он явился в полной форме главнокомандующего, вплоть до высоченной, разукрашенной золотом шляпы. — Это я от удивления, поскольку ожидал услышать свои любимые танцы, ритмы моего народа. Этот старый почтенный бит, который является настоящим пульсом ничего, но гордого бродяги...

— Я хотел немного развлечь герцогиню, — прервал его высокий посол.

Конджер продолжал свой путь. С тех пор как он вошел в зал, прибыло еще человек пятьдесят гостей, но ни один из них не был похож на Мачадо. Он решил обследовать балконы.

Вместо барьеров балконы были ограждены силовым экраном. На первом Конджер увидел двух девушек-кошек, которые стоя-

ли, облокотясь о невидимый барьер. Они болтали по-португальски с мужчиной. Конджер узнал в нем андроида службы безопасности американского посольства.

Отсюда ему был виден сквер, в котором залег Кэнгуру. Из ранца на боку он достал специально окрашенные очки. Белокурый шпиончик должен был посылать ему периодические сигналы-вспышки, чтоб Конджер был в курсе, когда появится Мачадо.

Едва надев очки, он увидел далеко внизу вспышки сигналов Кэнгуру. Крошечные точки света превращались в зашифрованные слова.

В переводе это означало: «Проклятый шифр. Никакой логики. Такая берет тоска после нескольких тысяч бликов. Кнопка сделана так, что сразу же начинает болеть большой палец. Итак, на случай, если вы меня видите... Да будет вам известно, что я только сейчас получил сообщение из одного моего источника, что Мачадо сегодня вечером не объявится. Повторяю, Мачадо на танцульки не придет. Не спрашивайте почему. Вы сами знаете этих смутьянов. Удивительно, как это им с их дисциплиной удалось совершить несколько переворотов. Я буду повторять это проклятое послание каждые десять минут, после чего отправлюсь дрыхнуть».

Пожав невидимыми плечами, Конджер покинул балкон. Анжелики в бальном зале не оказалось. Что ж, ему все равно не велели брататься. И все же как-нибудь ненавязчиво он может сообщить ей ту новость о Мачадо, которую только что узнал.

Он нашел ее на третьем балконе, за оркестром. Девушка беседовала с улыбающимся китайцем, который сжимал в своих пухлых ладонях бокал с шампанским.

Между Конджером и этой парочкой стоял на подставке в форме зыбика андроид-мажордом. Он тихонько наигрывал на своей серебряной гитаре цыганские мелодии.

Задержав взгляд на хорошенькой тоненькой Анжелике, Конджер решил, что теперь опасно с ней говорить. Он застегнул свой невидимый жакет, спасаясь от холодного ветра, который гулял по балкону, и направился в зал.

«Ветер?» — подумал про себя Конджер.

Силовой экран не должен пропускать никакого ветра.

Конджер вернулся и осторожно подошел к краю. В нескольких сотнях футов под ним двигались точки охраны и вновь прибывающих гостей. Он вытянул руку, и та оказалась в прохладном мраке ночи. Кто-то отключил силовую систему.

Он повернулся к Анжелике и увидел, как улыбающийся румяный китаец швырнул свой бокал в темноту и схватил девушку за талию.

— Спасите! — крикнула Анжелика.

— Я бы не стал это делать, будь на то моя воля, — извиняющимся тоном пояснил дружелюбный китаец.

Конджер в два прыжка очутился рядом с ними. Он схватил девушку за плечи и притянул к себе.

Столкнувшись с невидимой силой, китаец от неожиданности выпустил Анжелику, попятился назад, и его каблуки оказались над пропастью. Он задержался на краю, балансируя руками и не в силах шагнуть вперед.

Конджер подтолкнул девушку ко входу в зал, а сам бросился вперед и схватил размахивающего руками китайца за полу жакета. Потом поднатужился и втащил толстяка на балкон.

Снова очутившись на балконе, китаец сказал:

— Должно быть, это один из этих американских сволочей-невидимок.

Он сделал выпад ногой, целясь в то место, где, как он предполагал, у Конджера был пах.

Он действовал наугад, однако удар пришелся Конджеру в живот. Конджер хватил ртом воздух и согнулся вдвое. Он тут же заставил себя выпрямиться и сойти с этого места.

Китаец толчком опрокинул андроид с гитарой, надеясь, что тот преградит Конджеру путь.

Конджер отпрыгнул в сторону, и все-таки падающий автомат его зацепил. Он упал сверху андроида, поцарапав подбородок об острые металлические струны гитары.

Анжелика отошла в сторону, пропуская бегущего китайца. Потом подошла и помогла Конджеру отцепить от автомата одежду.

Посол Соединенных Штатов вместе с герцогиней и множеством других гостей шаркал подошвами под музыку. Это шарканье вместе с грохотом автоматического оркестра заглушили звуки борьбы, которую пришлось вести Конджеру. На балкон даже никто не вышел.

— Агенты Китая II своего слова не держат, — сказала Анжелика, отряхивая Конджера.

— Зачем вы это делаете? Ведь меня никто, кроме вас, не видит.

— Но я не люблю смотреть на запачканных шпионов.

— Этот парень — соратник Верзила Мака?

— Да, его зовут Джерри Тинг, — ответила Анжелика. — Я считала, что на сегодня у нас перемирие. Я бы не стала танцевать с ними, хоть Верзила Мак и превосходный танцор, знай наперед, что они получили задание убить меня сегодня вечером, а эти парни неумолимы.

— Как вы себя чувствуете?

Красотка в удивлении подняла брови.

— Я? О, превосходно. Кстати, спасибо, что вы спасли мне жизнь.

— Мне кажется, в данном случае наши с СНБ интересы совпадают.

Анжелика протянула руку и погладила Конджера по голове.

— Ну, пу. Вы ждете Мачадо?

— Ждал.

— Вы уже знаете, что его не будет?

— Да, я как раз искал вас, чтобы сообщить эту весть.

— Очень заботливо с вашей стороны, хотя уверена, что в вашем заведении это не оценят. Хотите меня проводить?

Конджер смотрел на девушку. Ночной ветерок врывается через раскрытую дверь не защищенного силовым экраном балкона и теребил ее волосы.

— О'кэй, — кивнул он.

Цыган-скрипач сказал:

— Эй, убери руки.

Конджер, нахмуясь, отошел от него.

— Разве у тебя нет выключателя?

— Конечно, нет, — ответил низкорослый цыган, опуская скрипку и поправляя малиновый шарф на голове. — Я — живое человеческое существо, а не робот.

— Ты пилишь, точно робот, — Конджер вернулся к зеленому дивану-гамаку, на котором он сидел, когда в холл Анжеликиных апартаментов вошел цыган со скрипкой.

— А ты, приятель, ворчун, — отметил цыган. — Мисс Эйбрил, как тебе известно, заказала интимный обед на две персоны. С двумя цыганами-музыкантами.

— Так где же второй?

— Я думал, ты, зануда, не любишь цыган.

— Угадал, — буркнул Конджер. — Просто я не могу вышвырнуть человека вон, не поболтав с ним перед этим.

— Хорошо, что Маша слегла с этрусским гриппом и не пришла сюда со своим тамбурином, — сказал цыган, пробираясь через гостиную к выходу. — Пока я здесь, хочешь, достану свечи?

— Свечи?

— Да, зануда, ты будешь иметь две настоящие романтические стеариновые свечи, которые будут коптить на столе во время интимного обеда на две персоны. Они появляются из стены в столовой, — пояснил скрипач, медленно пятясь задом к двери. — После того как я исполню полурри, я должен нажать на нужную кнопку.

— Я сам их достану.

Цыган тряхнул головой, и его золотые серьги звякнули.

— Что ж, пошел досматривать футбольный матч.

Конджер медленно раскачивался на диване-гамаке, любуясь позисшей над Рио черной ночью и то и дело переводя взгляд на дверь в спальню Анжелики.

Через несколько минут эта красивая темноволосая девушка вышла к нему переодетая в короткий вечерний наряд.

— Джерри Тинг порвал в двух местах платье, когда хотел меня спихнуть, — сказала она. — С кем ты тут разговаривал?

— С цыганом.

Анжелика присела на краешек висящего в воздухе стула из красного дерева.

— А я его знаю?

— Он прилагается к обеду, — сказал Конджер. — Ты сама заказала интимный обед на две персоны.

— Просто я не слишком голодна. А у интимного обеда небольшие порции, — пояснила стройная красавица. — Или ты умираешь с голода?

— Нет.

— Я заказала его не ради интима, понимаешь?

Кивнув головой, Конджер заметил:

— И две свечи.

— И две свечи.

— В дополнение к цыгану.

— Две свечи и двое цыган, только один из них заболел.

— А где же свечи?

— Нужно нажать кнопку.

Конджер встал и направился в столовую.

Девушка протянула руку.

Конджер остановился возле нее.

— Нам не нужны никакие свечи, — сказала она.

— Да, они нам вроде ни к чему.

— Честно говоря, я съела штучки три маленьких сандвича на президентских торжествах. А ты без конца глотаешь свои витамины.

— Итак?

— Итак, ни тебе, ни мне обед не нужен.

— Вот именно.

— Это здорово.

Конджер заключил девушку в объятия.

Анжелика спала, тесно прижавшись к нему. Конджер открыл сначала левый глаз, потом правый. Огромная круглая спальня постепенно наполнялась лучами только что взошедшего солнца. По ту сторону портьер чирикали искусственные птички.

Комната заметила, что Конджер проснулся, и по синему полу бесшумно подкатился к кровати пузатый серебряный кофейник-автомат.

— Bom dia, доброе утро, — прошептал пузатый кофейник. — Не хотите ли свежайшего натурального кофе, сеньор? С жирными сливками и ложкой, вёрхом...

— Не надо кофе, — сказал Конджер правым уголком рта.

Красивая темноволосая Анжелика что-то пробормотала во сне и скользнула ладонью по его обнаженной груди.

— Тогда что прикажете, сеньор? «Интеллекчуэл Риц Отель» может предложить вам только что заваренный китайский чай, приготовленный из...

— Я обычно ничего не пью, пока не пробегу свою дистанцию и не закончу все упражнения, — пояснил автомату Конджер. Анжелика открыла глаза.

— С кем ты разговариваешь, Джейк?

— С кофейником.

— О, — она склонила головку на плечо.

От стены отделился второй автомат и с грохотом подкатился к кровати.

— Bom dia, сеньор. Не хотите ли настоящих американских лепешек, выпеченных из отбеленной, обогащенной витаминами муки и густо смазанных искусственным...

— Нет. — Конджер осторожно сел в кровати и сделал жест рукой, приказывая пузатому автомату убираться к чертям. — Я ничего не ем, пока не пробегу положенного и не закончу зарядку.

— Могу принять у вас заказ, сеньор, и обслужить вас по окончании вашей деятельности, — предложил автомат. — Может, желаете попробовать сочной свиной колбасы, обжаренной...

— Нет. — Конджер пнул автомат ногой.

— Ага, теперь я все понял, — заметил автомат. — Вы влюбились и потеряли аппетит. Вас поразила стрелой этот, как вы, американцы, его называете, Колбасон.

— Купидон, — поправила Анжелика. Она повернулась на спину и потянулась. — Почему бы вам, ребята, не вернуться к себе в стену? Я позову вас, когда нужно.

— Ну конечно же, — согласился кофейник. — Мы появились только потому, что в правила «Интеллекчуэл Риц» входит...

— Назад! — прикрикнул Конджер.

Когда автоматы удалились, Анжелика сказала:

— Вот так-то лучше.

Конджер обошел вокруг кровати и сел на краешек возле Анжелики.

— Я, честно говоря, всего этого не ожидала, — сказала она, сделав своей тоненькой рукой неопределенный жест.

— Я тоже, — кивнул он. — Не представлял до конца.

Она подтянула коленки к подбородку, и всесезонное покрывало соскользнуло с ее тела.

— Когда я еще в Португалии предложила тебе работать вместе, я точно не...

— Знаю.

Входная дверь крикнула:

— В коридоре болтается подозрительный тип, синьорина.

— У-уф! — Конджер obeжал вокруг кровати и схватил с ночного столика возле своего изголовья ранец. Пристегнув его наспех, он выскочил в гостиную.

— Оденься, прежде чем воевать с врагами! — крикнула ему вслед Анжелика.

— Вы только взгляните на этого подлеца, — призывала дверь. — Если это ваш знакомый, что маловероятно, я его впущу. В противном случае я натравлю на него нашего местного сыщика.

Смотровая щель в двери увеличилась, и Конджер увидел Кэнгуру, разряженного в белый туристический костюм-двойку и замызганные светлые туфли.

Белокурый шпиончик держал в руке букет тюльпанов и переминался с ноги на ногу.

— Какой дурак изобрел такую идиотскую дверь? — ворчал Кэнгуру. — Мало того, что звонок высоко, он к тому же и пачкается.

— Я предприняла все меры предосторожности и решила взять у него отпечатки пальцев, — пояснила дверь Конджеру. — На случай, если вы, сеньор, захотите справиться о нем в международном ФБР.

Конджер подошел к переговорной щели.

— В чем дело, Кэнгуру?

— Надеюсь, вы здесь по собственной воле, — сказал шпиончик.

— Да. Как вы меня отыскивали?

— А как я отыскиваю остальных? Это моя работа. — Кэнгуру приблизился к двери. — У меня для вас имеется парочка важных сообщений.

— Жду вас через час в своем отеле.

— Они слишком важны, чтоб их откладывать.

Конджер нахмурился.

— Хорошо, минуточку. Сейчас вас впущу.

— Слишком уж высокую температуру поддерживают в этом холле, тем более что в Рио сейчас превосходная погода.

Конджер вернулся в спальню и начал одеваться.

— Не возражаешь, если я несколько минут побеседую в твоей гостиной со своим связным?

— Конечно же, нет. — Прекрасная Анжелика сидела в кровати все в той же позе, подтянув колени к подбородку. — Это тот самый кудрявый?

— Он — мой единственный связной.

— Ты должен добиться, чтоб на это дело отпускали больше средств.

Одевшись, Конджер поцеловал девушку.

Кэнгуру вошел в гостиную и отдал Конджеру букет.

— Передайте его молодой леди. Я нарвал эти цветы вчера вечером в общественном сквере, решив, что тюльпаны никогда не помешают.

— Что за сообщения? — Конджер швырнул желтые и красные тюльпаны на висящий в воздухе кофейный столик.

— Ваш босс, сеньор Джиэр, недоволен, что вы подружились с этой молодой леди, — сказал Кэнгуру. — Он велел вам с этим делом завязать, не то грозился привязать к вашему хвосту консервную банку.

— Откуда Джиэр об этом узнал?

— Sinto muito, сеньор. — Шпиончик сплел пальцы на животе и, уставившись на них, сказал: — Боюсь, об этом доложил ему я, когда ответил сегодня утром на его вызов по вашему пиксфону.

Конджер прищурил глаза.

— Как случилось, что вы ответили на этот вызов?

— Он звонил, а ваш душ, как вы знаете, оборудован пиксфоном, — пояснил Кэнгуру. — Звонок мешал мне петь, вот я и ответил.

— Вы принимали душ в моей ванной комнате?

— Душ в моем номере в «Ултимо Спленидо» работает плохо, — оправдывался Кэнгуру. — Из него льется лишь теплая вода с кленовым сиропом. Вероятно, они соединили...

— Вы сказали, что сообщения два. Где же второе?

— Я знаю, где воскресили Мачадо, — тише обычного сказал Кэнгуру.

— Вам известно, где находится лаборатория Дремы?

— По крайней мере одна из его временных лабораторий. Думаю, вам удастся кое-что разнюхать, если вы посетите это место.

— О'кэй, — сказал Конджер. — Подождите меня в вестибюле.

— Лучше я подожду на улице. В вестибюле слишком низкая температура, — сказал Кэнгуру. — Долго вас ждать?

— Не знаю.

Конджер вернулся в спальню.

Густые заросли поднимались выше огромного купола, распростертого над городом. Разлапистые виноградные лозы изумрудно-зеленого цвета оплели со всех сторон бледно-желтые стены купола. Они переплелись с тонкими усиками повители, усыпанными пикообразными листочками. Большие сплюснутые алые цветы, казалось, впечатались в прозрачную стену, разделяющую американскую колонию от бразильских джунглей. В зарослях буйной листвы бегали пауки величиной с кулак. По веткам скакали пестрые птицы.

Полуденное солнце буквально на глазах наливалось золотом. Под куполом было прохладно и пахло прериями Среднего Запада и деревенской стиркой.

Конджер поставил на ноги одну из своих автоматических камер и ободряюще похлопал ее:

— Запечатлей эту скульптуру.

Камера прыжками приблизилась к скульптуре, выполненной из трех спрессованных вместе автомобилей модели конца XX века, которые были посыпаны разбухшими рисовыми зернами.

Пока автоматическая камера щелкала, делая снимки, Конджер огляделся по сторонам. Сейчас он был видим и поэтому облачился в туристический костюм-тройку и шляпу из псевдосоломы с узкими полями. Город этот находился в нескольких милях от Рио, в глубине материка и состоял в основном из жилищ и магазинов экспатрированных художников, писателей и связанных из Соединенных Штатов.

Если верить Кэнгуру, который остался в Рио-де-Жанейро, лаборатория, где оживили Мачадо, находилась здесь. Кроме Конджера, по улице слонялось человек сто туристов.

Насколько ему было известно, Анжелика тоже осталась в Рио. Она не рассердилась, когда он сказал ей, что им, вероятно, опять придется работать в одиночку. Она улыбнулась и что-то сказала насчет любви и долга. Но вся беда была в том, что Конджеру не доставало этой красивой хрупкой девушки. Вот и сейчас, когда все его мысли должны быть сосредоточены на... как там его зовут... ах да, Мачадо, Мачадо и Дреме, он все равно думал о ней.

Свистнув камере, Конджер направился к студии художника, которого ему непременно нужно было повидать.

На углу ему улыбнулся мужчина с жиденькими черными усами.

— Мои работы вас очень интересуют, — начал он. — Сзади него начинался ряд аккуратненьких белых коттеджей.

— Неужели? — Конджер наклонился, чтоб камера могла прыгнуть прямо ему в руки.

— Я сэкономлю уйму вашего времени, объяснив наперед, что я — самый лучший художник во всей колонии.

С противоположной стороны к ним приближались две пожилые туристки в цветастых одеждах.

Конджер остановился.

— Что ж, сэр, хоть я и хочу посмотреть буквально все, не возражаю начать с самого лучшего.

Женщины свернули на тропинку, ведущую к первому коттеджу. Когда одна из них погнулась к ручке двери, усатый художник крикнул:

— Руками ничего не трогать, леди!

Отдернув руку, женщина спросила:

— Вы мистер Ховарт?

— Да, леди. Единственный и неповторимый Ховарт.

— Разве это не ваш магазин?

— Нет, леди, то одно из моих произведений искусства, — пояснил художник. — Я — ведущий художник по интерьеру в в Западном полушарии. Фактически во всем мире у меня есть один-единственный соперник, Мок из Китая I, который в основном специализируется на пагодах. — Конджеру он сказал: — Чую прибыльную сделку. Увидимся позже.

Конджер продолжал свой путь. Первая галерея в следующем квартале была отдана в распоряжение живых картин. Мужчина, главное действующее лицо в самой большой пасторали, страдал от сенной лихорадки, и после каждого чиха у него спадала баранья шкура. Дальше шел магазин листовых отходов, потом галерея, где были выставлены гигантские карикатуры и миниатюрные доски для афиш.

— Повидайте человека-невидимку! — зазывали из-за угла.

Конджер свернул за угол. Там помещалась галерея, которая носила название «Лавки невидимых произведений искусств Орландо». В лавке не оказалось никаких произведений искусств, хоть там и паслось человек пятнадцать туристов.

В середине этого квартала находилось то самое помещение, о котором ему говорил Кэнгуру. Это было длинное ветхое двухэтажное строение с выставочным залом внизу и студией на верхнем этаже. На одном из низеньких, вровень с землей, окошек красовалась вывеска: «Технико-художественные новинки Инцы».

Первая комнатка выставочного зала Инцы Дей-Льюис была отдана, если верить афише, в распоряжение так называемых реагирующих картин. Там висело штук двенадцать огромных, написанных маслом полотен.

— Привет, болван, — окликнул Конджера большой портрет, изображающий американского кавалериста XIX века. — Чем могу служить?

Конджер не обратил на него ни малейшего внимания. Он расхаживал по залу. На большинстве полотен были запечатлены сценки из жизни Запада — загоны для скота, охота на буйволов, состязания по перетягиванию каната.

— Ага, все ясно, зазнайка, — отметил реагирующий портрет. — Тебя, вероятно, интересуют листовые отбросы или же эти кошмарные хибары Ховарта.

В следующей комнате было полным-полно размалеванных вручную электробытовых приборов. Там тоже никого не оказалось. Остановившись возле пылесоса с гавайским пейзажем, Конджер обернулся и крикнул генералу:

— Где мисс Дей-Льюис?

— Кто-кто, вобла?

Конджер приблизился к портрету.

— Мне нужна девушка — хозяйка этого помещения.

Из ордена на груди генерала брызнула тоненькая струйка соленой жидкости и попала Конджеру прямо в правый глаз.

— Ха-ха-ха, — расхохотался портрет. — Прямо в морду.

Отойдя назад, Конджер заметил:

— Люблю картину, обладающую чувством юмора. Сколько стоишь?

— Тебе, душень, это не по карману. Я не твоего поля ягода. Лучше приобрети лист для выпечки вафель с пейзажем зимнего Вермонта.

— Я хотел бы обговорить это с мисс Дей-Льюис. Где она?

— Наверху, — сказал генерал. — Слоняется без дела по своей студии. Она похожа на два мешка с гипсом, которые оставили под дождем. Лучше оставайся здесь и вступай в переговоры со мной, тупица.

Конджер отыскал лестницу и поднялся на верхний этаж. Студия Инцы Дей-Льюис напоминала пеструю барахолку. Прислоненные к стенам и мольбертам реагирующие картины с потрохами в разной стадии изготовления, по всему деревянному полу разбросаны всевозможные внутренности, тут же высились три здоровенные кучи различных деталей.

На полу валялась толстая девица лет под тридцать. Она лежала на спине, широко раскинув руки, и дышала медленно и нутужно. На груди ее платье пропиталось красной жидкостью, которая не была похожа на краску.

Конджер склонился над умирающей девицей.

— Кто?

— Не доверяй... не доверяй... китайцу, — тяжело дыша, выдавила Инца. — Я обещала молчать... но... сюда должен прийти какой-то ублюдок из Ам... Америки... нельзя верить... мне...

— Вам известно, где теперь Дрема?

Ее дыхание замедлилось.

— Я знаю... знаю, куда собирается этот китаец... Знаю...

— Куда?

— Они... они не знают, что я знаю... Меня здесь не было, когда они разговаривали... но... но они сказали индейцу... они...

Она дышала все реже и реже. Потом перестала совсем.

Конджер встал и попятился назад. Тяжелая ручка от пылесоса угодила ему прямо в висок.

Прежде чем прийти в себя, он ответил еще на один вопрос:

— Я не знаю, кого она имела в виду, говоря о каком-то индейце. — Конджер раскрыл глаза. Он все еще находился в студии умершей девицы, но, судя по свету из окон, времени прошло немало.

Джерри Тинг, агент Китая II, сидел неподалеку от него на короточках. Он улыбался и ворошил своими пухлыми пальцами содержимое ранца Конджера.

— Следует отдать должное американской изобретательности, — сказал он. — Эта ваша сыворотка честности действует лучше нашей.

Конджер приподнялся на локтях и взглянул на улыбающегося китайца. Сзади Конджера высилась гора негодных деталей. В дальнем углу комнаты сидел Верзила Мак, на коленях у которого лежали револьвер-глушило и бластер.

— В следующий раз оставляю тебя висеть между небом и землей, — пообещал Конджер Тингу.

— Послушай, Джейк, — китаец не переставал улыбаться, —

я это оценил. Я восхищен недругом, который спасает жизнь своему заклятому врагу даже после того, как тот пытался расправиться с его девушкой. Вы, американские шпионы, немного сентиментальны. Если мы будем расценивать вашу сентиментальность по десятибалльной системе, я бы дал тебе...

— Прекрати этот треп, — вмешался Верзила Мак. У него был грудной голос, и, когда он говорил, казалось, будто в его горле что-то клокочет. — Сделай ему еще одну инъекцию, чтоб выболтал нам все до капельки, прежде чем мы его уколошим.

— Сети Сельхозагентуры подключили к этому делу свои лучшие силы, — заметил Конджер, тихонечко подвигаясь на заднице в сторону кучи хлама. — Что, Дрема работает исключительно на ССА?

— Ему за это еще как платят, — ответил Тинг, не переставая улыбаться. — ССА за все платит огромные деньги, вот почему он время от времени кое-что для нас делает. Однако, насколько мне известно, он выполнял кое-какую работу по заданию 1/2 Эфиопии, Нового Ньюфаундленда...

— Закройся, дубина, — приказал из своего угла Верзила Мак. — Он нам должен отвечать, а не ты ему. Ведь допрашиваем его мы.

— Ты знаком с Дремой? — спросил Конджер китайца.

— Он психует, если я слишком много говорю.

— Господи Иисусе! — взмолился Верзила Мак. — Неужели мне придется колоть эту воблу самому? — Он встал со своего псевдоплетеного кресла.

Не поднимаясь на ноги, Конджер резко подался назад, прямо на кучу хлама. На него и на вечно ухмыляющегося агента ССА посыпалась всякая рухлядь: поющие чайники, десятискоростные автоматы для поджаривания булочек, автоматические формы для выпечки хлеба, вафельные листы и прочий хлам.

Конджер рывком выхватил свой ранец из рук китайца. Потом покатились по полу в сторону двери.

— Ни с места, мудрило! — приказал Верзила Мак.

Конджер схватил мольберт и с силой швырнул им в противника.

Бластер Верзилы Мака выплюнул огненную струю, и недоконченный реагирующий портрет с криком «Черт возьми!» превратился в кучку золы.

— Подожди его убивать! — послышался из-под кучи металлического хлама голос Тинга.

— Я забыл, в какой руке у меня глушило.

Конджер укрылся теперь за высоким книжным шкафом и уже натирался специальным лосьоном, при помощи которого можно было стать невидимым.

— Ну-ка выбирайся из-под этого хлама, — приказал своему коллеге-китайцу Верзила Мак. — А то этот псих собирается превратиться в привидение.

В ближнем от Конджера углу находилась кухня, отгороженная недописанным холстом, запечатлевшим охоту на буйволов. Конджер бросился туда.

Верзила Мак выстрелил снова.

Автоматическая плита всхлипнула, раскалилась докрасна, потом вдруг почернела как сажа.

— Мак, осторожней, — предупредил Тинг. — Ты снова стрелял из бластера.

— Виноват. Ага, значит, так: в левой руке — глушило, в правой — бластер. О'кэй, теперь все ясно. Эй, мудрило, выходи-ка оттуда, не то могу снова ошибиться и поджарить твою начинку.

Конджер, вероятно, из-за того, что ему только что вкатили инъекцию честности, никак не мог стать невидимкой. Он скрипел зубами, напрягаясь снова и снова. «Ага, наконец», — пробормотал он себе под нос. На цыпочках вышел из угла и укрылся за другим холстом с буйволами.

На этот раз Верзила Мак выстрелил из глушилки. Раздался низкий басовый звук. Холст с буйволами опрокинулся.

Тем временем Конджер, никем не замеченный, подошел к куче хлама вблизи Верзилы Мака. Он вытащил оттуда тяжелую сковородку и с размаху стукнул ею Мака по голове.

— Берегись привидения! — воскликнул Тинг, выбираясь из-под кучи хлама, но сковорода была уже в трех дюймах от башки его коллеги.

Послышался глухой удар. Верзила Мак буркнул: «Проклятый домовой!» — и плюхнулся на колени.

Конджер быстро отпрянул назад, чтоб не столкнуться с падающим агентом. Он внезапно споткнулся о тело мертвой девушки и растянулся на полу. Ударившись спиной о голые доски, Конджер почувствовал приступ дурноты.

— Ага, вот он! — воскликнул Тинг и подскочил к падающему в обморок Верзиле Маку, чтоб взять у него оружие.

Конджер снова стал видимым. Он не стал терять время на превращение в невидимку, вскочил с пола и бросился бежать вниз по лестнице, потом дунул через галерею к выходу.

Неподалеку от портрета генерала он замедлил шаг. Справа от генерала висел портрет надуленного индейского вождя. «Индеец», — подумал Конджер. Он снял со стены огромный портрет и взял его под мышку.

— Если тебе непременно надо что-то украсть, хватай что-либо стоящее, — заметил вездесущий генерал. — Я никогда не имел ничего против наших краснокожих братьев, однако...

Конджер выскочил на мостовую. Тут он замедлил шаг и напустил на себя безразличный вид, чтобы создалось впечатление, будто он попросту купил этого громадного индейца.

Он уже дошел до угла, когда на улицу выскочил Тинг. Китайский агент пробежал футов десять, потом вспомнил, что на улице полно народу, и перешел на быстрый шаг. Он снова улыбался и даже приостановился, чтоб погладить по головке светловолосого мальчугана в костюме повстанца.

Конджер свернул направо и с полквартала пробежал. Пока на него не обращали особого внимания. Прямо у себя над головой он увидел пульсирующую световую рекламу. «Кабачок писателей и художников» — гласила она, и светящаяся стрелка указывала в сторону аллеи. Конджер пошел, куда указывала стрелка.

Из кабачка вывалились поэт-лирик и художник-декоратор.

— Святая Молли! — изрек поэт, заметив спускающийся с небес хоппер.

Конджер слышал сзади себя шаги; не оборачиваясь, он знал, что и Тинг обнаружил эту аллею. Путь вперед преградил приземлившийся хоппер.

— У нее прекрасная фигура, — отметил художник.

— Нет, нет, слишком худа, — возразил поэт. — Вот мне, к примеру, нравятся рубенсовские женщины. Рубенсовские женщины — это каравай чистого пшеничного хлеба, фляга...

— Скорей залезай сюда, — приказала Конджеру Анжелика и распахнула левую дверцу хоппера.

Конджер махнул на прощание рукой замешкавшемуся от недоумения Тингу, обошел вокруг хоппера и закрыл за собой дверцу.

— До встречи! — крикнул он китайцу.

Хоппер оторвался от земли.

— Я собиралась войти туда вслед за тобой. Потом решила, что ты сам сумеешь выбраться из студии. Я не люблю быть навязчивой.

В контрольную панель хоппера был вмонтирован экран. Теперь он изображал Верзилу Мака, который расхаживал взад-вперед по студии, потирая ушибленную голову.

— В СНБ, выходит, тоже узнали об Инце, — заметил Конджер.

— Примерно в одно время с тобой. Один из наших оперативщиков сегодня утром установил в ее студии потайной микрофон. Я попала уже после того, как ее убили, слишком поздно, чтоб этому помешать, — сказала Анжелика. — Кстати, зачем ты прихватил с собой этот громадный портрет индейца-навахо?

— Надеюсь, он сможет сказать нам, куда теперь податься, — пояснил Конджер.

Хоппер летел высоко над джунглями. Конджер вертел в руках портрет, который утащил из галереи.

Анжелика, настроив автопилот на Рио, повернулась и обняла своей тонкой рукой Конджера за плечо.

— Когда я следила по монитору за студией этой бедной девушки, Джейк, я видела тебя там, — сказала она. — Но ведь на таком расстоянии мой иммунитет не действует.

— В большинстве случаев телеаппаратура и различные электронные аппараты не поддаются эффекту невидимости, — пояснил Конджер. — В ХХI веке все трудней и трудней оставаться человеком-невидимкой.

— Ты занялся этим по своему желанию?

Конджер ощупывал раму портрета.

— Да, тогда мне это казалось куда забавней интеллектуальных занятий. Ты ведь знаешь, какое в девятнадцать лет представление о жизни. А потом я познакомился с Винсом Уортом.

— Он погиб, верно?

— Думаю, что да, — немного подумав, ответил Конджер.

— Ты не уверен, что Уорт мертв?

— Понимаешь... — Внутри витиеватой рамы что-то щелкнуло, потом заговорил звуковой ящик сзади холста.

— Думаю это излишне, Мак, — сказал записанный на пленку голос Джерри Тинга.

— Тебе бы теперь куда лучше жилось, не оспаривай ты вечно приказы, дубина, — ответил агент-верзила.

— И все же, Мак, ССА отвалили Дреме столько денег, чтоб он воскресил этого Энцерто. С тех пор еще не прошло и пяти месяцев. Теперь же они требуют снова отправить его на тот свет.

— Политика всегда отличалась неустойчивостью, култышка. Поэтому сейчас его нужно убрать с дороги.

— Мы бы сэкономили столько денег...

— Как только мы покончим с делами в этой колонии, мы получим приказ отправиться в Центральную Америку, в Урбанию, и прикончить там этого Энцерто, — сказал Верзила Мак. — Судя по всему, он снюхался с тамошней хунтой, что нам невыгодно.

— Мне-то что, Мак. Я только хотел...

— Пошли, оковалок, нам надо еще разок прочесать улицы. Вдруг появится этот наш невидимка и та длинная щепка.

— Не такая уж она и тощая, Мак. Даже по-своему смазливая, — возразил Тинг. — А как мы увидим этого...

Дверь в галерею открылась и закрылась. Наступила тишина. Оставив портрет в сторону, Конджер сказал:

— По-видимому, речь идет об Аво Энцерто, профессоре агрономии, который когда-то противостоял хунте. Я и не знал, что он жив.

— Почему все мужчины говорят, будто я тощая?

— Я этого не говорил, — возразил Конджер. — В Китае II у них совсем другой вкус.

— У меня для моего роста вполне нормальный вес. Я вовсе не хочу поправляться.

— Кому нужен жирный секретный агент.

Какое-то время девушка хмурилась, потом на ее лице засияла улыбка.

— Да, СНБ известно, что Энцерто жив, но мы узнали об этом только с неделю назад.

— Ты знаешь, где он теперь?

— Энцерто стал сотрудничать с хунтой, — ответила Анжелика. — По крайней мере в области разработки экспериментальной системы продовольствия, которую стремится создать хунта при значительной поддержке со стороны правительства Соединенных Штатов. Если б только эти денежные тузы были хоть капельку любопытней, мы бы давным-давно знали о проделках Дремы.

— А где проходят эти эксперименты?

— По-моему, в Северной Урбании. Там на осушенных болотах у них целое поселение куполообразных ферм. Этот комплекс называется Фармц.

Огромная серая птица пролетела прямо перед хоппером. Конджер следил взглядом, как она исчезала в надвигающихся сумерках.

— Где-то здесь должна быть телепортическая станция. Мы можем приземлиться здесь и телепортироваться в Урбанию.

— Мы?

Не спуская глаз с удаляющейся птицы, Конджер сказал:

— Я решил, что с тобой хорошо сотрудничать.

— А всему виной последние приключения, где наши с тобой жизни висели на волоске. — Она наклонилась и поцеловала его в щеку. А почему ты думаешь, что Уорт может оказаться жив?

— Может, он и мертв. Однако, судя по описанию Дремы...

— Высокий сутулый мужчина лет тридцати пяти. Прямо-таки Винсент Экс Уорт, не правда ли?

— Или же сэр Томас Энсти-Гэтри.

— Или Омар Кавак.

— А этого кто добавил к списку?

— СНБ. Кавак — еще один высокий худой биолог. Кое-кто из его бывших коллег по Пражскому Научному Центру Циклов Жизни называет его просто костлявым. Он исчез во время охоты на лис в Свободной Ирландии-2, преследуя лисицу-робота. Он вполне может оказаться этим Дремой в силу своих политических убеждений и умственных способностей. Мы считаем, что его кандидатура подходит больше, чем кандидатура сэра Томаса.

— Почему?

— Существует вполне реальная возможность, что сэр Томас живет сейчас со своим бывшим лаборантом где-то на Багамских островах под именем Хуана Тицолы. Мы как раз сейчас проверяем эту возможность.

Конджер взял девушку за руку.

— Винс был здоровым детиной. Это он приучил меня к бегу и витаминам. Пускай это всего лишь пустяк, однако, обыскивая виллу, в той комнате, которую Дрема использовал под свою лабораторию, я нашел пилюлю из золы бурых водорослей.

Девушка рассмеялась.

— Их пьют многие, Джейк. В телепорту Нового Лисабона тебе продаст их любой автомат. Пакетик пилюль из золы бурых водорослей плюс португальское фадо — и все за единственное эскудо.

— Да, ты права, — согласился Конджер.

— Вероятно, ты надеешься, что Уорт жив, потому, что ты по нему скучаешь, — предположила Анжелика.

— Если верить Джерри Тингу, я жуть какой sentimentalный, — заметил он.

— Тинг очень проницателен. Когда я увидела тебя впервые, ты показался мне холодным и равнодушным. — Она протянула руку и щелкнула переключателем на контрольном пульте. — Теперь он доставит нас на ближайшую телепортическую станцию. — Она положила обе руки Конджеру на плечи. — Теперь же я думаю о тебе совсем иначе.

Конджер заключил девушку в объятия, и хоппер слегка накренился влево.

Конджер не знал, видят его комары и москиты или нет. Обычно лосьон, который он втирал в кожу, предохранял и от насекомых. Однако мошкара, обитающая в буйной растительности болот вокруг комплекса Фармц, казалось, различала его без особого труда.

Они с Анжеликой прибыли в Урбанию накануне вечером. Ур-

бания была относительно новым государством, зажатом между Никарагуа и Коста-Рикой и названным в честь папы Урбана III.

Конджер-невидимка приближался к Фармцу. Темноволосая агентесса Службы Национальной Безопасности ожидала его в дельфии на краю болота. Стоял полдень, и воздух был насыщен удушливыми болотными испарениями.

В подернутых ряской и поросших камышом болотах восседали на кочках здоровенные лягушки. По стволам поваленных деревьев ползали оранжевые ящерицы длиной в два фута. Вокруг Конджера вились облака мошкеры.

Откуда-то издали раздался низкий надсадный рев, перемежающийся грохотом и скрежетом.

Конджер взобрался на пригорок и увидел перед собой комплекс Фармц. Пятьдесят, может, больше, огромных куполов занимали расчищенное пространство в сотню акров. Каждый купол высотой с двухэтажное здание был выкрашен в один из оттенков синего или зеленого цвета. Возле куполов расхаживало человек двадцать пять охранников в универсальных водоотталкивающих комбинезонах. Здесь же разгуливали служебные собаки-цианоиды.

Стараясь держаться подальше от собак, Конджер прошмыгнул под носом у тощего заспанного охранника и очутился на территории экспериментального комплекса.

По правую сторону от него начинался ряд куполов. На стенах каждого по-английски и по-испански было написано: «Станция Вытяжки Листового Протеина» — и стоял номер. Далее следовал ряд куполов, отданных в распоряжение уплотненных культур. Потом шел купол цвета глубинных вод с надписью: «Хлопковые экстракты» — и купол, где добывали из арахисового масла афлатоксин.

Узнав от Анжелики кое-что об Аво Энцерто, Конджер был в курсе, что старый ученый живет и работает под куполом с надписью: «Дальнейшие Исследования в Области Протеина». Пошатавшись по территории Фармца минут десять, он отыскал купол ДИОПа. Тот находился на самом краю болота, один из его крытых трапов, подобно огромной соломинке для коктейля, впился в вязкую болотную жижу.

Энцерто ходил из угла в угол в своей лаборатории под огромным куполом. Это был высокий здоровенный старик с белыми косматыми бакенбардами. Поверх всепогодной пижамы на нем болтался белый халат, на ногах были японские шлепанцы. Он прижимал к груди пучок больших темно-зеленых листьев и удовлетворенно бормотал по-испански себе под нос: «Великий день для науки. Гигантский шаг вперед в области протеина, не говоря уж о гастрономии. Ага, хунте это придется по душе».

Конджер присел на жестяной стул в форме ведра.

— Профессор Энцерто, — произнес он и стал видимым.

Старый ученый кивнул ему.

— Buenos días, señor, — сказал он. — Вы представляете себе, что я сегодня сделал?

— Нет.

— Я открыл возможность готовить из вонючей капусты блюдо не только приятное на вкус, но и на нюх, — пояснил Эн-

церто. — Эти же в «Вытяжке Листового Протеина» толкутся на одном месте. А сами считают, что если мне под девяносто, то мои мозги должны давно размягчиться. Как бы не так! Человек, почти всю свою жизнь посвятивший протеину, протеину и политике, такой человек, сеньор, навеки сохранит ясность ума. Приготовить вам блюдо из вонючей капусты?

— Спасибо, я только что позавтракал, — отказался Конджер. — Профессор, я из Соединенных Штатов. Я хочу вас предупредить.

— Предупредить меня? Да смех один, чем питаетесь вы, американцы. Это я должен вас предупредить. Все эти взфлбургеры, пончики...

— Сети Сельхозагентуры хотят послать своего агента и убрать вас.

— Снова?

— В прошлый раз это было дело рук хунты.

— Quiet sabe? — вздохнул старый профессор. Он швырнул листья вонючей капусты на длинный белый стол, над которым были подвешены различные воронки и трубки. — Стоит мне заняться политикой, как кто-то непременно покушается на мою жизнь. Вот что я вам скажу. В вашем возрасте человек считает, будто ему дозволено заниматься всем понемногу. Для вас фактор времени еще не имеет никакого значения. Смерть же преподала мне громадный урок. Теперь я знаю, что у каждого человека есть свои неотложные задачи. Когда я воскрес, я пообещал себе: «Аво, наплюем на политику. Твое место в лаборатории среди листьев и семян. Ты должен посвятить себя листьям и семенам». Вот почему я очутился здесь и чувствую себя гораздо счастливей, хоть и понимаю, что предал ДИОП и кое-кого из моих прежних соратников.

— Китай II считает, будто вы в слишком дружеских отношениях с хунтой, — сказал Конджер. — Они боятся, как бы вы не рассказали им о Дреме.

Старик фыркнул со смеху.

— Уже рассказал. То немного, что мне было известно, я давно выложил хунте. Ну, за исключением некоторых подробностей.

— Каких подробностей?

— Я чувствую, что обязан держать в тайне имя двойного агента, который первым изобрел это воскрешение. И еще кое-что, о чем и вам не расскажу, — изрек Энцерто. — Где, вы сказали, служите?

— В Секции Самобытных Дарований Агентства Ремонтных Функций.

— Ах да, Самобытные Дарования. Чем и объясняется ваше появление из ниоткуда. Должно быть, это любопытнейшее занятие — превращаться в невидимку. Не посвяти я всю свою жизнь протсину, я мог бы и вашу науку продвинуть. В юности у меня наблюдались некоторые половые извращения, и мне всегда казалось, что невидимке куда легче...

Из какой-то воронки над столом раздался сигнал. На стол плюхнулся пакет из пластика.

— Эй, Аво, — раздался металлический голос из воронки. — Попробуй-ка вот это.

Конджер выпрямился. Как бы ни был искажен этот голос, ему он показался знакомым.

Энцерто прочитал ярлычок на пакетице: «Протеиновый леденец, полученный из джута».

— Ну и денек! Одно открытис за другим! — воскликнул он. — Мы вот уже сколько месяцев над этим потеем. — Он раскрыл пакет и отломил кусок от буро-зеленого леденца.

— Пойдите, — сказал Конджер, вставая со своего места.

Старый профессор положил леденец в рот и в задумчивости пожевал его.

— Нет, нет, еще не то. Что они...

Он рухнул лицом вниз.

— Верзила Мак, — произнес Конджер, вдруг поняв, чей голос он слышал из воронки. Он перевернул профессора на спину и подложил ему под голову руку.

— Крестос, — едва слышно произнес Энцерто. — Крестос с буквы К.

— Что?

— Двойной...

Старик был мертв.

Конджер опустил голову профессора на пол.

Из воронки раздался густой металлический смех.

— Эй, проф, как вам наш леденец?

Это был голос Верзилы Мака.

Конджер несколько секунд глядел на воронку. Потом обернулся невидимкой и вышел из лаборатории.

Джизер отправил в рот несколько пропитанных пивом подмороженных раковых шеек, нанизанных на вертел.

— Ну, ну, блудный агент, — сказал он, похрустывая ледком. — Куда же тебя занесли черти?

— В Сент-Норберт, — ответил Конджер. — Столицу Урбании. — Сзади пиксфонической установки стояла перед полуавтоматическим гардеробом Анжелика и раздевалась. Конджер перевел взгляд с нее на экран. — Мне необходима кое-какая информация.

— Всем она необходима, — сказал шеф Секции Самобытных Дарований. Запихнув в рот новую порцию раковых шеек, он вытащил пачку желтых и синих блокнотов. — Тиефенбачер рвет и мечет.

— Тиефенбачер?

— Он в настоящее время является шефом АРФа, а следовательно, моим непосредственным начальником, — пояснил Джизер.

— А я считал, что им является Синковек.

— Ты, Джейк, в этой своей проклятой глуши окончательно отошел от реальной жизни. На прошлой неделе обнаружилось, что Синковек посылал шифровки непристойного содержания одной агентессе АРФа, и сенат дал ему отставку. Кстати, ты все сожительствоешь с этой девчонкой из СНБ?

— Что, Тиефенбачер и по этому поводу брюзжит? — спросил Конджер.

— Тиефенбачер солидарен в этом вопросе со мной, — сказал Джизер. — Не знаю, может, СНБ и плевать, что их лучшие агенты спят с первым встречным в Южной Америке...

— Я нахожусь теперь в Центральной Америке.

— ...однако АРФ это беспокоит, — продолжал босс. — И ССД тоже. А больше всех меня. Понимаешь, Джейк, быть агентом Секции Самобытных Дарований — исключительная честь. Ее удостоиваются лишь единицы, и облеченные ею...

— Мне необходима подробная информация об одном человеке, — прервал шефа Конджер.

Анжелика уже облачилась в коротенькую ночную сорочку и теперь сидела на прозрачном, наполненном цветами кресле, созерцая Конджера и заднюю стенку пиксфона. Она улыбнулась.

— Ладно, ладно. Вижу, ты сейчас не в настроении слушать лекцию о превосходных традициях рода войск, в которых мы с тобой служим, — сказал Джиэр. Он бегло пролистал блокноты. — Итак, перехожу к главному. Тиефенбачер намекнул, что, если агент Конджер не подтянет свою дисциплину и моральное поведение во время исполнения служебных обязанностей, он... одним словом, Джейк, тебе придется туго.

— А именно?

— Я знаю, что сейчас, когда в тебе бурлит молодая кровь, — Джиэр облизал пустой шомпол, — ты не задумываешься над своим будущим. Однако позволь мне напомнить тебе, что, если ты не откажешься от своих легкомысленных забав, твое будущее в АРФе и ССД под вопросом.

Анжелика перестала улыбаться и встала с кресла.

— Вы что, меня увольняете?

— Разве я это сказал? Не будь идиотом. Я просто сделал тебе то, что мой старый учитель по Генеральной Семантике называл наставлением. Итак, каковы твои успехи с этим делом Дремы?

— Что вы можете узнать об агенте по имени Кристос? — спросил Конджер. — С буквы К. Не исключено, что он является нашим агентом в этом районе.

— Чьим это нашим?

— Агентом Соединенных Штатов. В СНБ он не числится.

— О, однако и от твоей подружки есть польза. — Джиэр встал из-за стола, и его экран повернулся вслед за ним. — В ССД тоже нет никакого Кристоса. — Босс остановился возле компактного компьютера, установленного на воздушной подставке.

— Зачем ваш компьютер переокрасили в розовый цвет?

— Спроси Тиефенбачера. Он в первый же день прислал сюда какого-то проклятого художника по интерьеру и переделал весь мой кабинет. Ты только посмотри на наш холодильник. — Наклонившись, Джиэр буркнул что-то розовому компьютеру. — А на пол они положили ковер, расписанный на патриотические мотивы. Видно тебе хоть кусочек?

— В том месте, где вы стоите. Похоже на Молли Питчер, а там, подальше, часть головы Кэлвина Кулиджа в индейском уборе.

Джиэр приподнял ногу.

— Да, по-моему, это именно он. Все-таки вдохновляет. Утром я споткнулся и растянулся на этом ковре, и, надо сказать, впечатление у меня осталось незабываемое.

— Кристос, — заговорил розовый компьютер. — Клаус Крис-

тос, лейтенант Добровольческой армии Соединенных Штатов. Призван на службу в марте 2014 года. Также является по совместительству агентом Противодействующего Повстанческого Ведомства.

— Их переименовали в Агентство Помощи Слаборазвитым Государствам, — уточнил Джизер.

— Мне об этом ничего не известно, — ответил компьютер. — Последние год и четыре месяца лейтенант Клаус Крестос является специальным советником Автоматической Сержантской Школы «Красный плюмаж» в Урбании.

— Где она находится? — спросил Конджер.

— Где она находится? — обращаясь к автомату, повторил его вопрос Джизер.

— Ее адрес — 87 Джангл Виста Роуд, пригород Сент-Норберта, Урбания, — ответил компьютер.

— На кого еще работает Крестос? — спросил Конджер.

Джизер начал было:

— На кого еще...

— Я сам слышал его вопрос, — огрызнулся компьютер. — Крестос работает на... Агентство Помощи Слаборазвитым Государствам, а также состоит в штате школы «Красный плюмаж». У него незапятнанная репутация, к тому же он чрезвычайно высоко котируется в качестве поборника личной гигиены.

Вернувшись к своему столу, Джизер спросил:

— А какое отношение ко всему этому имеет Крестос?

— Я это выясню.

— Сегодня вечером?

— Завтра, — ответил Конджер.

— Угу, что ж, удачи, Джейк, и попытайся подтянуть свой моральный облик.

Когда экран погас, Конджер направился к прекрасной темноволосой Анжелике. Через несколько минут девушка снова улыбалась.

В Конджера прицелились двенадцать сержантов-роботов.

Он замер на грязной дороге, ведущей к школе «Красный плюмаж».

Мимо него пробегали огромные роботы в маскировочных халатах и атаковали макеты крестьянских хижин, расположенные в центре футбольного поля, которое опоясывала грязная дорога. У половины этих механических сержантов вместо пальцев на руках шевелились языки пламени. Они поджигали хижины. Остальные роботы, кроме одного, стояли поблизости, готовые проткнуть своими трехпалыми руками-зубьями так называемых крестьян, которые могли выскочить из огня.

Один робот стоял в отдалении. Он отбивал ногами чечетку, его трубчатые буро-зеленые руки вращались вокруг туловища в такт чечетке.

— Какого черта... Рамирец! — заорал с другого конца поля разъяренный сержант-американец.

Двенадцать сержантов урбанской школы «Красный плюмаж» залегли в траве поодаль, каждый имея при себе круглый ящик управления.

— Очень виноват, сержант Фербер, — извиняющимся тоном сказал Рамирец. — Я по ошибке нажал не ту кнопку.

— Ну, то-то же, Рамирец, — примиряющим тоном крикнул Фербер. — Отсюда это было похоже скорее на злонамеренность. Я бы не хотел оказаться в твоей шкуре, мистер, если это и в самом деле злонамеренность.

— О, нет, сэр!

Невидимый Конджер, чтоб не оставлять следов, шел по краю дороги, посыпанной щебенкой. За полем начинались офицерские бараки.

У каждого американского советника был свой собственный крытый черепицей глинобитный домик. В соответствии со справочником Академического Центра Автоматической Сержантской Школы «Красный плюмаж» лейтенант Клаус Кростос жил в коттедже № 8.

В обнесном стеной дворике с задней стороны глинобитного домика накрывала на стол девушка-андройд в пол человеческого роста. Поставив поднос на покрытый кафелем столик, миниатюрная прислужница вытерла пыль с псевдоплетеного кресла и забила подушку из натурального пера.

Невидимый Конджер растянулся на огораживающей дворик стене.

Из коттеджа вышел огромный, дочерна загорелый блондин, плечистый и весь в веснушках. Он наклонился и похлопал по плечу маленький андройд.

— Доброе утро, Мария Кармен, — тенором пропел он.

— Buenos días.

Положив салфетку на огромное колено Кростоса, андройд-недоморок удалился в коттедж.

Клаус приподнял салфетку с миски с овсяной кашей, налил стакан сока из заменителя апельсина. Он сидел, потягивая сок и шуряя на недавно взошедшее солнце.

Потом Кростос поставил стакан на кафельный столик, достал из висящей на боку кобуры бластер и навел дуло на Конджера.

— Вам, мистер, лучше оттуда слезть. Иначе мне придется вас поджарить.

Конджер отклонил предложение белокурого лейтенанта разделить с ним утреннюю трапезу.

— Вы меня видите, да?

— Конечно же, приятель, — ответил своим высоким тенором Кростос. Его бластер лежал рядом с ним на столике. — Один мой знакомый агент СНБ месяца два назад достал мне контрабандой инъекции иммунитета. Кростос любит быть в курсе всех новинок.

— Вы работаете на Дрему?

Левой рукой Кростос поднес ко рту стакан апельсинового сока.

— Верно, приятель. Тебе когда-нибудь доводилось видеть чек, которым расплачиваются в армии Соединенных Штатов? 500 долларов в неделю. Кто сможет прожить на эти гроши? Чтоб выжить, приходится подрабатывать на стороне. Кростос живет на свете раз и хочет, чтоб все было как полагается. Волокешь?

— Думаешь отправить меня Дреме?

Кристос тоненько фыркнул в свой стакан с соком.

— И не надейся, приятель. Тоже мне шишка. Верзила Мак со своим косым дружком, насколько известно Кристосу, высосал из тебя все сведения еще в Бразилии. — Он постучал дулом бластера по квадратному кафелю стола. — Нет, я сам себе хозяин. Пусть Кристос с виду похож на обычного деревенщину, башка у него варит, приятель. Пока мы тут сидим с тобой на солнышке, я придумал, как мне поступить. Я спалю тебе кишки из бластера, а ночью отволоку тебя на 26-й акр.

— 26-й акр?

Кристос прыснул со смеху.

— Благодаря вам, секретным агентам, Кристос когда-нибудь померет со смеху. Сидишь тут на кошачий волосок от края могилы, а сам еще вопросы задаешь.

— Привычка.

Конджер уперся кончиками пальцев в край стола.

Белокурый лейтенант направил бластер прямо ему в лицо.

— И не думай, приятель, опрокинуть на меня утреннюю трапезу. У Кристоса реакция не хуже змеиной.

Пожав плечами, Конджер поднял обе руки.

— Так вот, 26-й акр — маленькое частное кладбище, которое мы содержим на свои средства. Осваивая новое оборудование, какие-то из этих маслянистых шариков непременно взлетают на воздух. Для таких случаев нам приходится содержать маленькое частное кладбище. Не беспокойся, приятель, места там еще много.

Не спуская с Кристоса глаз, Конджер уперся одной ногой в ножку стола.

— Тебе известно, кто такой Дрема?

— Черт возьми, приятель, ну и вопросик, — рассмеялся лейтенант Кристос. — Вот тебе ответ: конечно, известно. Я помогал организовать парочку воскрешений, включая и то, которое Верзиле Маку пришлось аннулировать.

— О, сеньор, прошу прощения, — раздался голос с порога котеджа. — Я совершенно забыла подать вам ячменные лепешки.

— Ячменные лепешки? Черт возьми, Мария Кармен! — Кристос повернул назад свою большую голову. — Ты, черт побери, прекрасно знаешь, что я не выношу...

Конджер лягнул стол. Он перевернулся, краем крышки выбило из руки Кристоса бластер.

— Проклятье! — взвизгнул Кристос.

Конджер перемахнул через столик, выкрутил лейтенанту левую руку и завел ее за спину.

— Поберегите ваши силы, сеньор, — сказал Кэнгуру. Он выскочил во дворик в фартучке прислужницы-андроида, повязанном поверх туристского костюма-тройки цвета какао. Кэнгуру щелкнул лейтенанта Кристоса по шее маленьким серебряным жучком-глушилом.

Лейтенант хрюкнул и повалился на землю.

— Я и не знал, что вы тоже в Урбании, — сказал Конджер.

— Босс Джиэр велел мне вас подстраховать, — объяснил кудрявый шпиончик. — Я с прошлой ночи издали наблюдал за вами. Вы б только видели, в какой грязи содержатся аллеи в

окрестностях вашего отеля. Я провел не одну ночь в различных аллеях, но эти...

— Как вам удалось напасть на мой след? Вы тоже меня видите?

Кэнгуру покачал своей кудрявой головкой и снял фартук.

— Сперва я хотел нарядиться во все тряпки этой проклятой служанки, но потом решил, что за те жалкие гроши, которые мне платят, слишком жирно волочить ноги в этом балахоне. Вы стали невидимым только возле муниципального леса, за милую отсюда. Из моей беседы с сеньором Джизером я узнал, кого вы хотите здесь повидать.

— А как вы сюда проникли?

— У меня свои методы, — ответил он. — Надеюсь, я не расстроил какой-нибудь ваш далеко идущий план? Мне показалось, будто этот проклятый офицеришко собирался вас прихлопнуть.

— Так оно и было на самом деле, — кивнул Конджер. — Спасибо, что сумели его отвлечь.

Шпиончик ковырнул носком ботинка оглушенного лейтенанта.

— Хотите задать ему вопросы?

— Он говорит, будто ему известно, кто такой Дрема.

Конджер раскрыл свой ранец.

— Разрешите мне, — сказал Кэнгуру. — Я достал это у одного секретного агента-армянина. Хочу проверить, как оно действует.

Он нагнулся, приставляя к виску Кристоса маленькую лакричного цвета пуговку.

— Ну, спросите у него что-нибудь?

Конджер присел возле лейтенанта на корточки.

— Как тебя зовут?

— Кристос Клаус Н, — ответил Кристос, не открывая глаз.

— Ты работаешь на Дрему?

— Да, сэр.

— Кто он?

— Его настоящее имя сэр Томас Энсти-Гэтри.

Конджер в удивлении раскрыл рот и хмыкнул.

— Ты в этом уверен?

— Да, сэр, уверен, приятель. Ведь я сам работаю на этого проклятого парня, разве нет? Кристоса называют важным посредником между Дремой и его потенциальными клиентами.

— Гэтри считают мертвым.

— Это всего лишь обычный трюк, приятель. Чтоб он мог свободно заниматься своими делами в качестве Дремы.

— Где он?

— Трудно сказать. Он мотается с места на место, выполняя заказы. С тех пор как Дрема начал свое дело, он провел штук семнадцать воскресений.

— Где у него база?

— То есть где он обычно обитает, если не поехал на вызов?

— Да, да.

— В Мексике, — ответил лейтенант Кристос.

В номере отеля жужжал простейший автомат-уборщик.

Конджер обошел приземистый квадратный механизм и позвал:

— Анжелика?

— У-ууу-ууу, — урчал уборщик.

— Анжелика! — снова позвал Конджер.

— Ууу, — проурчал автомат и постучал одной из своих многочисленных рук по псевдомраморной крышке кофейного столика.

На столике лежала записка.

«Джейк, мне кажется, я бросаю тень на твою карьеру. Особенно отчетливо я осознала это, услышав, как бранил тебя вчера вечером шеф. Возможно, я и себе порчу будущее. Мне бы хотелось кое над чем подумать. Поэтому давай снова работать в одиночку. Когда мы выполним наше задание, можем снова, если захочешь, сойтись. Возможно даже, что наши дорожки пересекутся раньше. Мне кажется, что я тебя люблю. До встречи. Анжелика».

— Ууууу, — проворчал маленький робот, указывая на записку, потом на бумагоизмельчитель, который лежал сверху.

— Нет, это письмо я сохранию, — сказал Конджер. — Я в таких вещах сентиментален.

Он сложил записку, сунул ее в карман и заходил взад-вперед по комнате, тяжело волоча ноги.

Анжелики и в самом деле не было, остался лишь слабый запах ее духов в спальне.

Конджер сел на только что убранную кровать и прислушался к урчанию робота в гостиной.

— Проклятье, — пробормотал он.

Через некоторое время из гостиной донесся голос Кэнгуру:

— Почему вы применяете автоматы-охранники этой модели? Ведь у них очень низкая производительность.

Конджер вышел в гостиную.

— Что-нибудь узнали? Новое?

— Просто ваша дверь была открыта, — сказал белокурый шпиончик.

— Я намеренно оставил ее открытой, — сказал Конджер.

Он встал и прикрыл дверь.

— Мне очень жаль, что мисс Эйбрил уехала, — почувствовал Кэнгуру. — Мне кажется, она идеальней большинства женщин.

— Откуда вы знаете, что она уехала?

— Сеньор, я работаю под вашим началом, точно так же есть люди, которые работают под началом у меня. Так вот, один из них доложил мне, что мисс Эйбрил уехала четыре часа тому назад.

— А вашему человеку известно, куда она уехала?

— На станцию телепортирования. Дальше он выяснять не стал. Думаю, это несложно установить.

Конджер покачал головой.

— Не надо. Вы проверили сведения, которые мы получили от Клауса Кристога?

— Оздоровительный центр, о котором упомянул лейтенант, называется Институтом Ментакса. Он находится, как он и сказал нам, в Олвидадосе, Мексика. Это городок, расположен-

ный примерно в десяти милях, в глубь материка от Гуаямоса, что на побережье Калифорнийского залива. Их девиз — «Считай себя молодым!». Можете себе представить, что клиентура состоит в основном из богатых старых идиотов.

— Кто там работает и кто это заведение финансирует?

— Во главе Ментакса стоит доктор Казадезюс. Что касается владельцев, то я только сейчас поручил одному бухгалтеру это расследовать. Могу только сказать, что у Института Ментакса владельцев много. Может, Дрема тоже входит в пай.

— А не может оказаться, что этот тип Казадезюс и есть сэр Томас Энсти-Гэтри?

— Только в том случае, если Гэтри путем самовнушения превратился в старого толстяка. Доктору Казадезюсу под шестьдесят, и весит он сотни две фунтов. Однако этот проклятый оздоровительный центр занимает огромную территорию в сельской местности, на которой торчит много больших домов, и в каждом из них можно преспокойно упрятать и Гэтри, и несколько лабораторий.

— О'кэй. Едем в Мексику! — воскликнул Конджер.

— А вы уверены, что вам не хочется немного повременить на тот случай, если мисс Эйбрил передумает, как это частенько случается с женским полом, и вернется к нам?

— Уверен.

Из макушки смеющегося робота вырвался целый каскад искрящихся огней. «Добро пожаловать в Гуаямос! Добро пожаловать в Мексику!» Пестро раскрашенный автомат рассмеялся еще шибче и пустился в пляс вокруг Конджера, который сходил по мрачной лестнице станции телепортирования в Гуаямосе. «Добро пожаловать к нам на фиесту!»

Конджер повернулся к Кэнгуру.

— Я не знал ни о какой фиесте.

Стукнув кулаком по глиняной свинье, которую вертел у него под носом второй робот-искромет, шпиончик сказал:

— Вспомнил наконец. Это пир в честь святого Норберта. Он является святейшим покровителем...

— ...вкусовых ощущений, — подхватил Конджер, ступив с лестницы на вымощенную псевдобулыжником мостовую. — Помните, я посетил его усыпальницу?

По обе стороны улицы высились синтетические оливковые деревья на распорках из прозрачной ленты. Множество ярко размалеванных роботов танцевали или просто расхаживали вразвалку по запруженным народом улицам, разбрызгивая фонтаны искр и подкрашенной воды. Оркестры народных инструментов из людей и андроидов маршировали среди толп туристов и местных жителей. Вдали у перекрестка медленно двигался целый поезд разукрашенных цветами низких платформ. В одной из них святой Норберт дегустировал прямо из бочонка вино.

— Слишком мало кумина, — заметил Кэнгуру. Он только что купил тамали на вертеле у робота, в груди которого пылал огонь и вращались вертела. Белокурый шпиончик откусил еще кусочек. — Потом ты переварил сою. Тут надо...

Конджер схватил его за локоть и потащил за собой.

— Где можно взять напрокат лэндкар, чтоб добраться до Олвидадоса?

— За следующим углом, — сказал шпиончик и внезапно замер на месте.

— Пошли, хватит пререкаться с роботами.

— Прошу прощения. Мне показалось, я узнал, кое-кого вон там за этими пляшущими девицами в сомбреро.

Конджер посмотрел, куда указывал Кэнгуру, надеясь увидеть Анжелику.

— Кого?

— Агента ССА, с которым мне приходилось встречаться в Большом Сингапуре, одного подлеца по имени Пронцини. Нет, наверное, это был не он.

— Анжелика, по-видимому, в этом районе не появится, — предположил Конджер. — Верзила Мак с Джерри Тингом тоже.

— Запомните сеньор, лучшие агенты — это те, кого не видно. К тому же патент на посещение этого Ментакса принадлежит нам.

— Однако Анжелика тоже куда-то направилась.

— Вероятно, по ложному следу.

— Возможно. Только она слишком умна, чтоб долго по нему идти.

Кэнгуру протолкался между толстым туристом и андроидом — уличным музыкантом, который тряс мараку.

— Сюда, сеньор. Здесь мы сможем нанять лэндкар.

Конджер на ходу глянул на экран заднего и бокового обзора.

— Хвоста за нами нет.

— Нам очень повезло с этим автомобилем, — сказал Кэнгуру, высовывая правую руку из окна и теребя гирлянды цветов, которыми был украшен лэндкар.

— Он не бросается в глаза.

— Хоть и украшен этими идиотскими цветами, — согласился Кэнгуру. — Такая удача, что мы смогли достать его в самый разгар фиесты. Ведь если б епископу не отдавили коленку...

— Не коленку, палец.

— Но ведь он шел в то время на коленях, что у них называется... Сверните сюда.

Конджер развернул машину, в которой епископ собирался ехать вечером на парад.

В полумиле впереди на дорогу, ведущую в город Олвидадос, с грохотом выехала с поля громадная платформа. Она остановилась в футах ста от их лэндкара и преградила им путь. На боковой доске из больших плющевых листьев было выложено: «Гуайя-мосская Торговая Палата».

Конджер с ходу нажал на педаль. Раздался визг тормозов, посыпались лепестки цветов и ленты.

— Сзади нас еще одна, — сказал он.

Позади с поля выехала на дорогу и встала поперек ее огромная празднично украшенная платформа с живой картиной, запечатлевшей борьбу пеонов с тиранией.

Конджер, поспешно растирая лосьоном, сказал:

— Останьтесь здесь и попытайтесь потянуть время.

Через секунду он был невидим. Слегка приоткрыв дверцу лэндкара, он осторожно шагнул на дорогу.

— Вы устроили парад в неподходящем месте, бездельники! — заорал Кэнгуру, занимая место за пультом управления.

Из-под первой платформы выползло двое мужчин в рабочих комбинезонах. Каждый держал наготове револьвер-глушило. Шагая в ногу и плечом к плечу, они приблизились к лэндкару.

Гасли последние краски дня, и на дорогу и волнистые поля вокруг ложились мягкие сумерки.

— Епископу это вовсе не понравится! — орал Кэнгуру. — Он уже освятил этот экипаж. Так что ежели вы, бездельники, к нему прикоснетесь, вы сотворите смертный грех!

Мимо Конджера, не обращая на него ни малейшего внимания, прошли два агента, один из них долговязый китаец.

Конджер приблизился к кабине первой платформы. В ней сидел мужчина и пил из пластиковой бутылки мексиканское пиво. Конджер бесшумно вскочил на подножку и приставил к его жирной шее жучок-глушило. Водитель упал сперва назад, потом вывалился на землю.

Когда Конджер вернулся к лэндкару, из которого Кэнгуру пытались вытащить двое, он услышал, как китаец спросил:

— А где твой дружок?

— Я один, — проговорил Кэнгуру, — если не считать сильной духовной охраны епископа гуайямосского.

— Оглуши-ка его чуток, — предложил второй агент.

На другой платформе Конджер обнаружил лишь маленького лысого толстяка. Он достал из ранца еще одну присоску-глушило, и толстяк остался лежать сбоку дороги.

После этого Конджер вернулся к лэндкару.

Китаец уже выволок Кэнгуру на дорогу и теперь держал его за лацкан пиджака цвета какао.

— Буду глушить тебя и снова приводить в чувство до тех пор, пока не заговоришь. Каким образом твоему приятелю удалось от нас удрать?

— Послушай, Бенсон, может, он тот самый агент-невидимка, о котором нас предупреждал Верзила Мак? — высказал предположение его дружок. Прежде чем упасть, он приложил руку к тому месту на шее, куда поставил жучка Конджер.

Китаец завертелся на одном месте, стреляя из глушила.

— Небось это тот самый невидимка!

Конджер пригнул голову, когда падал второй, и приставил жучка к ноге китайца. Как только на земле оказался последний из них, Конджер моментально проявился.

— Они из США, да?

— Вы только поглядите, как погано пришиты лацканы этого проклятого костюма, — скулил Кэнгуру. — Один из них почти отлетел, а ведь за него только подержались. — Он вздохнул. — Да, этот китаец — партнер того самого парня, которого я видел в Гуайямосе.

— Должно, быть, он тоже вас видел и предупредил своих дружков. Они, вероятно, здесь за тем, чтоб никого не пропускать в Ментакс и к Дреме, — сказал Конджер. — Очевидно, Верзилы Мака в этой части Мексики нет...

— И Мисс Эйбрил тоже, — добавил Кэнгуру.

Конджер кивнул и пошел отогнать с дороги платформу, которая преграждала им путь.

Двадцать стариков сидели по-турецки на пыльной площадке размером в пол-акра, освещенные парящими в воздухе белыми шарами света. Одни были поджарые и мускулистые, другие толстые и обрюзгшие. На краю этой ярко освещенной площадки развалился в наполненном водой кресле массивный толстяк в белом балахоне. Это был цианойд, его скрюченная рука служила ему в настоящий момент микрофоном, которому он обращал свою речь:

— Поскольку мыслительный процесс есть углубление в себя, — говорил он металлическим голосом, — контроль над процессом старения все приближается. Давайте же углубимся в себя, только в себя.

Поблизости от жирного цианойда, который, вероятно, был самым доктором Казадезюсом, хихикнул сухонький старикашка.

— Вы не углубляетесь в себя, мистер Фелдман, — заметил руководитель Ментакса.

— Чрезвычайно виноват, — извинился старый Фелдман. — Я вспомнил похабные анекдоты, которые читал в юности в колледжских юмористических журналах.

— От этих воспоминаний вы не помолодеете ни на йоту.

Конджер, опять невидимый, шел по краю площадки. Был одиннадцатый час ночи — вот уже два часа он рыскал по территории Ментакса. Миновав заседающих на свежем воздухе стариков, занятых воспоминаниями о минувшей юности, он вошел в один из огромных складов на дальнем конце площадки.

Внутри огромного, залитого тусклым серым светом помещения было зябко. Весь склад до самого потолка был завален картонными коробками с пищепапками, горной ключевой водой, дегидрированным мясом и быстрорастворимым коричневым мясным соком.

Конджер остановился возле горы ящиков с безалкогольным пивом и принялся. На секунду ему показалось, будто пахнут духами Анжелики. Потом он понял, что этот запах более терпкий и мускусный. Конджер опустился на колени и заметил маленькую щелочку под горой из ящиков.

«Интересно, почему не появляется Анжелика? — думал он, отодвигая ящики. — Ей уже давно пора появиться. Ведь прежде она все время переходила мне дорогу. В Бразилии, Португалии. Черт побери».

В полу оказался люк. Достав из ранца жучок-усилитель, Конджер прислушался. Издалека донеслись обрывки беседы, поблизости не было никого. И никаких признаков предупредительной системы.

Своими невидимыми пальцами Конджер осторожно приподнял крышку люка. Вниз вел пролет норилловой лестницы высотой в десять футов. Потом начался тускло освещенный коридор. Конджер ступил на лестницу и закрыл за собой крышку люка.

Мускусный запах усилился.

Откуда-то справа издалека послышался женский голос:

— Хватит тебе вонять.

— Да перестань наконец ворчать, Роза, — сказал тенор с английским акцентом и слегка в нос.

— Что это я вдруг перестану? — удивилась Роза. — Ворчание — побочный эффект скуки.

— Ведь говорил тебе, оставайся у себя в Барчестере, разве нет, Роза?

— Хватит вонять! — приказала она.

Коридор вел в подземное жилище без двери. Комната, в которой очутился Конджер, оказалась огромной гостиной, убранной в стиле конца викторианской эпохи полуторавековой давности. Пушистая коричневая драпировка, массивная мебель с толстыми ножками, отполированный рояль, множество массивных ваз для цветов, а также с десятков портретов предков с грустными лицами и в замысловатых позолоченных рамах.

Роза, полная бледная женщина лет двадцати девяти, в длинном халате, сидела за роялем. На крышке рояля стояла тарелка с куском торта из воспроизведенного сыра. Одной рукой она лениво ковыряла в тарелке вилок, другой ударяла по басовым нотам.

— Прекрати это проклятое мулевание, — сказал худой высокий мужчина, сидевший в стеганом кресле для двоих.

— Ты хочешь сказать, музицирование, — поправила его Роза. — Мулевание — это то, чем я занимаюсь днем в своей студии вместо рисования.

В высоком худом мужчине Конджер узнал сэра Томаса Энсти-Гэтри. На нем была полосатая пижама цвета жженого сахара.

— Ты могла бы разогнать свою скуку, будь у тебя желание, Роза.

— Мне не нравится здешний пейзаж, Томми, — сказала толстуха Роза. — Суди сам, по утрам я распахиваю окна своего будуара, и мне открывается вид на сплошную стену из земли. Мороз по коже дерет.

— Мне самому не очень-то нравится жить под землей, Роза, — признался ученый. — Однако мне платят такие деньги. 300 тысяч долларов в год плюс командировочные. Значительно больше, чем в Лаймхаузском Центре, к тому же не надо совершать эти осточертевшие поездки в Лайвмор и Кливленд.

— Лайвмор показался бы раем после года подземной жизни. — Роза стряхнула с клавиш крошки торта. — Переведи-ка 300 тысяч долларов в фунты.

— Около 120 тысяч по нынешнему курсу.

— За то, что ты делаешь, Томми, тебе должны платить больше. Что эти ничтожные 120 тысяч фунтов?

Конджер тихонько приблизился к двухместному креслу.

— Работа сама по себе ерундовая, — сказал Гэтри. — И только твоё вечное нытьё отравляет нам жизнь.

— У меня такое предчувствие, — начала Роза, тыкая зубцами вилок в свою огромную левую грудь, — что Драма в один прекрасный момент исчезнет, оставив тебя расхлебывать всю кашу.

Конджер весь превратился во внимание.

— Нет, он этого не сделает.

— Откуда ты знаешь?

— Драма дал мне слово.

Конджер в удивлении вытаращил свои невидимые глаза. Ведь лейтенант Клаус Крестос заверил его, что Дрема — это сэр Томас Энсти-Гэтри.

— Держу пари, что он дал его не на бумаге, — сказала Роза.

— Разумеется, нет. В деле, подобном нашему, ни к чему иметь письменные свидетельства.

— Ты, Томми, даже не знаешь, кто он такой.

— Да, мне этого не докладывали, — кивнул Гэтри. — Однако я имел с Дремой много телефонных разговоров, и я...

— Он никогда не включает свой видеоэкран.

— Для того чтобы оставаться инкогнито.

— Он поручил тебе руководство этим подпольным центром воскрешения, тебя он заставляет производить больше двух третей воскрешений на выезде. Основной риск ты принимаешь на себя, а он платит тебе какие-то жалкие 120 тысяч фунтов.

— Никакого особого риска во всем этом нет, Роза. Я даже считаю, что это большая честь — быть ближайшим помощником Дремы.

— Его козлом отпущения. Его подсадной уткой. — Роза стукнула своим пухлым кулаком по клавишам. — К тому же, Томми, половина его людей думает, что ты сам Дрема.

Гэтри едва заметно улыбнулся.

— В этом, Роза, я не вижу никакого вреда. Просто хитрая маскировка.

— Если тебя арестуют, ты даже не сможешь на него наступать. Ведь тебе неизвестно, кто этот человек.

— Кто же станет стучать на своих соратников, Роза? — удивился сухопарый ученый. — Кстати, мне кажется, я знаю, где он все-таки находится.

— Мне ты об этом не говоришь.

— Ты не всегда в настроении для конфиденциальных бесед.

— Так где же все-таки Дрема?

— Я узнал, что его база расположена где-то под Лос-Анджелесом.

— Не слишком точный адрес.

— Это частично заброшенная подземная транспортная и жилищная система в районе Большого Лос-Анджелеса на юге Калифорнии, — пояснил Гэтри. — Я узнал окольными путями, что наш мистер Дрема живет где-то там.

— Выходит, он тоже вынужден жить под землей?

— Да, кроме тех случаев, когда он проводит воскрешения в каком-нибудь уголке земного шара.

Конджер удовлетворенно хмыкнул про себя и вышел из обстановочной в викторианском стиле гостиной. Когда он шел к люку, до него донеслось ворчание Розы: «Прекрати вонять».

Анжелика вошла во время инструктажа, и Конджер на несколько минут отключился от дела. На ней было простенькое дневное платье под цвет загара, волосы стянуты на затылке лентой. Она кивнула Конджеру, едва заметно улыбнулась и села рядом с огромным блондином — агентом СНБ.

Конджер на мгновение задержал на ней свой взор, потом сосредоточил внимание на инспекторе полиции Большого Лос-Анджелеса.

— ...ниже на Уровне Три расположены салоны, где заключаются пари, легальные, прошу прощения, мисс Эйбрил, бордели, а также собачьи бега в закрытых помещениях, — говорил инспектор ПБЛА. — Около 75 процентов заведений этого Уровня все еще действуют. Собачьи бега на время закрыты из-за регулярных неисправностей механических кроликов, за которыми должны гнаться собаки. Как я...

— Прошу прощения, инспектор, — вмешался Роуланд Галл, худощавый бледный юноша, которого представили как пресс-секретаря губернатора Южной Калифорнии. — Однако Неистовый Губернатор Йоркцез просил меня зачитать это обращение в том случае, если какая-либо из его Подземных Жизненных Систем будет подвергнута критике. Обращение начинается следующим образом: «Мои соотечественники-калифорнийцы, добрый вечер...» Ага, мы переменим это на «доброе утро», поскольку еще нет, и полудня. Итак, «мои соотечественники-калифорнийцы, доброе утро...».

— Можем, Роуланд, опустить это обращение, — сказал низенький широкоплечий инспектор. — Перед нами стоит задача поймать убийцу.

— Минуточку, — перебил его Линн Лиэрмани, здоровенный блондин, агент СНБ. Он сидел, положив руку на спинку стула Анжелики. — Технически, инспектор, Драма вовсе не убийца. Все наши сведения говорят об обратном. Он, если верить слухам, наоборот, оживляет людей.

— Пусть он хоть убивает их, хоть оживляет, все равно мы должны его схватить, — сказал инспектор Кнерр. — Я верно понял ситуацию?

— Верно, — с улыбкой кивнул Лиэрмани. — Просто я люблю ясность во всем.

— Мне кажется, вы должны разрешить мне зачитать обращение, — настаивал пресс-секретарь губернатора. — Неистовый Губернатор Йоркцез свирепеет, если ему становятся поперек дороги. Я вовсе не хочу, вернувшись в столицу штата Бурбанк, присутствовать при том, как он снова изрежет на ленточки портьеры в своей административной резиденции и пожует все искусственные цветы.

— Я занесу в протокол время, за которое оно якобы было прочитано, а также помечу, что его хорошо встретили, Роуланд, — пообещал инспектор Кнерр. — А теперь закройся. — Он снова обратился к планам, запечатленным на стене сбоку от него. — Итак, ниже Уровня Три находится Уровень Четыре, настоящий очаг заразы. Это самоуправляемое государство, где у власти стоят бродяги, паразиты, отщепенцы. Мы даже склонны считать, что отребьем, населяющим данный район, были вырыты новые Подземные Жизненные Системы.

— Прошу вас, инспектор, не забывать, что, когда этот чудесный комплекс был задуман и осуществлен, мы опасались угрозы нападения со стороны Англо-России.

— Да ничего мы не опасались, — возразил Кнерр. — Этого опасался Неистовый Губернатор Йоркцез, вот и выстроил под Лос-Анджелесом этот проклятый лабиринт. Я предупреждал его, что в итоге там обоснуются одни подонки.

— Минуточку, — Лиэрмани постучал кончиками пальцев по

плечу Анжелики. — Мисс Эйбрил, а также мистера Конджера не интересуют наши передрыги, инспектор. Вернемся к Дреме.

— Я пытался объяснить все как есть, — сказал инспектор Кнерр, стуча костяшками пальцев по плану на стене. — ПБЛА, что означает, если кто-либо из приезжих не знает, полиция Большого Лос-Анджелеса, так вот, ПБЛА считает, что, если этот так называемый воскреситель укрывается под нашим городом, значит, он поселился где-то на Уровне Четыре или глубже.

Тощий угловатый человек, который сидел рядом с Конджером, еще не вымолвил ни слова. Теперь он откашлялся и сказал:

— Вероятно, наступило время задать себе вопрос: что за мотивы руководствуют этим мнимым чародеем Дремой? — Он потер сначала свой локоть, потом коленку. — Как мы говорим в Южно-Калифорнийском Психообъединении, что его заводит?

— Секундочку, Сид, — перебил тощего светловолосый агент СНБ. — Я думаю, Анжелике известно, кто вы такой, однако попрошу вас представиться Конджеру из АРФА.

— О, рад встрече, — сказал тощий, оборачиваясь, чтоб пожать Конджеру руку. — Я — доктор Сид Пулхолл из Южно-Калифорнийского Психобъединения. Наше заведение частенько работает, как у нас принято говорить, рука об руку с заведением инспектора.

Инспектор Кнерр набрал воздуха своим плоским широким носом.

— Ладно, Сид. Как ты думаешь, где этот мерзавец?

— Минуточку. Не я думаю, где он, а он сам думает. Понимаете, а это может представлять особый интерес для вас, мистер Конрад...

— Конджер, — поправил его Конджер.

— Мистер Конджер. Интересно, что это я вдруг назвал вас Конрадом? Наверно, какая-то чисто внешняя ассоциация. Хочу предупредить прежде всего, что мы в ЮКПО пользуемся только самыми лучшими компьютерами и воспроизводящим оборудованием. Когда я заправил в них те сведения о Дреме, которыми мы располагаем...

— И которых у нас немного, — заметил Конджер.

— Пусть так, как у нас принято говорить. Наши автоматы высказали предположение, что Дрема скорее всего свил себе гнездышко в Уровне Четыре или даже ниже. — Он откашлялся в тощий кулак.

— Все это совпадает с общей картиной, которую мы набросали здесь, в Лос-Анджелесском отделении СНБ, — подвел итог Лизрманн. — Мистер Конджер пришел к этому выводу примерно на день позже, чем остальные из нас, и, вероятно, еще не в курсе, как мы намереваемся поступить.

— Как раз это я и хотел ему сообщить, — сказал инспектор, расхаживая перед своими планами.

— И я хочу послушать, — вмешался пресс-секретарь губернатора. — Я не мог присутствовать на вашем первом инструктаже по Дреме, поскольку мне пришлось отправиться в Либереишн Госпитал Ветеранов Войн в Глендейль и зачитать там коротенькое обращение губернатора, рассчитанное на то, чтоб поднять дух. Оказывается, в свой приезд туда он так разыгрался, что столкнул кого-то из инвалидов с лестницы в кресле-каталке, что вызвало некоторый гнев среди...

— Итак, мы намерены организовать наблюдение над Уровнем Четыре, — перебил его инспектор Кнерр. — Иными словами, усилить наши отряды, которые обычно контролируют этот район. В нашей Маскировочной Бригаде служат талантливые сотрудники. Переодетые, они ничем не отличаются от настоящих бродяг и мошенников.

— Это и я могу подтвердить, — улыбнулся Лиэрманн, поглаживая Анжелике спину. — Разумеется, СНБ тоже направит туда свои лучшие силы.

Конджер отвернулся и засмотрелся в окно. Мимо башни, в которой находилась комната, проплывали по раскаленному полуденному небу желтоватые клочья смога.

— На это уйдет много времени, — заметил он.

— У нас в СНБ народ терпеливый, — заверил его Лиэрманн.

— А может, у мистера Конджера имеется другая идея? — предположила Анжелика.

Конджер обернулся и заговорил, обращаясь только к темноволосой красавице:

— Если мы организуем ложное покушение, Дрема может себя обнаружить.

— Слишком рискованно, — сказал Лиэрманн. — Кроме того, нам еще не удалось выследить путь трупа до лаборатории.

— Потому что вы не были готовы противостоять его гипнозу и прочим ухищрениям, — сказал Конджер. — Если же суметь все предвосхитить, а также обеспечить более надежную систему электронного надзора, вероятно...

— Дреме известно, как вывести из строя наши мониторы, — перебил Конджера Лиэрманн. — Нет, боюсь, агент Конджер, нам придется положиться на выдержку и упорство.

— Вы не возражаете, если я осуществляю другой замысел?

Лиэрманн сморщил свою физиономию.

— Мне не хотелось поднимать этот вопрос, Конджер, — медленно начал он. — Я получил официальную докладную из Вашингтона, в которой вам приказывают подчиниться СНБ. Подписана Синковеком.

— Мне казалось, Синковска сменил Тиефенбачер.

— Да, пока сенатские компьютеры не обнаружили свою маленькую ошибку и не поняли, что непристойные послания отправлял именно Тиефенбачер.

— Что за непристойные послания? — оживился доктор Пулхолл.

— Закодированные пошлости, — пояснил Лиэрманн. — Агентам женского пола.

— Очаровательно! — воскликнул психиатр. — Однажды мне довелось интервьюировать компьютер, который декламировал...

— Ладно, — сказал Конджер агенту-блондину. — Буду работать с вами. Что я должен делать?

— Пока, Конджер, ничего. Может, ваш особый дар окажется полезен нам в дальнейшем. Что касается настоящего времени... — Он пожал плечами.

— Какой такой особый дар? — полюбопытствовал доктор Пулхолл.

— Я декламирую пошлые четверостишья.

Он встал и, не глядя на Анжелику, вышел из комнаты.

Конджер глядел на океан вниз. На его черной слегка фосфоресцирующей поверхности раскачивались пустые сумки из-под пива, ударяясь о сваи стоящих на воде коттеджей. Он встал с парящего в воздухе кресла и направился по прозрачному полу в другой конец комнаты. Достал из декоративной обшивки пузырек с капсулами В-комплекса и вытряхнул пару капсул на ладонь.

— Не желаете посмотреть кино? — спросил большой агрегат, ведающий культурой. Он возвышался в самом центре этой комнаты с прозрачными стенами.

— Нет, спасибо.

— В моем распоряжении не только современный хлам, — уговаривал голос из-за решетки, которая была расположена на уровне чрева автомата. — Вероятно, вам, сэр, это неизвестно, однако в былое время Лос-Анджелес являлся киностолицей мира. Поэтому, когда я спрашиваю: «Не желаете посмотреть кино?» — я имею в виду не столь наши современные отбросы триоптической промышленности или не пользующиеся даже в настоящее время популярностью мультителесные порнограммы, хотя их я тоже имею в своем распоряжении, нет, я имею в виду весь киноархив БЛА, сэр. Я располагаю лентами таких гигантов прошлого столетия, как МГМ, братья Уорнер, Парамаунт...

— Ничего не хочу смотреть. — Конджер вернулся на свое место и проглотил капсулы В-комплекса.

— Только сегодня я получил всю серию монограммических картин.

— Почему бы тебе не отдохнуть сегодня ночью?

Огромный культурный агрегат, покорно фыркнув, отключился.

Конджер снова устремил свой взгляд в темные воды Тихого океана.

На балконе с наружной стороны появился Кэнгуру и постучал по стеклу. Его сверкающий комбинезон по моде БЛА был мокр до колен.

— Какого типа в этом месте входные двери?

Конджер растворил балкон и сказал:

— Заходите.

— С этой стороны океан очень загрязнен. — Кэнгуру стоял на одной ноге и пытался стащить набрякший ботинок. — Каждый раз, когда я старался выбраться на дорогу к главному входу, какие-то автоматические руки поднимали меня в воздух и возвращали назад.

— Этот коттедж снабжен системой максимум-безопасности, — пояснил Конджер. — А я забыл ее отключить.

Взяв ботинок в правую руку, белокурый шпиончик приблизился к Конджеру и сел напротив него.

— В Южной Калифорнии безопасности уделяют особое внимание. Сегодня меня уже обыскивали два муниципальных автобуса и воздушное такси. У вас озабоченный вид.

— У меня вид праздного гуляки.

Кэнгуру осторожно распутал водоросли, которые обмотались вокруг его лодыжки.

— Вы все решаете эту проблему Дремы, не так ли?

— Это приказ Джиэра, — сказал Конджер. — Час назад я

беседовал с ним по пиксфону. Мне велено уйти с дороги СНБ и позволить им попробовать осуществить полицейский надзор.

Кэнгуру решил снять и радужные носки.

— Если станет известно, кого Дрема будет оживлять в следующую очередь, смогли бы вы это обыграть?

— Да, безусловно. Вам что-нибудь стало известно?

— Скорей всего он будет оживлять того человека, на которого сегодня утром было совершено покушение. Государственного сенатора Макшерри.

— Он родом из Южной Калифорнии. Панихиду передавали по программе «Час Новостей При Мерцании Свечей».

Подключился культагрегат:

— Желаете посмотреть отснятую пленку панихиды, сэр?

— Нет, убирайся ты к черту.

— Я обратил внимание, что они положили не те ролики под ваш культагрегат, — сказал кудрявый шпиончик.

— Эти мне тоже впору, — возразил автомат. — Они прошли заводское испытание на выдержку...

— Заткнись, — оборвал его Конджер. — Вы уверены насчет этого Макшерри? В новостях высказали предположение, что он умер после продолжительной болезни.

— В течение двух часов, — сказал Кэнгуру. — Его отравили, когда он перерезал оперение во время помпезного открытия...

— Перерезал оперение?

— Во время помпезного открытия ультраптичника в Вудлэнд Хиллз, — пояснил Кэнгуру. — Там была лента из настоящих цыплячьих перьев, которую сенатор должен был разрезать, что входило в программу инаугурационных торжеств. Ножницы были обработаны раствором специального яда, проникающего сквозь кожу.

— Чьих это рук дело?

— По всей вероятности, соратников Неистового Губернатора Йоркчеца. Макшерри открыто критиковал...

— Я располагаю пленкой с записью обращения губернатора, зачитанного Роуландом Галлом, в котором он выражает глубокое соболезнование по поводу кончины государственного сенатора Макшерри, — включился культагрегат. — В триоптическом и обычном изображениях.

Кэнгуру поставил свои ботиночки рядышком.

— Макшерри — один из немногих откровенных либералов, еще уцелевших в Южной Калифорнии. Он является одним из зачинателей движения за освобождение чиканос из лагерей для перемещенных лиц в Долине Смерти, — пояснил Кэнгуру. — В ССА не заинтересованы в его смерти.

— За его воскрешение платят они?

— Согласно моим сведениям да.

Конджер потер зажатую между большим и указательным пальцами капсулу.

— Они уже завладели его телом?

— Нет, сеньор. Макшерри извлекают между полночью и рассветом.

— А где сейчас его тело?

— Выставлено для торжественного прощания в Ультраморге всех вероисповеданий в церкви Доброго Самаритянина.

— Мне бы следовало туда попасть.

— В этом нет необходимости, — сказал Кэнгуру. — Я знаю, какими они воспользуются средствами передвижения и в каком месте спустят его под землю. — Он отжал свои носки и стал ими жонглировать. — Можем устроить им у входа засаду.

Конджер усмехнулся.

— Ваши инструктажи куда содержательней, чем в СНБ.

— Вся беда в том, что Служба Национальной Безопасности слишком уповает на свою репутацию и престиж, — заметил Кэнгуру. — Знали бы вы, какие жалкие взятки предлагали они в эти дни в районе Большого Лос-Анджелеса.

— С вами желает побеседовать входная дверь, — заявил неуклюжий культагрегат.

— На какую тему?

— Понимаете, сэр, мне бы не хотелось вышвыривать на улицу человека, который стоит в настоящий момент у входа, — раздался из-за решетки культагрегата высокий голос двери-стража. — Понимаете, когда-то Лос-Анджелес являлся испанской территорией, и таким образом благородные традиции почтительного отношения к...

— Короче, кто там?

— Молодая леди, — отвечала дверь. — Потрясающе красивая молодая леди с локонами цвета вороньего крыла и черными как смоль сверкающими глазами. Вот почему я против того, чтоб применить к ней старый приемчик, пока вы на нее не взглянули.

— Вот как выглядит эта девушка, — сказал культагрегат. Он повернулся и направил экран своего монитора на Конджера. Это была Анжелика.

— Вам захочется поговорить с ней насдине. — Кэнгуру натянул на свои маленькие ножки сверкающие по моде БЛА носки. — Я удаляюсь, чтоб мы могли встретиться в полночь, таким образом, в вашем распоряжении почти целых четыре часа, которые вы можете, если потребуется, провести с мисс Эйбрил.

Он босиком направился в сторону балконной двери.

— О'кэй, где мы встречаемся?

— На Олвера-стрит в центральном секторе Старого Лос-Анджелеса. — Он надел свои мокрые ботинки и исчез в ночном мраке.

— Может, молодой леди захочется посмотреть кино? — с надеждой в голосе предложил культагрегат,

Конджер распахнул входную дверь.

— Нравится? — поинтересовался культагрегат.

Анжелика сделала глоток синтетического martini, который приготовил для нее громоздкий агрегат.

— Недурно, — кивнула она.

— Всего лишь недурно? Обычно мои martini превосходны. А тут всего лишь...

Огромная машина издала металлическое бульканье и отключилась.

У дальней стены, где находился контрольный пункт, стоял Конджер, который только что отключил агрегат.

— Ты сказала, что хочешь со мной поговорить, — напомнил он темноволосой Анжелике.

Она сделала еще глоточек.

— Ты ревнуешь меня к нему, — сказала она, потирая указательным пальцем поверхность культагрегата. — Наверно, потому, что он напоминает тебе Линна Лиэрманна.

— У того волосы темней, — возразил Конджер. Он расхаживал по прозрачному полу, тяжело волоча ноги. — Ты все это время провела в Большом Лос-Анджелесе?

— Да, — кивнула Анжелика. — Но если тебя это так волнует, не с Линном Лиэрманном.

Конджер промолчал.

— После того как ты уехал в Фармц, я связалась с нашим агентом в Сент-Норберте, — пояснила девушка. — Он велел мне обратиться в Даллас.

— В Даллас?

— Прошлым летом СНБ отстроила там Заграничный Координационный Центр. Ты, вероятно, помнишь дебаты в конгрессе по поводу стоимости термического настила на стоянке транспорта. Короче, у СНБ есть сведения, что база Дремы, по всей вероятности основная, расположена где-то под Лос-Анджелесом. Я решила выяснить это сама, без посторонней помощи.

Конджер расхаживал взад-вперед по комнате, уставившись в темную поверхность океана, плескавшего свои волны под полом. Анжелика стояла не двигаясь в самом центре прозрачной комнаты.

— Знаешь, я так долго сочиняла тебе то письмо.

— Я так и подумал. Оно такое длинное — целых пять предложений.

— Что ж, возможно, я не имею права решать за тебя, — вздохнула девушка. — Но, услышав в тот вечер, как набросился на тебя Джиэр, я решила, что не стану мешать твоей карьере.

— Карьере человека-невидимки.

— Назовем это профессией. Какая разница? Мне кажется, ты еще не подготовился к тому, чтоб уйти в отставку, верно?

Конджер остановился.

— Не знаю, — немного подумав, сказал он.

Девушка приблизилась к нему.

— Послушай, Джейк, я хотела еще кое о чем с тобой поговорить. Не только о том, что я по тебе скучала и что расстроилась, когда ты сегодня днем удалился с инструктажа, даже не глянув в мою сторону.

— Это называется удалился?

— А как?

— Вышел решительным шагом или не склонив головы,

— Скорей едва волоча ноги.

Она улыбнулась.

Конджер улыбнулся ей в ответ и обнял девушку за плечи.

— Минутку, — Анжелика высвободилась из его объятий. — Я еще не все тебе сказала.

— Что же еще? — поинтересовался он. — Дрема?

— Да, но Дрема — это по делу. Я же хотела тебе сказать, что, когда мы покончим с делом, у меня будет отпуск, и я хотела бы провести его с тобой.

— А что насчет Дремы?

— Тебе ведь известно о покушении на государственного сенатора Макшерри?

— Мне сказал об этом Кэнгуру. И мне известно, где будут между полночью и рассветом похитители его труп.

— Тогда, наверное, ты знаешь, в каком месте они опустятся на Уровень Четыре.

— Нет. Нам только известно, где вход под землю с Олвер-стрит, куда будто бы должен въехать грузовик с телом Макшерри. Здесь-то я и хочу их выследить.

— А я выяснила, что грузовик отвезет останки сенатора Макшерри к складу салона-ресторана «Хэл Букмейкер» на Уровне Четыре, — сказала темноволосая агентесса. — Отсюда тело будет каким-то образом переправлено глубже под землю. На один из не значащихся на карте нелегально возникших уровней, о которых говорил сегодня утром инспектор Кнерр.

— А что говорит по этому поводу Линн Лиэрманн?

— Я не обязана обо всем докладывать ему, — сказала Анжелика. — В Службе Национальной Безопасности агентам доверяют больше, чем у вас.

— Я думал, нам всем приказано вооружиться терпением и положиться на разработанный Линном план полицейского надзора.

— К черту терпение. Хочешь, вместе займемся поисками лаборатории Дремы?

— Конечно, хочу.

Анжелика покусывала сустав большого пальца.

— О'кэй. Для большей верности ты можешь воспользоваться своим замыслом. Установи слежку за грузовиком с того момента, как он начнет спускаться под землю. Я же направлюсь прямо к «Хэлу Букмейкеру» и буду ждать вас там. — Она покосилась на культагрегат. — А часы сзади автомата тоже останавливаются, когда его выключают?

— Нет, они самоуправляемые.

— Тогда у нас с тобой еще два часа.

Она глянула ему в глаза и снова улыбнулась.

Робот-мексиканец с криком «Merdel!» опрокинулся навзничь.

— Ну и времечко они выбрали для мятежа, — заметил Кэнгуру.

— Это скорей марш протеста, а не мятеж, — возразил Конджер. Они со шпиончиком стояли в одном из переулков у Олвер-стрит.

По синтетической Мексикан-стрит расхаживало сотни две молодых людей, размахивая триоптическими лозунгами и прокручивая механические политические воззвания.

— Вон отец Уильям Францис Нолан, — показал Кэнгуру.

— Где?

— Ай, он упал с плеч, и на него наехал цианоид-полисмен. — Кэнгуру сочувственно поморщился. — Его называют Мятежным Священником.

— Он имеет какое-то отношение к Дреме?

— Нет, но...

— Тогда я не желаю забивать им свой мозг.

— Верните истинных чиканос! — воскликнул отец Нолан, как только с его горла съехал ботинок-трактор цианоида.

— Закрыть лагеря для перемещенных лиц!

— Долой механических мексиканцев!

Конджер внимательно оглядел улицу.

— Грузовику трудно будет проехать.

— Не будет же мятеж длиться вечно? — сказал Кэнгуру.

Облокотившись о псевдоглинобитную стену, Конджер спросил:

— Почему Йоркцез упрятал в тюрьму всех мексиканцев?

— Насколько я понимаю, он боялся нападения Мексики на Южную Калифорнию, — сказал Кэнгуру. — Сначала он отобрал у них все радио и телеагрегаты, чтоб они не могли поддерживать связь с потенциальными захватчиками с юга. Однако этого ему показалось мало, и он выстроил в Долине Смерти лагерь. Ходят слухи, будто ему принадлежат 60 процентов акций строительной компании.

— В той люльке Роуланд Галл! — воскликнул Конджер, глядя вверх.

С полуночного неба с жужжанием спускался муниципальный хоппер, выращенный в ярко-синий с золотыми ободками цвет. В раскачивающейся люльке стоял пресс-секретарь Неистового Губернатора Йоркцеца.

— Юноши и девушки, — обратился он через синий с золотом ревун к демонстрантам. — Юноши и девушки, я был бы очень признателен, если бы вы уделили мне внимание. Меня зовут Роуланд Галл. Я состою на службе у губернатора Йоркцеца.

— Проваливай отсюда!

— Мотай к чертям!

— Немедленно закрыть лагерь для перемещенных!

— Юноши и девушки, губернатор просил меня зачитать коротенькое обращение, касающееся мексикано-американской ситуации, — продолжал Галл, раскачиваясь в хрупкой скорлупке. — Вот оно. «Мои соотечественники-калифорнийцы, добрый день...» Ага, давайте изменим на «добрый вечер». Итак, «мои соотечественники-калифорнийцы, добрый вечер. Ваш губернатор обращается к вам от всего сердца. Прежде всего позвольте заверить вас, что ни один человек не понесет ответственности за этот небольшой инцидент, никто из вас не будет наказан. Ведь великий...»

— Наденьте вот это, — велел Конджер Кэнгуру. Из ранца сбоку он достал два легких противогаза. Когда белокурый шпиончик застегнул свою маску, Конджер потащил его за собой по боковой улице. — Полицейские возле круглосуточной закуской открывают баллоны с дурманящим газом.

— Ваш парящий в воздухе друг снова собирается изменить свое обращение.

На Олвера-стрит зашипели мортиры, источая дурманящий газ.

Кэнгуру зевнул, почесывая свою белокурую головку.

— Почти два часа ночи, — заметил он.

Они снова были на Олвера-стрит. Все молодые нарушители порядка вместе с отцом Ноланом больше часа тому назад были погружены в полицейские фургоны, которые всех свезли в уча-

сток. Снова заработали круглосуточные закусочные, по тротуарам засновали роботы-мексиканцы с гитарами, которые предлагали сувениры. По улице шатались туристы.

— Еще один грузовик, — отметил Конджер.

— Это они, сеньор, — покосившись в ту сторону, сказал Кэнгуру. — Темно-бордовый лэндтрак со свежей надписью «Гибсонс Хобби Хаус» на боку.

Конджер воспользовался своим лосьоном.

— Я вскарабкаюсь на подножку, когда они будут въезжать в тот склад.

— Согласно моим источникам в этом складе имеется скрытый трап, который ведет под землю. Я немного подожду здесь, потом направлюсь на Уровень Четыре другой... В чем дело?

— Наконец. — Конджер весь взмок. Он постепенно становился невидим. — С тех пор как Верзила Мак с Тингом вкачали мне те уколы, мне стало гораздо трудней становиться невидимым и наоборот.

— Когда мы схватим этого Дрему, советую взять отпуск и заняться физиотерапией, — посоветовал шпиончик. — Хотя большинство врачей и не знает, как проводить настоящий...

Конджер вышел из переулочка. Из такотирии на углу высочили два толстых подростка, облизывая на ходу подливку со своих пухлых пальцев. Конджер отпрянул в сторону, чтоб не столкнуться с ними.

Никем не видимый, он бегом догнал выкрашенный свежей краской цвета спелого винограда лэндтрак, когда тот въезжал в побеленный кирпичный склад в дальнем конце Олвера-стрит.

У задних дверей грузовика была лестница. Конджер вскочил на нее и уцепился за ручку двери.

Лэндтрак медленно катился по почти пустому складу. Когда входные ворота сомкнулись, в стене поднялась целая секция, образуя широкий проем.

Грузовик с Конджером на подножке въехал в темноту, а оттуда стал проваливаться вниз.

Выложенные кафелем стены туннеля были доверху забрызганы коричневой грязью. По мере того как грузовик приближался к Уровню Четыре, подземная магистраль становилась все пустынней. Кое-где на стенах красовались вычурные кустарные росписи. Под нарисованной блестящей краской картиной, изображающей в аллегорической форме историю Калифорнии, спал старый нищий с разбитой физиономией. Он растянулся прямо на изрытой колеями дороге. На выщербленных плитах тротуара лежали оборванные бродяги, одни спали, другие пили пиво из пластиковых бутылок, третьи пытались совокупляться.

На этой глубине система освещения пришла, можно сказать, в полную негодность. В некоторых местах с потолка свисали гирлянды спутанных проводов. Кое-где тускло мерцали вспышки замыкания. Когда лэндтрак, на котором ехал невидимый Конджер, заворачивал, фары выхватывали из мрака тусклые стены туннеля. Чем дальше, тем моложе попадались бродяги, почти никто из них не спал. Они провожали глазами грузовик, даже не щурясь от внезапного света,

Наконец лэндтрак с телом государственного сенатора Макшерри выехал на залитую светом улицу Уровня Четыре.

Здесь дорога была побита еще сильнее. Низкие строения светились огнями и вспыхивали рекламами. Отовсюду гремела музыка — казалось, звучат все шлягеры двух последних столетий. Мелодии неслись из широко распахнутых дверей, из громкоговорителей, парящих над клубами и бистро.

Свежевыкрашенный грузовик с Конджером на подножке проехал десять кварталов по подземному городу и свернул вправо. На этой новой улице воздух был душный и влажный. По обе стороны сплошной стеной тянулись публичные дома, предлагающие женщин и андрондов. «ОТРЕГУЛИРОВАННЫЕ ПРОСТИТУТКИ-РОБОТЫ. ВСЕГО 5 ДОЛЛАРОВ ЗА 15 МИНУТ! БЫВШИЕ МОНАШКИ ПО СНОСНОЙ ЦЕНЕ! ЦИАНОИДЫ! УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ГАРАНТИРУЕМ». На улицах Конджер заметил туристов. Бродяги, сидящие в канавах, были одеты чуть лучше.

Грузовик двигался все дальше. Поредели ряды борделей, уступая место салонам, где заключаются пари, манежам с ослиными и собачьими бегами.

Наконец показался «Хэл Букмекер». «ЗАКЛЮЧАЙТЕ ПАРИ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ! ДЛЯ ДАМ ОТДЕЛЬНЫЕ КАБИНЫ!» Лэндтрак обогнул здание и свернул на дорогу, ведущую к складу сзади.

Там грузовик уже поджидал Верзила Мак. Он сидел на ящике консервированных взфлбургеров, держа в правой руке новый лазерный револьвер. Левой рукой он сделал грузовику знак остановиться.

— Долго вы ехали, олухи, — сказал он, когда водитель заглушил мотор.

— Пришлось подождать, пока закончится восстание, Мак. Там сверху ребята разбушевались, — пояснил Джерри Тинг, выпрыгивая из кабины. — Верно, Вик?

Из кабины донесся бас:

— Это конечно...

— Хватит чесать языком, подонок, — оборвал его громадный агент ССА. — Давайте перенесем труп в машину, чтоб я мог доставить его к месту назначения.

— Да мы еще задержались потому, что Вик заупрямился и отказался засунуть тело этого парня в плиомешок, — сказал Тинг.

— Я голосовал за этого типа на двух выборах, — сказал Вик, не вылезая из кабины. — Мне кажется, я знал его лично. Конджер бесшумно соскочил с лесенки на пол.

— Спускай-ка сюда свой зад, скотина! — приказал Верзила Мак.

— В остальном все прошло гладко. — Тинг приблизился к задней части грузовика, влез на ступеньки и открыл дверцы. — Ни один из полицейских или агентов СНБ, которые ведут наблюдение за Ультраморгом Лесная Лужайка № 3, не догадались о нашем присутствии. Прекрасная штука, эти дурманящие пары Дремы!

Вик, рыжий здоровяк лет тридцати, неохотно влез вслед за Тингом в кузов,

— Там очень красиво, в этом морге, и на кладбище тоже...— сказал он. — Там есть фонтан, который играет национальный государственный гимн и еще гимн штата, а также точная копия «Тайной вечери», сделанная целиком из...

— Если не поторопишься, гнида, то сам туда попадешь, — пообещал Верзила Мак, размахивая лазерным револьвером.

— Я ведь говорил тебе, Вик, что он упадет на пол, если его не обмотать пледом.

— Послушай, Джерри, твои приятели вечно меня ругают. Да что изменится от того, если он шмякнется со стола на пол? Ведь он все равно мертвый.

Конджер обследовал склад. Около широких ворот, в которые они въехали, стоял компактный черный лэндкар. Должно быть, это та самая машина, на которой Верзила Мак повезет тело Макшерри к Дреме.

Вдоль золотисто-коричневых стен высились штабеля коробок с консервированными сэндвичами и холодными закусками. Возле входа в салон стояло штук двенадцать разбитых автоматов-букмекеров.

Он различил едва слышный скрип. За картонными ящиками спряталась Анжелика. Зная, что она его видит, Конджер приложил палец к губам и отошел к грузовику.

— А он, что называется, тучный. — Вик задом спускался с лестницы, держа за ноги мешок с телом государственного сенатора. — Ой, караул! — Рыжий великан поскользнулся на подножке и грохнулся на пол, выпустив из рук ноги Макшерри. Тинг вместе с мешком рухнул вниз.

Верзила Мак стукнул Вика левой рукой.

— Недоносок, — обозвал он. Наклонился и поднял мешок с телом. — Убирайтесь с дороги. Я сам перенесу святые мощи.

Конджер приблизился к лэндкару.

Верзила Мак вдруг остановился, заморгал глазами и швырнул труп в сторону.

— Опять ты!

Он прицелился прямо в Конджера.

— Да это же человек-невидимка, — сказал Тинг.

Конджер шмыгнул за картонные ящики. Он снова потерял контроль над своим телом.

Револьвер Верзилы Мака выплюнул струю пламени, и ящик с бисквитами над головой у Конджера подпрыгнул и загорелся.

— Ну-ка выходи и сдавайся, кретин.

— Верзила Мак, бросай оружие, — раздался голос Анжелики. Конджер не видел ее из своего укрытия.

— Каких только шпионов мы сегодня не встречали!

— Бросай оружие на пол! — приказала Анжелика. — И ты, Джерри, тоже, иначе... ооо!

Снова сработал бластер Верзилы Мака.

— Душка, если не смотришь под ноги, сиди-ка себе лучше дома.

— Зачем ты это сделал, Мак? — послышался голос Тинга. — Ты ее убил.

— Ну, довольно глупостей, — сказал Верзила Мак. — Поехали.

Заработал мотор лэндкара.

Растворились ворота на улицу.

Тинг с Виком подхватили тело государственного сенатора Макшерри и отнесли его к машине.

Из своей засады Конджер услышал, что машина тронулась. Ссутулившись, он стоял в полумраке, сияясь проглотить застрявший в горле комок.

— Deus! — раздался голос Кэнгуру.

Набрав ртом воздух, Конджер вышел из укрытия. Остановился в трех футах от Анжелики. На колени опускаться не стал и даже не попытался к ней прикоснуться.

Хрупкая темноволосая девушка лежала на спине, неловко подогнув колени. Чуть повыше левой груди зияла маленькая, размером с десятипенсовик, темная дырочка.

Конджер почувствовал, как стучат его зубы. Он постарался взять себя в руки.

— Вы не знаете, куда они поехали?

— Нет, сеньор, — ответил белокурый шпиончик. — Я и раньше предполагал, что где-то здесь есть вход в логовище этого Дремы... Ха! — Он наклонился. Возле Анжелики валялся ее бластер и маленькая черная металлическая коробочка. — Монитор. Наверное, она поставила в машину жучки. Я знал, что она прибыла сюда гораздо раньше Верзилы Мака. — Он протянул коробочку Конджеру.

Поколебавшись, Конджер взял ее. Она слегка пахла духами темноволосой девушки. Снова сияясь проглотить застрявший в горле ком, он сказал:

— Останьтесь здесь, Кэнгуру. Следите, чтоб к ней никто не притрагивался. Я вернусь.

— А вы уверены, что в состоянии продолжать работу? — поинтересовался шпиончик.

— Да, уверен, — кивнул Конджер. — Взгляните-ка на меня. Вы меня видите?

— Sim. Да.

Конджер стиснул кулаки и снова сосредоточился на трансформации в невидимость.

— А теперь?

— Я еще вижу вас, хотя теперь вы кажетесь не таким реальным.

— А сейчас?

— Muito beni, — сказал Кэнгуру. — Сейчас вы совершенно невидимы. Я даже не вижу монитора, который был в ваших руках.

— Если б только я не потерял над собой контроля! — вздохнул Конджер. — Проклятье.

Он взглянул на мертвую девушку и вышел вон.

Послушный пощелкиваниям монитора, Конджер-невидимка пробирался на окраину Уровня Четыре. Сияние огней, рев музыки — все это осталось позади. Здесь темнели недостроенные здания, петляли только что вырытые туннели, высились запыленные груды блоков. Потолок туннеля был обшит неотесанными балками. Колонны, подпиравшие свод, сплошь покрылись оранжевыми налетами ржавчины. Со стен незаселенных строений свисали рыхлые комья плесени.

Повсюду рыскали тощие собаки, обнюхивая бродяг, которые спали на недостроенных тротуарах. На самом краю последнего тротуара устроились двое мужчин. Они по очереди потягивали из бутылки белое вино и громко смеялись. У того, кто смеялся громче, не было носа.

Конджер прошел мимо них, двигаясь по следу лэндкара Верзилы Мака.

Дальше начиналось грязное поле. Повсюду горели костры из строительных лесов и картонных коробок. У одного костра, тускло светившегося бледно-желтым пламенем, сидело на корточках несколько стариков. Около другого, чуть поодаль, устроились чумазные молодые ребята и девушки. Откуда-то из темноты, обступившей этот костер, послышался крик молоденькой девушки:

— Господи, не дай им это сделать! Прошу тебя!

Невидимка-Конджер продолжал свой путь.

Наконец он приблизился к огромной, величиной с дом, куче обломков лэндкаров. На толстой крышке из вечной резины сидел бродяга и грел руки над маленькой спиртовкой. Когда он пошевелился, из-под его оборванного жакета блеснуло дуло бластера.

Конджер приставил к грязной шее бродяги жучок-правдокопатель. Монитор указывал, что в этом месте под землю опустился лэндкар Верзилы Мака.

— Слушаю тебя, дружище, — сказал так называемый бродяга, когда его пронял жучок. — Чем могу быть полезен?

— Я хочу спуститься вниз.

— Мне велено пропускать лишь санкционированный персонал, — объяснил одурманенный страж. — Всех остальных я посылаю к черту. Подонков, которые обитают поблизости, удерживать не стоит труда. Более настырных я отправляю на тот свет. — Он похлопал своей грязной ручищей по бластеру. — Если же появятся блюстители порядка, что они, слава богу, делать не осмеливаются, я должен нажать на сигнал тревоги. — Носком своего выдавшего виды ботинка он указал в сторону едва заметной серебряной кнопки.

— Дело поставлено хоть куда, — заметил Конджер. — А как можно открыть этот люк, не поднимая тревоги?

— Проще простого. Переключи рубильник за вон той изгородью из синих колокольчиков. А сначала нужно нажать всеми пальцами на вот это углубление под обломками от трактора. Вот здесь.

Конджер схватил бродягу за шиворот и потащил его к трактору.

— Сам вставляй пальцы. Туда, куда нужно.

Страж просунул руку под обломки железа.

— Рад быть полезным. Могу еще чем-нибудь служить? Может, выпьете чашечку трущобного гульона? Я как раз собирался сварить...

Конджер бросил его у изгороди, под которой был рубильник. Страж погрузился в сон. Конджер отыскал рубильник, переключил рычаг.

Груда искореженного металла испустила скрежет. Оттуда стала подниматься стена из шести сплюснутых вместе машин. Открылись дверцы. Вниз вел широкий трап.

Когда Конджер ступил на трап, металлический хлам плотно сомкнулся над его головой.

Здесь все сияло чистотой. Бледно-зеленые стены, освещенные мягким светом коридорные настилы. Здесь было прохладно, слегка пахло мылом.

На настиле четко отпечатались следы лэндкара Верзила Мака — светло-коричневые полосы грязи на безукоризненно чистом полу.

У следующего поворота на стуле из настоящего дерева сидел охранник в комбинезоне под цвет стен. Конджера он не заметил.

Черный лэндкар Верзила Мака стоял чуть дальше, в нише. За нишей начинался холл зеленого цвета, который разветвлялся на три коридора.

Из среднего коридора доносились голоса и сильный запах антисептика. Конджер направился по этому маршруту.

Сразу же налево была огромная операционная с прозрачными с обеих сторон стенами. На белом столе под висячими лампами лежало тело государственного сенатора Макшерри. Его раздели, и над ним уже орудовала с кислородным шлангом китаянка в белом джемпере. Возле стола стояло двое мужчин. Ни один из них не подходил под описание Дремы.

В дальнем конце операционной открылась дверь, и оттуда вышел Верзила Мак.

— И ни цента больше, — бросил он кому-то сзади. — Китай II уже сам на пороге решения проблемы воскрешения, док.

Из комнаты раздался смех.

Конджеру он был знаком. Он подождал, пока Верзила Мак не уйдет с дороги, и вошел в эту дверь.

— Что-нибудь еще, мой мальчик?

Конджер направил на говорящего свой бластер, стал видимым и произнес:

— Привет, Винс.

Винсент Экс Уорт, бывший научный сотрудник Секции Самобытных Дарований, улыбнулся ему, не поднимаясь с кресла медного цвета. Он отрастил длинные усы, его кожа посмуглела. Это был долговязый худой мужчина в темном костюме-двойке.

— Привет, Джейк.

— Сукин сын, а я-то посылал цветы на твою заупокойную службу, — сказал Конджер.

— Присаживайся, мой мальчик, — предложил Уорт. — Я расскажу тебе кое-что о своей профессии воскресителя. Не со многими людьми тянет на умную беседу. — Он все улыбался. — Ты один из тех немногих, кому я мог поверять свои сокровенные мысли во время службы в ССД.

— Не очень-то ты доверил мне свой замысел разыграть смерть с тем, чтобы начать орудовать под именем Дремы.

— Да, мой мальчик, ты прав. — Уорт потянулся костлявой рукой к низенькому столику сбоку.

— Руки на колени.

— Я только хотел взять пузырек с таблетками из плодов

шиповника, Джейк. Понимаешь? — Он взял со стола сосуд. — Ты это пробовал? Я каждый день принимаю по двенадцать штук, и они...

— Ты и есть Дрема?

— Конечно же, мой мальчик, — кивнул Уорт, принимая три таблетки.

— Я подумал, что и ты можешь оказаться подсадной уткой вроде Томаса Энсти-Гэтри.

— Не очень-то правдоподобно. Я исчез, разыграв несчастный случай, потому что не хотел работать ни под чьим началом. Присаживайся, пожалуйста, мой мальчик. Мы с тобой не беседовали с тех самых пор... с каких пор?

— С тех пор как ты умер.

Уорт рассмеялся.

— Джейк, представь себе, что я поделился с тобой своими планами. Ты слишком честен и откровенен, чтоб держать их в тайне. Ты обо всем доложил бы Джиэру, а тот, в свою очередь, Синковеку, Тиефенбачеру или какому-нибудь другому шуту, перед которым обязан отчитываться. В итоге об этом бы узнал сам президент Соединенных Штатов. И мое достижение только приумножило бы арсенал богатств Соединенных Штатов Америки. Всю свою жизнь я бы провел, воскрешая убежденных в своей избранности сенаторов, и время от времени, чтоб избежать нападок, мне бы подкидывали одного-двух лауреатов Пулитцеровской премии.

— Ты мог бы заняться этим в широком масштабе?

— Ты хочешь сказать, мог бы я продлевать жизнь всего человечества до бесконечности? — Уорт разжевал еще несколько таблеток из плодов шиповника. — Маловероятно, мой мальчик. Все это слишком дорого обходится. Вот почему я решил иметь дело с клиентами типа Китая II. Они куда щедрее Соединенных Штатов. К тому же, Джейк, для большинства фиговаров одной жизни больше чем достаточно. Знаешь, а ведь я пришел к своему открытию, работая над проблемой сокращения населения земного шара.

Не опуская своего бластера, Конджер сел на кресло и придвинулся вместе с ним спиной к двери.

— Разумеется, до этого я больше года возился с криптобиозом, — продолжал Уорт, — решив, что смогу применить его для консервирования агентов ССД, когда они не заняты делом. Тебе знакомо понятие «криптобиоз» — это состояние, близкое к смерти, в которое впадают некоторые примитивные организмы, такие, например, как тихоходка. Это в некотором смысле временная приостановка процессов жизнедеятельности. Над ним еще в XVII столетии потел ван Левенхук. Однако ему помешало то, что в ту пору еще не были открыты простагландины. Понимаешь, Джейк, все простагландины являются в основном производными 20-углеводной карбоксилловой жировой кислоты, вступившей в реакцию с пятисоставным циклопентаном... Но ты, вероятно, всего этого не представляешь. Ты должен запомнить лишь одно, мой мальчик, что я, работая во второсортной Лаборатории Секции Самобытных Дарований, в одиночку изобрел способ воскрешения мертвых.

— Огромное достижение, — заметил Конджер. — И ты ис-

пользовал его самым превосходным образом. Я столкнулся кое с кем из тех, кого ты поднял из мертвых.

— Почти все они — настоящие фигляры, верно? — усмехнулся тощий Уорт. — Однако у меня создалось благоприятное впечатление о... как его звали? Ага, о старике Аво Энцерто из Урбании. Я был восхищен его сообразительностью.

— Энцерто снова нет в живых.

— Да? Я этого не знал. Вероятно, его снова убили, потому что мой процесс никогда не подводит. Не то что трансплантация мозга, которая была в моде десять лет назад. Выжило всего около 25 процентов тех бедных мучеников,

— Его уничтожил Верзила Мак.

— Жестокая скотина. Он только что был здесь, стараясь уговорить меня воскресить сенатора за 250 тысяч долларов. Я же ему ответил, что, если он хочет, чтоб сенатор ожил и занялся своей прежней деятельностью, пусть выкладывает 350 тысяч долларов. В действительности мне кажется, что Англо-Россия согласна за такую работу отвалить 400 тысяч долларов. Ты только подумай, Джейк. Помнишь, мой мальчик, сколько я зарабатывал в ССД? Я уже произвел двадцать одно воскрешение. Умножь 21...

— Мне назвали меньшую цифру.

— Поскольку я, Джейк, не выпускаю регулярных бюллетеней Дремы, тебе практически невозможно получить точную информацию.

— Как бы там ни было, а я отыскал тебя, Винс, — сказал Конджер. — А теперь мы поднимемся с тобой в Большой Лос-Анджелес.

Откусив кусочек от таблетки, которую он держал двумя пальцами, Уорт покачал головой:

— Нет, Джейк.

— Ты не думай, что я не решусь выстрелить, если твои люди что-то затеют.

— Я этого и не думаю, — сказал Уорт. — Мак рассказал мне о том, что случилось наверху, Джейк. Я понимаю, каково тебе сейчас.

— Что ж, прекрасно. Пойдем.

— погоди, мой мальчик, — сказал Уорт. — Ты меня отпустишь. Ты не захочешь выдавать Дрему властям.

— Почему?

— Потому что если ты, мой мальчик, меня отпустишь, я воскрешу твою девушку.

Конджер бежал трусцой по желтой полоске песка. Он находился в Северной Калифорнии в нескольких милях от столицы штата Сан-Франциско. Слева от него лениво плескался Тихий океан. Он засунул руку в карман своего пляжного комплекта-двойки и достал пузырек пилуль из бурых водорослей.

От плавучего коттеджа, снятого Конджером напрокат, заковылял в его сторону робот.

— Вызов для мистера Конджера, вызов для мистера Конджера.

Конджер замедлил свой бег, поджидая робота. В лазурном небе кружили морские чайки.

— Междугородный из Манхэттена, — сказал робот, поравнявшись с Конджером. — Чрезвычайно важно.

Конджер взглянул на фонический экран, вделанный в грудь робота.

— Доброе утро, — сказал он.

— Здесь уже за полдень, — ответил Джиэр. — Поэтому я стараюсь проглотить на ходу лэнч, а сам все распутываю это проклятое дело Дремы. — В одной руке босс держал сдобный сандвич из сосиски с шоколадом. — Боюсь, теперешним властям не совсем ясен твой последний рапорт, Джейк. Когда я говорю о теперешних властях, я имею в виду Люпоффа и Томпсона, которые окончательно сменили Синковека с Тиефенбачером в верхах нашей почтенной организации. Добавлю от себя, пока ты устаиваешь меня хоть каким-то вниманием, что я сам не до конца понимаю...

Конджер пнул робота в пах. Механизм перевернулся и брякнулся в набежавший прибор.

Анжелика улыбалась, когда он вошел на палубу плавучего коттеджа. На ней были темные брюки и блузка под самое горло, которая прикрывала маленький шрам над левой грудью.

— Отрабатываешь свои десять миль?

— Двенадцать, — уточнил Конджер. Он взял с перил мохнато полотенец и стал вытирать им лицо и шею.

— Несколько минут назад здесь был хозяин недвижимости, — сказала темноволосая красавица. — С жалобой.

— По поводу робота?

Конджер уселся рядом с ней на гладкой палубе.

— Вот именно. Говорит, нашел его на пляже полчаса назад, всего в песке и соленой воде, — сказала Анжелика. — Когда он его перевернул, какой-то мрачный толстяк с экрана обозвал его подонком. Это был Джиэр?

— Ага.

— Он расстроен?

— Да, если судить по той небольшой беседе, которая состоялась между нами.

— Как ты думаешь, каков теперь твой статус в Секции Самобытных Дарований? — спросила она. — После того как ты позволил уйти Дреме?

Конджер улыбнулся.

— Полагаю, меня там причислили к рангу подонков, — сказал он. — Возможно, даже уволили. И занесли в черный список.

— И это тебя не тревожит?

— Нет.

— Мне казалось иначе.

— В настоящее время я занят разрешением проблемы поисков нового места в жизни.

Анжелика улыбнулась, коснулась своей теплой тонкой рукой его плеча.

— Я рада, что Дреме удалось подбить тебя на это.

— Я бы сам к этому пришел, — возразил Конджер. — Без чьих бы то ни было уговоров.

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА

Любовь ЛУКИНА
Евгений ЛУКИН

ОТДАЙ МОЮ ПОСАДОЧНУЮ НОГУ!

РАССКАЗ

И утопленник стучится
Под окном и у ворот.
А. С. Пушкин

Алеха Черепанов вышел к поселку со стороны водохранилища. Под обутыми в целлофановые пакеты валенками похлопывал губчатый мартовский снег. Сзади остался заветный заливичик, издырявленный, как шумовка, а на дне рюкзака лежали — стыдно признаться — три окунька да пяток красноперок. Был еще зобанчик, но его утащила ворона.

Дом Петра стоял на отшибе, отрезанный от поселка глубоким оврагом, через который переброшен был горбыльно-веревочный мосток с проволочными перилами. Если Петро, не дай бог, окажется трезвым, то хочешь не хочешь, а придется по этому мостку перебираться на ту сторону и чапать аж до самой станции. В темноте.

Леха задержался у калитки и, сняв с плеча ледобур — отмахаться в случае чего от хозяйского Уркуна, — взялся за ржавое кольцо. Повернул со скрипом. Хриплого заполосного лая, как ни странно, не последовало, и, озадаченно пробормотав: «Сдох, что ли, наконец?..» — Леха вошел во двор.

Художник Геннадий ФИЛАТОВ

Сделал несколько шагов и остановился. У пустой конуры на грязном снегу лежал обрывок цепи. В хлеву не было слышно шумных вздохов жующей Зорьки. И только на черных ребрах раздетой на зиму теплицы шуршали белесые клочья полиэтилена.

Смеркалось. В домишках за оврагом уже начинали вспыхивать окна. Алексей поднялся на крыльцо и, не обнаружив всячего замка, толкнул дверь. Заперто. Что это так рано?..

— Хозяева! Гостей принимаете?

Тишина.

Постучал, погремел щеколдой, прислушался. Такое впечатление, что в сениях кто-то был. Дышал.

— Петро, ты, что ли?

За дверью перестали дышать. Потом хрипло осведомились:

— Кто?

— Да я это, я! Леха! Своих не узнаешь?

— Леха... — недовольно повторили за дверью. — Знаем мы таких Лех... А ну заругайся!

— Чего? — не понял тот,

— Заругайся, говорю!

— Да иди ты!.. — рассвирепев, заорал Алексей. — Котелок ты клепаный! К нему как к человеку пришли, а он!..

Леха плюнул, вскинул на плечо ледобур и хотел уже было сбежать с крыльца, как вдруг за дверью загремел засов и голос Петра проговорил торопливо:

— Слышь... Я сейчас дверь приотворю, а ты давай входи, только по-быстрому...

Дверь действительно приоткрылась, из щели высунулась рука и, ухватив Алексея за плечо, втащила в отдающую перегаром темноту. Снова загремел засов.

— Чего это ты? — пораженно спросил Леха. — Запил — и ворота запер?.. А баба где?

— Баба?.. — В темноте посопели. — На хутор ушла... К матери...

— А... — понимающе протянул мало что понявший Леха. — А я вот мимо шел — дай, думаю, зайду... Веришь, за пять лет вторая рыбалка такая... Ну не берет ни на что, и все тут...

— Ночевать хочешь? — сообразительный в любом состоянии, спросил Петро.

— Да как... — Леха смутился. — Вижу: к поезду не успеваю, а на станции утра ждать — тоже, сам понимаешь...

— Ну заходи... — как-то не по-доброму радостно разрешил Петро и, хрустнув в темноте ревматическими суставами, плоско-стопно протопал в хату. Леха двинулся за ним и тут же лобызнулся с косяком — аж зубы лязгнули,

— Да что ж у тебя так темно-то?!

Действительно, в доме вместо полагающихся вечерних сумерек стояла все та же кромешная чернота, что и в сениях.

— Сейчас-сейчас... — бормотал где-то неподалеку Петро. — Свечку запалим, посветлей будет...

— Провода оборвало? — поинтересовался Леха, скидывая наугад рюкзак и ледобур. — Так вроде ветра не было...

Вместо ответа Петро чиркнул спичкой и затеплил свечу. Масляно-желтый огонек задышал, подрос и явил хозяина хаты во всей его красе. Коренастый угрюмый Петро и при дневном-то

освещении выглядел диковато, а уж теперь, при свечке, он и вовсе напоминал небритого и озабоченного упыря.

Леха стянул мокрую шапку и огляделся. Разгром в хате был ужасающий. Окно завешано байковым одеялом, в углу — толстая, как виселица, рукоять знаменитого черпака, которым Петро всю зиму греб мотыль на продажу. Видимо, баба ушла на хутор к матери не сегодня и не вчера...

Размотав бечевки, Леха снял с валенок целлофановые пакеты, а сами валенки определил вместе с шапкой к печке — сушиться. Туда же отправил и ватник. Хозяин тем временем слазил под стол и извлек оттуда две трехлитровые банки: одну — с огурцами, другую — известно с чем. Та, что известно с чем, была уже опорожнена на четверть.

— Спятил? — сказал Леха. — Куда столько? Стаканчик приму для сугреву — и все, и прилягу...

— Приляжь-приляжь... — ухмыляясь, бормотал Петро. — Где приляжешь, там и вскочишь... А то что ж я: все один да один...

«Горячка у него, что ли?» — с неудовольствием подумал Леха и, подхватив с пола рюкзак, отнес в сени, на холод. Возвращаясь, машинально щелкнул выключателем.

Вспыхнуло электричество.

— Потуши! — испуганно закричал Петро. Белки его дико выкаченных глаз были подернуты кровавыми прожилками.

Леха опешил и выключил, спорить не стал. Какая ему в конце концов разница! Ночевать пустили — и ладно...

— Ишь, раздухарился... — бормотал Петро, наполняя всклень два крупных граненых стаканчика. — Светом щелкает...

Решив ничему больше не удивляться, Алексей подсел к столу и выловил ложкой огурец.

— Давай, Леха, — с неожиданным надрывом сказал хозяин. Глаза — неподвижные, в зрачках — по свечке. — Дерябнем для храбрости...

Почему для храбрости, Леха не уразумел. Дерябнули. Первач был убойной силы. Пока Алексей давился огурцом, Петро успел разлить по второй. В ответ на протестующее мычание гостя сказал, насупившись:

— Ничего-ничего... Сейчас сало принесу...

Привстал с табуретки и снова сел, хрустнув суставами особенно громко.

— Идет... — плачуще проговорил он. — Ну точно — идет... углядел-таки... Надо тебе было включать!..

— Кто?

Петро не ответил — слушал, что происходит снаружи.

— На крыльцо подымается... — сообщил он хриплым шепотом, и в этот миг в сенях осторожно стукнула щеколда.

— Открыть?

Петро вздрогнул. Мерцающая дробинка пота сорвалась струйкой по виску и увязла в щетине.

— Я те открою!.. — придушенно пригрозил он.

Кто-то потоптался на крыльце, еще раз потрогал щеколду, потом сошел вниз и сделал несколько шагов по подмерзшему к ночи снегу. Остановился у завешанного одеялом окна.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — раздался откуда-то из-под земли низкий с подвыванием голос,

Леха подскочил, свалил стаканчик, едва не опрокинул свечку.
— Что это?!

Петро молчал, бессмысленно уставясь на растекшуюся по клеенке жидкость. Губы его беззвучно шевелились.

— Чего льешь-то... — мрачно выговорил он наконец. — Добро переводишь...

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — еще жутче провыло из печи.

Леха слетел с табурета и схватил ледобур.

— Да сиди ты... — буркнул Петро, снова снимая пластмасовую крышку с трехлитровой банки. — Ничего он нам не сделает... Прав не имеет, понял?.. Так, попугает чуток...

Ничего не понимающий Леха вернулся было к столу и тут же шархнулся вновь, потому что одеяло на окне всколыхнулось.

— Сейчас сбросит... — с содроганием предупредил Петро. Лехин стаканчик он наполнил, однако, не пролив ни капли.

Серое байковое одеяло с треугольными подпалинами от утюга вздувалось, ходило ходуном и наконец сорвалось, повисло на одном гвозде. Лунный свет отчеркнул вертикальные части рамы. Двор за окном лежал, наполовину утопленный в густую тень, из которой торчал остов теплицы с шевелящимися обрывками полиэтилена.

Затем с той стороны над подоконником всплыла треугольная зеленоватая голова на тонкой шее. Алексей ахнул. Выпуклые, как мыльные пузыри, глаза мерцали холодным лунным светом. Две лягушачьи лапы бесшумно зашарили по стеклу.

— Кто это? — выпершил Леха, заслоняясь от видения ледобуром.

— Кто-кто... — недовольно сказал Петро. — Инопланетян!..

— Кто-о?!

— Инопланетян, — повторил Петро еще суровее. — Газет, что ли, не читаешь?

— Слушай, а чего ему надо? — еле выговорил насмерть перепуганный Леха.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — простонало уже где-то на чердаке.

Петра передернуло.

— Под покойника, сволочь, работает, — пожаловался он. — Знает, чем достать... Я ж их, покойников, с детства боюсь, — взболтнул щетинистыми щеками и повернулся к Лехе. — Да ты садись, чего стоять-то?.. Брось ледобур! Брось, говорю... Я вон тоже сначала с дрыном сидел... — И Петро кивнул на рукоятку черпака в углу.

Во дворе трепыхались посеребренные луной обрывки полиэтилена. Инопланетянина видно не было. Леха бочком подобрался к табуретке и присел, прислонив ледобур к столу. Оглушил залпом стаканчик и, вздрогнув, оглянулся на окно.

— Ты, главное, не бойся, — сипло поучал Петро. — В дом он не войдет, не положено... Я это уже на третий день понял...

— Отдай! — внятно и почти без подвывания потребовал голос.

— Не брал я твою ногу! — заорал Петро в потолок. — Вот

привязался, лупоглазый!.. — в сердцах сказал он Лехе. — Уперся, как баран рогом: отдай да отдай...

— А что за нога-то? — шепотом спросил Леха.

— Да подпорку у него кто-то с летающей тарелки свинтил,— нехотя пояснил Петро. — А я как раз мимо проходил — так он, видать, на меня подумал...

— Отдай-й-й!.. — задребезжало в стеклах.

— Ишь как по-нашему чешет!.. — оторопело заметил Леха.

— Научился... — сквозь зубы отвечал ему Петро. — За две-то недели! Только вот матом пока не может — не получается... Давай-ка еще... для храбрости...

— Не отдашь? — с угрозой спросил голос.

Петро заерзал.

— Сейчас кантовать начнет, — не совсем понятно предупредил он. — Ты только это... Ты не двигайся... Это все так — видимость одна... — И, подозрительно поглядев на Леху, переставил со стола на пол наиболее ценную из банок.

Дом крикнул, шевельнулся на фундаменте и вдруг с треском накренился, явно приподнимаемый за угол. Вытаращив глаза, Леха ухватился обеими руками за края столешницы.

На минуту пол замер в крутом наклоне, и было совершенно непонятно, как это они вместе со столом, табуретками, банками, ледобуром и прочим до сих пор не въехали в оказавшуюся под ними печь.

— А потом еще на трубу поставит, — нервно предрек Петро, и действительно после короткой паузы хата вновь закрипела и перепокинулась окончательно. Теперь они сидели вниз головами, пол стал потолком, и пламя свечи тянулось книзу.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — проревело чуть ли не над ухом.

— Не вскакивай, слышь! — торопливо говорил Петро. — Это он не хату, это он у нас в голове что-то поворачивает. — Ты, главное, сиди... Вскочишь — убьешься...

— Долго еще? — прохрипел Леха. Ему было дурно, желудок подступал к горлу.

— А-а!.. — сказал Петро. — Не нравится? погоди, он еще сейчас кувыркать начнет...

Леха даже не успел ужаснуться услышанному. Хата кувыркнулась раз, другой... Третьего раза Леха не запомнил.

Очнулся, когда уже все кончилось. Еле разжал пальцы, выпуская столешницу. Петро сидел напротив — бледный, со слезой в страдальчески раскрытых глазах.

— Главное — что? — обессиленно проговорил он. — Главное — не верит, гад!.. Обидно, Леха...

Шмыгнул носом и полез под стол — за банкой. В окне маячило зеленое рыльце инопланетянина. Радужные, похожие на мыльные пузыри глаза с надеждой всматривались в полумрак хаты.

— А ты ее точно не брал? Ну, ногу эту...

Петро засопел.

— Хочешь, перекрещусь? — спросил он и перекрестился.

— Ну так объясни ему...

— Объясни, — сказал Петро,

Леха оглянулся. За окном опять никого не было. Где-то у крыльца еле слышно похрустывал ломкий снежок.

— Слышь, друг... — жалобно позвал Леха. — Ошибка вышла. Зря ты на него думаешь... Не брал он у тебя ничего...

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — простонало из сеней.

— Понял? — сказал Петро. — Лягва лупоглазая!..

— Так, может, милицию вызвать?

— Милицию?! — вскинувшись, Петро выкатил на Леху нали-тые кровью глаза. — А аппарат? А снасти куда? Что ж мне те-перь, все хозяйство вывозить?.. Милицию...

Алексей хмыкнул и задумался.

— Уркан убе-... — с горечью проговорил Петро, раскачива-ясь в тоске на табуретке. — Цепь сорвал — и убе-... Все бро-сили, один сижу...

— Ты погоди... — с сочувствием глядя на него, сказал Ле-ха. — Ты не отчаивайся... Что-нибудь придумаем... Разумное же существо — должен понять...

— Не отдашь? — спросило снаружи разумное существо.

— Давай-ка еще примем, — побряхтев, сказал Петро. — Бог его знает, что он там надумал...

Приняли. Прислушались. Хата стояла прочно, снаружи — ни звука.

— Может, отвязался? — с надеждой шепнул Леха.

Петро решительно помотал небритыми щеками.

Некое едва уловимое журчание коснулось Лехино го слуха, Ручей — в начале марта? Ночью?.. Леха заморгал, и тут жур-чание резко усилило громкость — всклокотало, зашипело... Ошибки быть не могло: за домом, по дну глубокого оврага, подхватывая мусор и ворочая камни, с грохотом неслась неиз-вестно откуда взявшаяся вода. Вот она взбурлила с натугой, явно одолевая какую-то преграду, и через минуту снесла ее с треском и звоном лопающейся проволоки.

— Мосток сорвало... — напряженно вслушиваясь, сказал Петро.

Светлый от луны двор внезапно зашевелился: поплыли щепки, дощечки. Вода прибывала стремительно. От калитки к подокон-нику прыгнула лунная дорожка. Затем уровень взлетел сразу метра на полтора, и окно на две трети оказалось под водой. Дом побряхтывал, порывался всплыть.

— Сейчас стекла выдавит, — привизгивая от страха, прого-ворил Алексей.

— Хрен там выдавит, — угрюмо отозвался Петро. — Было б чем выдавливать!.. Он меня уж и под землю вот так прова-ливал...

В пронизанной серебром воде плыла всякая дрянь: обломок жерди с обрывком полиэтилена, брезентовый рюкзачок, из ко-торого выпорхнули вдруг одна за другой две красноперки...

— Да это ж мой рюкзак, — пораженно вымолвил Леха. — Да что ж он, гад, делает!..

Голос его пресекал: в окне, вытолкав рюкзачок за границу обзора, заколыхался сорванный потоком горбыльно-веревочный мосток и запутавшийся в нем бледный распухший утопленник, очень похожий на Петра.

— Тыфу, погань! — Настоящий Петро не выдержал и, отвернувшись, стал смотреть в печку.

— Окно бы завесить... — борясь с тошнотой, сказал Леха и, не получив ответа, встал. Подобрался к висящему на одном гвозде одеялу, протянул уже руку, но тут горбыльно-веревочную путаницу мотнуло течением, и Леха оказался с покойником лицом к лицу. Внезапно утопленник открыл страшные глаза и, криво разинув рот, изо всех сил ударил пухлым кулаком в стекло.

Леха так и не понял, кто же все-таки издал этот дикий вопль: утопленник за окном или он сам. Беспорядочно отмахиваясь, пролетел спиной вперед через всю хату и влипился в стену рядом с печкой.

...Сквозь целые и невредимые стекла светила луна. Потопа — как не было. Бессмысленно уставясь на оплывающую свечу, горбился на табуретке небритый Петро. Нетвердым шагом Леха приблизился к столу и, чудом ничего не опрокинув, плеснул себе в стакан первача.

— А не знаешь, кто у него мог эту ногу свинтить? — спросил он, обретая голос.

Петро долго молчал.

— Да любой мог! — буркнул он наконец. — Тут за оврагом народ такой: чуть зевнешь... Вилы вон прямо со двора сперли — и Уркан не учуял...

— Ну ни стыда ни совести у людей! — взорвался Леха. — Ведь главное: свинтил — и спит себе спокойно! А тут за него...

Он замолчал и с опаской выглянул в окно. Зеленоватый маленький инопланетянин понуро стоял у раздетой на зиму теплицы. Видимо, обдумывал следующий ход.

— Чего он там? — хмуро спросил Петро.

— Стоит, — сообщил Леха. — Теперь к поленнице пошел... В дровах копается... Не понял! Сарай, что ли, хочет поджечь?..

— Да иди ты! — испуганно сказал Петро и вмиг очутился рядом.

Инопланетянин с небольшой охалкой тонких чурочек шел на голенастых ножках к сараю. Свалил дрова под дверь и обернулся, просяив капельками глаз.

— Не отдашь?

— Запалит ведь! — ахнул Петро. — Как пить дать запалит! Он метнулся в угол, где стояла чудовищная рукоять черпака. Схватил, кинулся к двери, но на пути у него встал Леха.

— Ты чего! Сам же говорил: видимость!..

— А вдруг нет? — рывкнул Петро. — Дрова-то — настоящие! Тут со двора послышался треск пламени, быстро перешедший в рев. В хате затанцевали алые отсветы.

— Запалил... — с грохотом роняя рукоятку, выдохнул Петро. — Неужто взаправду, а? У меня ж там аппарат в сарае! И снасти, и все...

Леха припал к стеклу.

— Черт его знает... — с сомнением молвил он. — Больно дружно взялось... Бензином вроде не поливал...

Часто дыша, Петро опустил на табуретку.

В пылающем сарае что-то оглушительно ахнуло. Крыша вспу-

чилась. Лазоревый столб жара, насыщенный золотыми искрами, выбросило чуть ли не до луны.

— Фляга... — горестно тряся щетинами, пробормотал Петро. — Может, вправду отдать?..

Леха вздрогнул и медленно повернулся к нему.

— Что?.. — еще не смея верить, спросил он. — Так это все-таки ты?..

Петро подскочил на табуретке.

— А пускай курятник не растопыривает! — злобно закричал он. — Иду — стой! Прямо на краю поля стой! Дверца открыта — и никого! А у меня сумка с инструментом! Так что ж я, дурее паровоза?! Подпер сбоку чуркой, чтоб не падала, ну и...

— погоди! — ошеломленно перебил Леха. — А как же ты... В газетах же пишут: к ним подойти невозможно, к тарелкам этим! Страх на людей нападает!

— А думаешь — нет? — наливаясь кровью, заорал Петро. — Да я чуть не помер, пока отвинчивал!..

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — с тупым упорством завывал инопланетянин.

— Отдаст! — торопливо крикнул Леха. — Ты погоди, ты не делай пока ничего... Отдаст он!

— А чего это ты чужим добром швыряешься? — ошетинившись, спросил Петро.

— Ты что, совсем уже чокнулся? — в свою очередь, заорал на него Леха. — Он же от тебя не отстанет! Тебя ж отсюда в дурдом отвезут!..

— И запросто... — всхлипнув, согласился Петро.

— Ну так отдай ты ему!..

Петро закряхтел, щетинистое лицо его страдальчески пере-кривилось.

— Жалко... Что ж я, зазря столько мук принял?..

Леха онемел.

— А я? — страшным шепотом начал он, надвигаясь на попятившегося Петра. — Я их за что принимаю, гад ты ползучий?!

— Ты чего? Ты чего? — отступая, вскрикивал Петро. — Я тебя что, силком сюда тащил?

— Показывай! — неистово выговорил Леха.

— Чего показывай? Чего показывай?

— Ног у показывай!..

То и дело оглядываясь, Петро протопал к разгромленной двуспальной кровати в углу и, заворотив перину у стены, извлек из-под нее матовую полутораметровую трубу с вихляющимся полированным набалдашником.

— Только, слышь, в руки не дам, — предупредил он, глядя исподлобья. — Смотреть — смотри, а руками не лапай!

— Ну и на кой она тебе?

— Да ты что? — Петро даже обиделся. — Она ж раздвижная! Гля!

С изрядной ловкостью он насадил набалдашник поплотнее и, повернув его в три щелчка, раздвинул трубу вдвое. Потом — вчетверо. Теперь посадочная нога перегораживала всю хату — от кровати до печки.

— На двенадцать метров вытягивается! — взхлеб объяснял

Петро. — И главное — легкая, зараза! И не гнется! Приклепать черпак полтора на полтора — это ж сколько мотыля намыть можно! Семьдесят копеек коробок!..

Леха оглянулся. В окне суетился и мельтешил инопланетянин: подскакивал, вытягивал шеенку, елозил по стеклу лягушачьими лапками.

— Какой мотыль? — закричал Леха. — Какой тебе мотыль? Да он тебя за неделю в гроб вколотит!

Увидев инопланетянина, Петро подхватился и, вжав голову в плечи, принялся торопливо приводить ногу в исходное состояние.

— Слушай, — сказал Леха. — А если так: ты ему отдаешь эту хреновину... Да нет, ты погоди, ты дослушай!.. А я тебе на заводе склепаю такую же! Из дюралья! Ну?

Петро замер, держа трубу, как младенец. Его раздирали сомнения.

— Гнуть будет... — выдавил он наконец.

— Конечно, будет! — рявкнул Леха. — Зато тебя на голову никто ставить не будет, дурья твоя башка!

Петро медленно опустился на край кровати. Лицо отчаянное, труба — на коленях.

— До белой горячки ведь допьешься, — сказал Леха.

Петро замычал, раскачиваясь.

— Пропадешь! Один ведь остался! Баба — ушла! Уркан — на что уж скотина тупая! И тот...

Петро поднял искаженное мукой лицо.

— А не врешь?

— Это насчет чего? — опешил Леха.

— Ну, что склепаешь... из дюралья... такую же...

— Да вот чтоб мне провалиться!

Петро встал, хрустнув суставами, и тут же снова сел. Плечи его опали.

— Сейчас пойду дверь открою! — пригрозил Леха. — Будешь тогда не со мной, будешь тогда с ним разговаривать!

Петро зарычал, сорвался с места и, тяжело бухая ногами, устремился к двери. Открыл пинком и исчез в сенях. Гроыхнул засов, скрипнули петли, и что-то с хрустом упало в ломкий подмерзший снег.

— На, подавился! Крохобор!

Снова лягнул засов, и Петро с безумными глазами возник на пороге. Пошатываясь, подошел к табуретке. Сел. Потом застонал и с маху треснул кулаком по столешнице. Банка, свечка, стаканчики — все подпрыгнуло. Скрипнув зубами, уронил голову на кулак.

Леха лихорадочно протирал стекло. В светлом от луны дворе маленький инопланетянин поднял посадочную ногу и, бережно обтерев ее лягушачьими лапками, понес мимо неврежденного сарая к калитке. Открыв, обернулся. Луна просияла напоследок в похожих на мыльные пузыри глазах.

Калитка закрылась, брякнув ржавой щеколдой. Петро за столом оторвал тяжелый лоб от кулака, приподнял голову.

— Слышь... — с болью в голосе позвал он. — Только гы это... Смотри не обмани. Обещал склепать — склепай... И чтобы раздвигалась... Чтобы на двенадцать метров...

Шеф, полусонный, вытянулся на кушетке. Напротив него на своем стуле восседал, будто аршин проглотив, Монти. Когда Дик подлил себе джина и разбавил его водой, ни тот, ни другой даже не шевельнулся. К крепким напиткам Монти относился безразлично, а Шеф — так тот спиртного на дух не выносил, хотя демонстрировать свои чувства было не в его натуре. Монти иногда пил пиво с Диком в «Таверне Георга». Чего он действительно терпеть не мог, так это табачного дыма, и сейчас, уловив его запах, чихнул.

— Будь здоров! — пожелал ему Дик.

Сигарету можно докурить в кухне, приготавливая им ужин. Не хватало еще, чтобы Монти в его-то годы начал кашлять — так и бронхит можно заработать. Ради благополучия Монти Дик пошел бы решительно на все, однако, вытащив из холодильника бифштекс и вернувшись в гостиную за своим стаканом, он обратился к Шефу. Монти был его другом — лучшего не сыщешь на всем белом свете. А Шеф — совсем другое дело: к нему следовало относиться как к боссу, требующему к себе уважения и почтения.

— Ну что, Шеф, проголодался? — поинтересовался Дик.

Шеф сполз с кушетки и степенно прошествовал в кухню. Дик последовал за ним. На дворе уже смеркалось, но было еще достаточно светло, и Дик увидел старое клетчатое пальто Монти, все еще висевшее на веревке. Его, пожалуй, лучше снять, а то вдруг еще ночью дождь пойдет. Дик вышел во двор, тщетно надеясь, что старый Том, его сосед, не увидит света в кухне и не выйдет из дома. Подобные ожидания никогда не оправдывались. Не успел Дик снять и первую прищепку, как дверь отворилась и послышался надтреснутый гнусавый голос.

— Ночь будет холодная. Как бы еще мороз не ударил.

Дик увидел, как в прямоугольнике света появилась огромная тень Шефа. Прекрасно. Шеф как нельзя кстати. Став на задние

лапы у забора, Шеф оказался на целую голову выше старого Тома, который, нервно ухмыляясь, попятился.

— Пошли, Шеф, — бросил Дик. — Пора ужинать.

— Совсем как дети, правда? — прогнусавил старый Том. — Почти как люди. Даже жуть берет. Только взгляните на него — понимает каждое ваше слово.

Дик не ответил. Он последовал за Шефом на кухню, громко хлопнув за собой дверь. Ничто его так не раздражало, как привычка людей считать, будто они делают животным комплименты, сравнивая их с себе подобными. Эка невидаль! Да Шеф и Монти в любом отношении в сто раз лучше любого человеческого существа, которое Дик когда-либо доводилось встречать. Совсем как дети — это же надо! Дети в ожидании ужина ныли бы и хныкали, путаясь у него под ногами. Его же собаки терпеливо сидели и мирно наблюдали за тем, как он накладывает им в глиняные миски бифштекс с гарниром да еще с витаминной добавкой. И лишь после того, как миски оказывались на полу, они со сдержанным достоинством направлялись к ним.

Дик смотрел, как они едят. Аппетит у Монти, в его четырнадцать лет, оставался таким же, как и прежде, хотя ел он медленнее Шефа. Зубы у Монти были уже не те. Вылизав миску, пес сделал то, что проделывал всякий раз с тех самых пор, когда был еще щенком, — подошел к Дик и положил свою серую морду на ладонь протянутой руки. Дик нежно погладил собаку за ушами.

— Славный мой песик, — произнес Дик. Он с презрением отосился к тому, что собак обычно называли «мальчиками». Они не мальчишки. Мальчишки — грязные и вонючие, шумные и непослушные. — Молодчина — вот ты кто! Ты отменный старый пес.

Шеф держался с большим достоинством. Подобные знаки любви и признательности были бы несовместимы с его породистостью и внешностью. Дик с Монти знали свое место и посторонились, когда Шеф величественно прошествовал в дверной проем и занял прежнее место на кушетке. Дик пододвинул кресло Монти поближе к батарее. Половина седьмого. Дик допил джин.

— А сейчас мне нужно уйти, — сказал Дик, — но к десяти, самое позднее, я вернусь. Так что вы немного подремлите, а когда я вернусь, мы все прогуляемся. О'кэй?

Монти проводил Дика до входной двери. Так у них повелось, и так будет всегда, несмотря на то, что задние лапы собаке скрутил ревматизм. Всем нам грозит старость, подумалось Дик, надо как-то подготовиться к тому, что в этом году или в следующем, а Монти я потеряю...

Заперев дверь, Дик выгнал из гаража машину и проехал яров триста до телефонной будки. Он никогда не вел деловых разговоров с домашнего телефона, а пользовался одним из телефонов-автоматов между своим домом и «Таверной Георга». Через пять минут телефон в будке должен зазвонить. Если только, разумеется, опять не стрясется что-нибудь. Если только обстоятельства снова не пойдут вразрез с ее планами. Глупая... кто? Дик терпеть не мог привычки употреблять названия животных-самок — сука, корова, кобыла — в качестве оскорбительных эпитетов по отношению к женщине. Свою неприязнь к

женскому полу он выражал каким-нибудь смачным непристойным ругательством, и сейчас выбрал худшее, на его взгляд, из всех — баба. Глупая, жадная, подлая баба, черт бы ее побрал! Телефон зазвонил ровно без четверти семь. Дик снял трубку и назвал пароль, давая понять, что это он, а не какой-нибудь тип, любящий совать нос в чужие дела.

Он впервые услышал ее голос — нервный и аристократический.

— Сегодня вечером должно получиться, — сказала она.

— Да уж пора бы. — До сих пор они договаривались через посредника Дика, но каждый раз у нее непременно что-нибудь да срывалось. Со времени получения первого взноса в качестве аванса минуло уже шесть недель. — Я вас слушаю.

— Вот что. Я хочу, чтобы вам о нас ничего не было известно... я имею в виду, кто мы. Договорились?

Как будто ему не казалось, что они такие и что за грязные страсти привели ее к этому телефону, к этому заговору. Однако он презрительно ответил:

— А разве об этом не напишут в газетах?

От страха голос у нее сорвался на писк:

— Вы могли бы меня шантажировать!

— А вы, согласитесь, меня. Тут мы оба рискуем. Выкладывайте, я вас слушаю.

— Ну что ж. Он плохо себя чувствовал, но сейчас ему лучше, и он возобновил свои обычные прогулки. Он выйдет из дому в половине девятого и направится по тропе через Уэст-Хит в сторону Финчли-роуд. Вам не обязательно знать, зачем или куда он идет. Это вас не касается.

— Мне это в высшей степени безразлично, — ответил Дик.

— Вам лучше подождать на одном из самых безлюдных участков тропы, как можно дальше от дома.

— Предоставьте это мне... но как я узнаю, что это он?

— Ему пятьдесят, он среднего роста, хорошо сложен, волосы седые, небольшие усики. Он выйдет без шляпы. Поверх серого твидового костюма на нем будет черное пальто с черным же меховым воротником. Без десяти девять он пройдет половину тропы через Уэст-Хит. — Тут ее голос чуть дрогнул. — Надеюсь, все будет сделано чисто? Как вы это сделаете?

— Вы что же, хотите, чтобы я рассоливал об этом по телефону?

— Ну, может, и нет. Вы получили первую тысячу?

— За шесть недель, — ответил Дик.

— А что я могла поделать? Моей вины тут нет. Остальное получите в пределах недели, точно так же, как и задаток...

— По обычному каналу. Это все? Мне больше ничего не положено знать?

— Да вроде бы все, — ответила она. — Хотя нет, постойте... впрочем, это не имеет значения. — Она помолчала. — Вы ведь меня не подведете, правда? Сегодня последняя возможность. Если не получится сегодня вечером, тогда вся эта затея вообще теряет смысл. Завтра уже все изменится, и я не...

— Всего хорошего, — сказал Дик и резко повесил трубку, чтобы не слышать ее голоса, срывающегося на истерику.

Ему не обязательно знать об этих обстоятельствах или сопереживать с ней на пару. Чертова баба! И не то чтобы он ис-

пытывал какие-то там угрызения совести. За те деньги, что она платила ему за одного, он бы, не моргнув глазом, отправил на тот свет хоть сто человек — ведь его интересуют только деньги. Какая ему разница, кто он или она или почему это ей вдруг вздумалось убрать его с дороги? Может, она его жена или любовница. Ну и что? Такого рода отношения были чужды Дику, и сама мысль о том, что они за собой влекут, вызывала у него отвращение — поцелуй, объятия, этот грязный акт, который они совершали, как... нет, не как животные. Животные, те вели себя прилично, достойно... совсем как люди. Дик сплунул в угол телефонной будки и вышел на холодный воздух.

Катя в направлении Хэмпстеда, Дик думал об этих деньгах. Для намеченной цели их, вместе с уже имеющимися сбережениями, будет вполне достаточно. В течение многих лет, с тех самых пор, как он взял у собачника Монти, он во имя этого и работал. Ему приходилось мошенничать, наводить грабителей на богатые дома, иногда избивать людей, он даже совершил два убийства, выполняя «заказы» жаждущих отмщенья, — все эти дела оказались весьма прибыльными. Живя скромно — тратился он в основном на еду для собак, — Дик поднакопил уже почти достаточно на покупку приглянувшегося ему дома. Непременно в Шотландии, на северо-западном побережье, как можно дальше от людей, с небольшим участком, где Монти с Шефом было бы раздолье. Дик не раз представлял, как они поведут себя, когда увидят собственную землю, поросшую вереском, собственных кроликов, за которыми можно гоняться. У него еще останется достаточно, чтобы жить, не работая, до окончания дней своих. Он, может, даже заведет себе других животных — скажем, лошадь и пару коз. Но, пока Монти жив, никаких собак. Это было бы нечестно. А строить планы, что делать, когда Монти не станет, казалось Дику верхом предательства.

Уж кого не будет вблизи его дома, так это людей. Если повезет, ему месяцами не придется слышать людских голосов. Живя с Монти и Шефом среди холмов, Дик забудет, как в течение долгих сорока лет люди подавляли его своей жестокостью и изменностью инстинктов: напивавшийся до дикости отец, мать, которую, кроме мужчин и развлечений, ничто не интересовало; позже — семья, взявшая его на воспитание, потом — исправительное заведение для малолетних преступников, фабричные девочки, посмеивающиеся над его застенчивостью и прыщавым лицом, работодатели, упорно отказывающиеся брать на работу, потому что у него вместо образования была судимость. Наконец-то он обретет покой.

Значит, ради этого покоя он должен убить человека? Ну что ж, ему это не впервой. Он убьет его совершенно бесстрастно, так же просто, как мясник убивает ягненка, и так же безжалостно. Сначала слегка стукнет жертву по голове, чтобы оглушить, — Дика волновало не то, что он причинит человеку боль, а то, что может испачкать свою одежду кровью, — потом решительно надавит вот здесь, на подъязычную кость... Дик припарковал машину и зашел в паб пропустить рюмочку джина с водой и закусить сэндвичем. Подошел хозяйский кот и вспрыгнул ему на колени. Животных тянуло к Дику будто магнитом. Они знали, кто их друзья. Жаль, право, что Шеф терпеть не может

кошек, а то бы Дик не прочь добавить пару штук к своему зверицу в Шотландии. Половина восьмого. Идя на дело, Дик всегда оставлял себе запас во времени — такая уж у него выработалась привычка. Он осторожно опустил kota на пол.

К восьми часам Дик миновал Хэмпстед-виллидж по Бранч-Хилл мимо пруда Уайтстоун и припарковался на Уэст-Хит-роуд. Прекрасная звездная ночь, да еще с морозцем, как и предсказывал этот глупый старикашка сосед. Дик посидел в машине, еще раз мысленно проверяя, не связывает ли его что-нибудь с женщиной, с которой он разговаривал по телефону. Нет, абсолютно ничего. Его посредник был надежен, а способ передачи денег они разработали весьма тонкий, не для дураков. Что же касается связи с жертвой, обреченной на заклятие, тут Дик великолепно знал, что единственно «чистое» убийство — убийство незнакомого человека. Дик у в этом мире были все чужими.

Лучше проехать еще немного и взглянуть на эту самую дорожку. Дик поставил машину на Темплвуд-авеню, как можно ближе к тому месту, где от дороги через Уэст-Хит отходила извилистая тропинка. Береженного бог бережет. Никакого реального риска нет, однако подстраховаться на случай бегства никогда не мешает. Крутая тропка футов в пять шириной бежала между садовыми оградами, где подъем становился слишком крут, были сделаны ступеньки. На самом верху торчал уличный фонарь, чуть дальше, ярдах в пятидесяти от него, где тропку уже окружали стены, другой. Между этими фонарями пролегла широкая песчаная полоса, засаженная деревьями и кустарниками. Дик решил, что тут самое подходящее место. Он стоит среди деревьев, пока человек не появится с обложенного стенами конца дорожки, дождется, когда тот выйдет из круга света от первого фонаря, но не доберется еще до круга света от другого, и прищучит его в самом темном месте.

К счастью, из-за страшной холодины люди большей частью сидели по домам. Не успела эта мысль пронестись в сознании Дика, как послышались отдаленные шаги, и он сжал в кармане завернутый в кусок тряпки железный брус. Неужели это он? Так рано? В двадцать пять девятого? А может, эта глупая баба снова ошиблась? Нет, эта какая-то девушка, вот как цокают каблук, — а потом он увидел, как она вышла на свет. Он следил за ее приближением с нездоровым любопытством — высокая, стройная, однако из-под пальто проступают эти гадкие омерзительные бугры. Она стремительно проходила по безлюдному месту, по-птичьи поворачивая голову и бросая быстрые взгляды налево и направо. Чувствовалось, что она нервничает. Все ее тело обезобразилось от облегающей ее дурацкой одежды и деревянной походки, получавшейся из-за каблучков. Ни грациозности, ни уверенности животного. С каким бы удовольствием Дик попугал ее, набросился бы на нее сверху и так ее потряхнул, что у нее зубы застучали, или бы просто погнался за ней по ступенькам. Ему, однако, была противна сама мысль о контакте с родом человеческим, тем более когда контакта этого можно избежать. К тому же она бы увидела его лицо и могла бы узнать, когда обнаружат тело и займутся поисками преступника. А что было бы с Монти и Шефом, если бы его поймали и упрятали за решетку? От этой мысли он весь содрогнулся...

Без двадцати девять. Он уже, наверное, вышел из дому и приближается к пруду Уайтстоун.

Дику очень хотелось закурить сигарету, но он решил, что рисковать не стоит. Запах дыма может задержаться в воздухе и насторожить человека. Он снова потрогал брус и тонкое кольцо шнура. Через четверть часа, если повезет, все будет позади. Он вернется домой, выведет Шефа и Монти на вечернюю прогулку, а завтра отправится к агенту по торговле недвижимостью. Дом, скажет он, должен стоять подальше от людей, и чтобы землицы при нем хватало, можно даже на берегу моря. Шеф с удовольствием поплавает, хотя он, наверное, не плавал ни разу в жизни, ведь вся она прошла на грязных задворках большого города. Но все собаки умеют плавать от природы. Чего не скажешь о людях, которых надо учить, впрочем, как и обучать чуть ли не всякому дурацкому делу, за которое они берутся...

Шаги. Да, пора. Без десяти девять, а он, очевидно, пунктуален. Тем хуже для него. Дик замер, уставившись в темную дыру между стенами, пока не разглядел в конце туннеля неясные очертания своей жертвы. Когда человек приблизился к пятну света, он напрягся и сжал брус. Ее описание оказалось точным. В свете от фонаря его взору предстала полноватая фигура, серебро густой шевелюры, блестящий черный мех воротника. Если Дик когда и сомневался в этичности того, что собирался совершить, так это зрелище развеяло бы все его сомнения. Неужели подонки вроде этого даже не задумываются о страданиях попавших в капкан и умирающих в муках животных ради того только, чтобы их шкурки нацепил себе на пальто какой-нибудь богатый ублюдок?

Человек приближался, вот его уже объяла темнота. Дик вышел из-за деревьев, взмахнул рукой и нанес удар. Человек хрюкнул, будто икнул, и тяжело осел. Крови не было. Сбравшись с силами и подавив отвращение от предстоящего соприкосновения с теплым тяжелым телом, Дик подхватил оседающего человека под мышки и подтащил его к фонарю.

На лицо жертвы Дик даже не взглянул — оно его не интересовало: зачем понапрасну тратить время? Он убрал брус в карман и вытащил шнур. Сделать удавку, накинуть на шею, быстро надавить на подязычную кость...

Его спугнул какой-то мягкий звук, веревка так и повисла в руке. Не шаги, а глухое шлепанье лап. Он резко повернулся. Из туннеля, держа хвост пистолетом, появился охотничий пес, черно-белая такса с коричневыми подпалинами. Это был один из самых красивых псов, которых Дику когда-либо доводилось видеть, но сейчас его появление здесь оказалось весьма неуместным. Иисусе Христе, подумал он, ведь собака обязательно подойдет к нему. Так уж они устроены.

И в самом деле, выйдя из темноты и войдя в круг света, где стоял Дик, собака заколебалась. Она подняла голову и, виляя хвостом, двинулась к нему. Дик выругал судьбу, а не собаку, и протянул руку.

— Славный мой песик, — прошептал он. — Умница. Ты отменный пес, право слово. Только уходи отсюда, чеши домой.

Собака, однако, с бесстрастной вежливостью уклонилась от протянутой руки и, обойдя Дика, ткнулась носом в лицо пре-

бывающего в бессознательном состоянии человека. Дик у это не понравилось — мужчина, чего доброго, придет в себя.

— Ну, иди же, — сказал он, решительно положив руки на гладкую шубу и отталкивая пса. — Тут тебе не место. Иди охотись, или чем ты там занимаешься...

Но такса упорно не желала уходить. Хвост у нее дрожал, она легонько скулила. Она посмотрела на Дика, потом снова на лежавшего мужчину и принялась издавать тихие звуки — нечто среднее между визгом и свистом, — которые издают охотничьи собаки. Тут Дик убрал руки с густого теплого меха. Его захлестнуло противное чувство — ужас вкупе с отвращением. Он порылся в кармане черного пальто с меховым воротником и вытащил то, что боялся обнаружить там, — плетеный кожаный поводок.

Черт бы побрал эту бабу! Вот, наверное, о чем она собиралась сказать ему, да только для нее это не имело значения! Не имеет значения, что этот тип придет сюда потому, что прогуливает собаку? Иисусе Христел! Не имеет значения, что бедняжка увидит, как убивают ее хозяйина, а потом еще ей придется добираться домой через одну из самых оживленных магистралей Лондона? Или, может, она решила, что он и пса прикончит? При одной мысли о жестокости подобного акта у Дика кровь закипела в жилах. Ему хотелось пнуть расprostертого на земле мужчину в морду, но он почему-то не мог сделать этого при собаке.

Впрочем, он не допустит, чтобы его надули. В Шотландии его ждет дом, который он обязан купить ради Шефа и Монти. Нельзя лишаться всех этих денег только потому, что глупая баба снова все испортила. Надо что-нибудь придумать. Скажем, нацепить поводок на ошейник и перевести пса через дорогу у Уайстоунского пруда. Там он будет в безопасности, как, подумал Дик, к тому времени в безопасности окажется и его хозяин, который уже шевелился и постанывал. А может, посадить его в машину? Видит бог, пес очень ласковый, доверчивый, он даже не подозревает, что Дик сделал... что собирается сделать... А что потом? Убить человека и привязать пса к фонарному столбу? Он сроду еще не привязывал собак.

Им завладело отчаяние. Он не держал на собаку никакого зла, не чувствовал гнева, лишь беспомощное смирение отца, младенец которого вошел в комнату и помешал ему заниматься любовью. Дети прежде всего — и от этого никуда не денешься.

Дик неторопливо убрал шнур, потом грубо приподнял серебряную голову, и человек простонал. В том же кармане, откуда Дик вытащил поводок, оказался твердый металлический предмет — фляжка с бренди. Дик влил немного жидкости человеку в рот. Пес наблюдал за ним, виляя хвостом.

— Где... где я? Что... что случилось?

Ответом его Дик не удостоил.

— Меня... стукнули по голове. Боже, она раскалывается. Меня ограбили, да? — Он нащупал в кармане бумажник. — Да нет, слава богу, не тронули. Я... я попробую сесть. Боже, так мне лучше. Где Брюс? Ага, вон он. Молодчина, Брюс. Я рад, что с ним все в порядке.

— Он славный песик, — глухо отозвался Дик и добавил: —

Идемте. Держитесь за меня. У меня машина.

— Вы чрезвычайно любезны, чрезвычайно любезны. Какое счастье для меня, что вы появились как раз вовремя.

Дик промолчал. Его чуть не вырвало, когда человек оперся на него. Пристегнув поводок к ошейнику Брюса, они спустились по ступенькам к машине. С каким облегчением он избавился от прикосновения этого плотного тела, от которого исходил запах пота, вызванного страхом. Дик усадил Брюса на заднее сиденье и погладил, что-то ласково бормоча.

Дом, к которому его направили, оказался огромным доминой, чуть ли не особняком, на Ист-Хит. В окнах горел свет. Дик высадил мужчину и довел до парадной двери, Брюс следовал за ними. На звонок явилась служанка в униформе. В холле, за ее спиной, стояла молодая женщина в вечернем платье.

Она произнесла одно-единственное слово: «Папа!», и в ее голосе прозвучала тревога, но голос был тот же самый. Он узнал его, точно так же, как она узнала голос Дика, когда он, беглым взглядом окинув богато обставленный холл, отвернулся и сказал:

— Ну, я поеду.

Их взгляды встретились. Крушение надежд обезобразило ее бледное как полотно лицо. Она позволила отцу взять себя за руку и резко спросила:

— Что случилось?

— Меня оглушили, дорогая, и пытались ограбить, но сейчас со мной все в порядке. Этот джентльмен случайно проходил мимо. Я еще даже как следует его не поблагодарил. — Он протянул Диду руку. — Вы непременно должны войти в дом. Позвольте нам записать вашу фамилию. Как знать, может, вы спасли мне жизнь. Ведь я мог и умереть там от холода.

— Да ну, — ответил Дик. — С таким-то псом!..

— Много же от него оказалось проку! Какой же ты телохранитель, а, Брюс?

Дик наклонился и потрепал пса.

— Вы никогда не узнаете, как он вам помог...

Не оглядываясь, Дик сел в машину и, уже отъезжая, увидел в зеркало, как женщина удаляется в дом, а ее отец очумело стоит на дорожке, посылая вслед своему спасителю нелепые и неуместные знаки благодарности.

Он добрался домой без четверти десять. Монти поджидал его в холле, а Шеф все еще нежился на кушетке в гостиной. Дик нацепил на них поводки, надел Монти его лучшее пальто и открыл входную дверь.

— Пора выпить пивка, пока паб не закрылся, — сказал он. — А потом прогуляемся по пустырю. — Он и его собаки вдыхали отравленный выхлопными газами воздух. Монти чихнул. — Будь здоров, — сказал Дик. — Вонючая дыра, правда? Как ни прискорбно, но нашего дома в Шотландии придется еще немного подождать.

Медленно, потому что быстро Монти уже не мог, они втроем направились к «Таверне Георга».

**Перевели с английского Владимир ПОСТНИКОВ
и Николай ГАБОЛАЕВ**

Вадим БУРЛАК

СЛЕД ИЗ ТАЙГИ

ПОВЕСТЬ

- Не скрипи, Сучья лапа.
— Рассыплюсь, Алеха!
— А ты глубже дыши тайгой и жди удачи. Пошевеливайся, бичара толстозадая.
— За тобой не утонишься. Прешь, как танк, только пыли нет. Может, привалить время?
— Рано, еще часок отшлепаем.
— Устал...
— Хреновый ты бич, Сучья лапа. Если б знал, что ныть будешь, не взял бы в пару. Дыхалку себе на водяре сорвал да на портвешке...
— Не, Алеха, я после тюрьги по-божески пью. Давай передохнем, а? Сил нет...
— Терпи... и любуйся природой. Ишь, как вертит наверху мошкара — словно пепел от солнца осыпается.
— Тыфу, за ноги тебя да башкой об ту ель с твоей природой. Здоровый ты, как лошадь, Алеха. И тюрьга тебя не размяла, и наша бичарная жизнь не обломила. Откуда столько силы?
Сучья лапа остановился и руками вытер пот с лица:
— Ух, как жарко...
Алеха обернулся и резко прохрипел:
— Пошли-пошли!..
И покатилося по таежной пади «шли-шли-ли-ли»...
Вечер зажег по пихтовым гривам желтые свечи.
Лишь в полной темноте устроились на ночлег. Костра не разжигали. Наломали кедровых веток, соорудили из них лежки.

Художник Геннадий ФИЛАТОВ

Закусили сухарями с салом, запили водой из ручья и повалились в таежную постель. Сон махом вышиб из людей усталость и заботы прошедшего дня. Ночная тайга медленно возвращала им силы.

Едва поднялось солнце, Алеха и Сучья лапа, наскоро перекусив, двинулись в путь.

— Сегодня дойдем, — уверенно пообещал Алеха.

— Не верится мне про золотишко, — снова заскулил о наболевшем Сучья лапа. — Какого хрена этот старый чеснок сам его не выгреб? А?

— Говорю тебе, тяжело добираться. Ты молодой, и то сопли распустил, а деду сам бог забыл, сколько ухнуло. Разве он вскарабкается на эту гриву? Тут и у меня сердце трепыхает.

— А почему именно тебе он рассказал про золотишко? Что, у него родичей нет?

— От хайло неверующее, — разозлился Алеха. — Брошу в тайге, если будешь скулить. А насчет золота не болтай.

Им повезло на четвертый день. Утром Алеха заметил, что из каменистого пригорка выступает белый кварц. Алеха работал на золотых приисках и сразу понял, что это означает.

— Уда-а-ача! Живем, Сучья лапа!.. — захохотал он. — Кончили бичевать... Загоним барыгам золото и айда гулять-колёсить по стране...

Сбросил Алеха куртку, схватил кайло и начал ошалело бить по кварцу.

В этот вечер они долго сидели у костра. Пили чай и до пьяной одури курили «Приму». Алеха даже охрип от своих рассказов.

— Понял теперь, чудило, — со мной не пропадешь. В один день разбогатели. Р-р-раз, и под дых удаче. Наша она теперь. Все рестораны Крыма и Кавказа подмигивают нам огнями.

— Вначале покупателя надо найти, — осторожно вставил Сучья лапа, — а потом уж подумаем, в каких ресторанах гулять. Сейчас за рыжевые можно схлопотать на всю катушку. Сам знаешь.

Алеха матернулся беззлобно:

— Воронье ты чертово, не можешь дня прожить, чтобы не покаркать. От тебя и солнце скиснуть может. Радуйся удаче, тухлятина, и мечтай, на что деньги тратить будешь. А золото мы будем сгонять зубным врачам и ювелирам.

Три недели они не разгибали спины. Вставали с зарей и долбили камень до самых сумерек, без обеда и перекуров.

Кончились сухари и крупа, доели сало и сахар. Зверь и птица стороной обходили эти места, и нечем было поживиться. Да и золота они добыли, сколько можно унести. Только вынести бы его из тайги без потерь.

Несмотря на голод, шли легко. То ли потому, что дорога была знакома, то ли оттого, что согревало своей тяжестью золото.

И им снова повезло: Алеха срезал на болоте двух глухарей. Решили устроить передышку — выспаться и как следует по-

есть. Выбрали сухую поляну, развели костер. Не успели общипать глухарей, как из чащи послышалась песня.

Алеха и Сучья лапа переглянулись. Кого занесло в такую глухомань? Алеха подмигнул приятелю:

— Смотри, кто б там ни был: золото в тайге молчанье любит.

— Не маленький, сам понимаю, — проворчал Сучья лапа.

Хрустнули ветки кустарника, и на поляну вышел невысокий человек в сапогах, штормовке и с рюкзаком за спиной. Темно-серая кепка была низко надвинута на лоб, так, что под козырьком трудно разглядеть лицо.

— Добрый вечер таежным странникам, — весело произнес незнакомец. — Пустите к костру? Не потесню?

— Валий, — махнул рукой Алеха. — Как раз глухарей варим. А вот чаем не угостим — кончился.

— Эхе-хе, да разве можно по тайге бродить без чая? — покачал головой незнакомец. — Ну да мы это устроим.

Он сбросил рюкзак и подсел к костру. Запустил руку в мешок и вытащил пачку чая. Потом извлек сахар, завернутый в целлофановую пленку, и сухари.

— Хорошо живешь, батяня, — оживился Сучья лапа. — А то мы соскучились по чайку.

— Давно по тайге ходите? — поинтересовался незнакомец.

— Давно, — уклончиво ответил Алеха.

— Чем промышляете?

— А ты что, из милиции? — ухмыльнулся Сучья лапа. — Так документики в порядке. Добываем мы ягодки, орешки, грибки собираем.

— Ягодки и грибки — дело хорошее, — кивнул незнакомец. — А документики мне ваши ни к чему — не из милиции я. Тоже собиратель ягодок.

— И куда ж ты их, батяня, собираешь? Больно рюкзачок у тебя маленький. — Сучья лапа изучающе разглядывал незнакомца.

— Да мне хватит. На рынке я не торгую, родственников не имею.

— Сирота, одним словом, — хмыкнул Алеха.

Незнакомец снова полез в рюкзак.

— Ну это, мужики, не разговор у костра. Чего мы прошупываем друг друга? Ведь свои — сразу видно. Тайгач тайгача понимать должен, — незнакомец вытащил из рюкзака поллитровую бутылку.

— Ого, вот это разговор, — засуетился Сучья лапа. — Водка?

— Обижаешь, паря... Спирт настоящий, неразбавленный. Так-то разговор пойдет веселей.

Алеха оживился.

— Сам бог тебя послал к нам. А то у нас печенки иссохлись. Давно не промывали...

Незнакомец плеснул спирт в подставленные кружки.

— Ну, под такой чаек не грех и познакомиться. Василий Степанович я.

— Вова, — представился Сучья лапа.

— Альберт, — поднимая кружку, прохрипел Алеха.

Бутылку опорожнили быстро.

— Вот и ладно, ребятаки, — Василий Степанович перевернул кружку вверх дном. — Вот и ладно. Познакомились, пора и ко сну. Тайга любит, чтобы вместе с ней засыпали и вместе с ней просыпались. Пойдемте, лапника наломаем.

Достали ножи и разошлись в разные стороны. Только Василий Степанович задержался у костра, будто выронил что-то. Принялся шарить в траве у поленьев, да ничего не нашел. Правда, когда поднес пальцы к глазам, сверкнула между ними искорка — золотая песчинка.

— Ай да ребятаки, ягодки-орешки, — усмехнулся он и отправился за лапником.

Когда Алеха и Сучья лапа вернулись, Василия Степановича еще не было.

— Слышь, Алеха, — заговорил Сучья лапа, — где-то я этого белоглазого видел.

— А как ты рассмотрел его глаза? Чего-то он рыло свое кепкой прикрывает...

— Где-то я его видел... — повторил Сучья лапа.

Алеха нахмурился:

— Может, легавый? Хотя с какой стати легавый один поpretся в тайгу?

Сучья лапа хотел что-то добавить, но подошел Василий Степанович.

— Спите, ребятаки? Ну-ну, не буду вас беспокоить. Сейчас тоже примощусь. Спокойной ночи...

Сучья лапа видел во сне белоглазого. Тот подмигивал ему, кривлялся по-дурацки и все что-то шептал. А что шептал, Сучья лапа никак не мог разобрать...

И тут он проснулся. Захотел пить. Потянулся за кружкой, а над ним белоглазый склонился. Приложил палец к губам и так хитро-хитро улыбается.

Стало жутко, вспомнил, где видел эту улыбку и выцветшие пустые глаза, хотел закричать, но не успел. Кольнуло в сердце, и все внутри загорелось от боли.

Полянка попалась лакомая — вся покрытая алым ковром брусники. А вокруг — старый сосновый лес. Тишина, лишь дятел где-то усердно долбил сушину. Высоко в небе, распластав крылья, медленно плавал коршун.

— Без ружья не вздумай ходить, — предупредил горожанин Федот Андреевич.

— Это почему? — пожал плечами Василий.

— Можешь нарваться на зверя. Вон и следы его на берегу.

Молодой охотник, прозванный в деревне Витька-Балабол, подтвердил:

— Старик верно говорит. Вот такущие следы, — и он для убедительности показал руками размеры. — Я в прошлом году громадного мишака встретил один на один, аж с третьего выстрела повалил дьявола.

— Чгой-то не припомню такого случая, — усмехнулся Федот Андреевич.

— Было дело, — уклончиво ответил Витька.

— А шкуру-то куда дел? — ехидно поинтересовался Федот Андреевич.

Витька поморщился:

— Не повезло мне тогда маленько. Мишака встретил над обрывом, ну и как всадил в него три разрывняка, так он и бутыхнулся с обрыва в речку. Нырять потом за ним, да разве такого вытащишь. Так и сгинул зверь.

— Бывает, — согласился Федот Андреевич и хитро подмигнул Василию. — Не печалься, Витек, еще добудешь на своем веку.

— Такого уже нет, — не заметив иронии старика, серьезно ответил Витька. — То был царь-медведь...

В чайнике закипела вода. Потрескивал костер, и голубой дым тянулся к верхушкам деревьев. За речкой слышался тоненький голос рябчика: фи-ить, фи-ить.

Витька схватил ружье и достал из кармана костяной манок. Подождал с минуту и засвистел в ответ:

— Фи-ить, фи-ить.

Рябчик откликнулся на приманку, и голос его теперь слышался гораздо ближе.

— Свисти, он сейчас вылетит, — подсказал Федот Андреевич.

Но свистеть не понадобилось: рябчик сам вылетел из чащи. Уселся на еловую ветку на противоположном берегу и принялся разглядывать охотников.

— Стреляй, — не выдержал Василий.

— Далековато, — ответил Витька. — Ладно, пусть живет.

Испуганный рябчик снялся и полетел в чашу. И тут же неподалеку раздался выстрел. Люди у костра вздрогнули от неожиданности.

— Кто-то из наших охотников, — предположил Федот Андреевич.

— А это мы сейчас посмотрим, — Витька потянулся за ружьем, — наши это или не наши. Слыхали, за Сенгулой двоих бичей кто-то прихлопнул? Так что у нас всякое бывает, — и он многозначительно посмотрел на Василия.

Снова раздался выстрел. Теперь поближе.

— Скоро придет, — сказал Федот Андреевич. — Надо воды в чайник подлить. Угостить человека.

Минут через десять из лесу вышел высокий старик. На нем было странное одеяние из волчьей шкуры, похожее на тулуп, только без рукавов. Увидев людей у костра, старик остановился.

— Здоров, дедушка Тит! — крикнул Федот Андреевич. — Иди к нам! Аль не узнал меня?

— Чего ж не узнать? Узнал, — ответил старик.

Федот Андреевич повернулся к Василию и тихо произнес:

— Это самый старый охотник в тайге. Девяносто годков на плечах, а все еще бьет зверя.

Дедушка Тит подошел к костру. На поясе у него болтались рябчики и глухарь. Старик снял с плеча новенькую двустволку и поздоровался. Потом по-хозяйски уселся у огня и достал из холщового мешочка маленькую черную трубку.

— Уморился, — певуче протянул он.

— Заманки осматривал? — деловито осведомился Витька.

— Осматривал. А ну-ка, возьмите глухарчика на ужин, — и, покосившись на Василия, добавил: — Городской?

— Городской, — подтвердил Василий. — На сбор кедровых орешков приехал. Может, и повезет — заработаю денюжат.

— Может, и повезет, — кивнул дедушка Тит. — Да смотри, в тайгу с добрым сердцем надо входить, она злым не прощает.

— Мой дальний родственничек, — кивнув на Василия, пояснил Федот Андреевич. — Подорвал в городе здоровьишко, пускай таежным воздухом полечится.

Дедушка Тит выпил кружку чая и занялся рябчиками. Чтобы не протухли, принялся начинать их сырым мхом.

— Дедушка Тит, а медведей много здесь встречал? — поинтересовался Витька.

— Много не много, а двух сегодня видел. В такой глухомани их еще не выбили. Идешь по тайге, а всюду следы хозяина: то куча мурашиная лапами разворочена, то дерево повалено. А грибов да кустов с разной ягодью, особенно с черникой, столько обмусоложено, что махни рукой. Будто стадо их целое паслось на ягодище — и с пестунами, и с матками, и с большаками. Напрешься на такие следы, уж на что видал виды и встречался с ними, а и то мороз подерет по коже.

— Страшный зверь — медведь, а человек — пострашней, — вставил Федот Андреевич. — Лет пять назад рядом с Черняевским зимовьем медведица убила одного городского парня. А почему? Да потому, что этот дуралей схватил медвежонка в мешок, ну а мать, известное дело, по следу и нагнала. Не умеют нынче со зверем ладить.

— Что со зверем? Между собой ладить не умеют, — заговорил Витька. — Слышали, дедуля, как двоих убили за Сенгулой?

— Как же не слышал! — покачал головой дедушка Тит. — Тайга — не город, тут каждая новость звонче песни разносится.

— По пьянке, наверное, зарезали, — добавил Витька. — Аккуратно так пырнули и одного, и второго, и никаких следов...

— Ты-то откуда знаешь? — заинтересовался Василий.

— Так я ж внештатный инспектор милиции. О таких делах в первую очередь должен все знать.

— Ну, пошел, поехал черт по кочерыжкам, — засмеялся Федот Андреевич.

— Скажешь, опять вру? — обиделся Витька. — Не веришь, Федот Андреевич, спроси у нашего участкового. Я даже на соещании был в милиции.

— И что же ты там делал? — насмешливо поинтересовался Федот Андреевич.

— Обсуждал, как преступников поймать.

— Не поймали еще? — осведомился Василий.

— Поймаем... Наверняка их свои зарезали. Так что прочистим тайгу, выловим всех бичей, и кто-нибудь, да расколется.

Дедушка Тит нахмурился:

— Зря на людей напраслину не наводи, не пьяное это убийство.

— А вы откуда знаете?

— Хе... Я, паря, много лет по тайге брожу, много чего видел, много чего знаю.

— И кто убийца? — заволновался Витька.

— Кто убийца, не знаю, а вот что не по пьяному делу кровь пролилась — это верняк.

— Не золотишком ли тут пахнет? — Федот Андреевич тронул за плечо дедушку Тита.

Старик нахмурился и, глядя в костер, пробурчал:

— Про то мне не ведомо... Вот окаянные, зарядили на ночь разговор про покойников.

— Что-то изменилось в учителе, но что? Серега Треф никак не мог понять.

— Сколько же мы не виделись? — Сан Саныч смотрел пристально в глаза. Казалось, он перелистывает страницы, страницы Серегиной памяти, медленно так, внимательно.

— Почти три года, — ответил Треф.

— А нашел меня как? Через Татьяну?

— Через нее. Приперся я в эти проклятые богом Крутогорки, разыскал твою сестру...

— Племянница она мне, — поправил Сан Саныч.

— Ну, племянницу. Поломалась она денек и выложила твой адрес. А сначала — ни в какую. Я ведь забыл заветные слова, что ты мне говорил, ну, вроде пароля.

Сан Саныч усмехнулся:

— Пароль, заветные слова — чушь собачья. Для пацанов все это, в казаки-разбойники играть...

Серега с удивлением посмотрел на учителя, но ничего не сказал.

Сан Саныч встал из-за стола, подошел к выключателю и зажег свет.

— Вот так-то лучше, а то сидим в темноте, как кроты...

Серега обвел взглядом небольшую кухню и с ухмылкой заметил:

— Бедновато стал жить, Саныч. Старое растерял, а нового не нашёл.

— А мне и этого достаточно, — неожиданно огрызнулся учитель.

Треф сразу притих.

— Ты, хлопчик, в беге, как я погляжу, — Сан Саныч резанул Серегу взглядом, от которого раньше у Трефа мурашки по спине ползали.

— В беге...

— И за каким же счастьем бежишь?

Треф пожал плечами, не зная, что ответить. Он теперь понял, что изменилось в учителе.

— Не за счастьем, а от беды бегу...

— За новой? — усмехнулся Сан Саныч. — Коли крыша нужна, могу приютить на время. Если деньги нужны, могу дать пятьдесят рублей. До полочки как-нибудь дотяну, — он сделал ударение на слове «полочка». — Теперь ты все понял.

— Кажется, все, — тряхнул головой Серега. — Что же творится в этом мире? От кого, от кого, а от тебя не ожидал.

— Что творится в этом мире, — передразнил Сан Саныч Трефа. — А ты задумайся... Мне много раз приходилось видеть, как вор к своему финишу приходит. Наш финиш страшный, и мало кто это понимает. Никогда не пересчитаешь, сколько человеческих проклятий на мою голову сыпалось, но я по пальцам

могу посчитать, сколько раз слышал от людей доброе слово. Волком хочется выть от такого финиша. Иногда появляется желание взять какого-нибудь сучонка-игрунчика и бить, пока дурь хмельная из него не выйдет, пока на мир другими глазами не посмотрит.

Сан Саныч покосился на Трефа.

— Не злоба меня распирает, хлопчик. Из веселых пацанов много я вылепил блатных. Теперь одна мечта: пока не сыграл хану, успеть бы хоть одного приблатненного сучонка превратить в честнягу.

— В чем ты меня хочешь убедить, Сан Саныч? — заерзал на стуле Серега Треф. — Думаешь, после твоей проповеди я с высунутым языком кинусь в милицию и слезно буду каяться в грехах? Нет, не на того напал, я вор-удача. Хоть на миг, но король!

Сан Саныч вздохнул:

— Сам я толкнул тебя на эту стежечку-дорожечку, а как стащить с нее — ума не приложу. Нутром чую, свернешь скоро шее. Знал поудачливей воров, а и те в дерьме кончили.

— Не переживай, Сан Саныч, что не смог обратить Серегу Трефа в свою новую веру. Я профессию уже не сменю. Она у меня самая древняя в мире. Как только человек потерял хвост и соскочил с дерева, он решил, что весь мир — его собственная хата, и начал воровать у природы все, что попадалось под руку. Даже своих меньших братьев — зверюшек — и то безбожно грабил и будет грабить и убивать. Что, я не прав?

— А он мне говорит: «Я тебя, сучок трухлявый, на два метра в землю вгоню, и завещание не успеешь составить». Так прямо и заявил со всей своей бандитской откровенностью. Здесь в конце концов советский рынок, а не Чикаго и не Сан-Франциско.

— Н-ничего не понял, — пожал плечами капитан. — Еще раз все сначала. Да не волнуйтесь вы, гражданин Тенежкин.

— Ту-няж-кин я, Петр Самойлович. Ух, какой вы непонятливый. Мафия у них тут на рынке. Понимаете? Настоящая мафия.

— Ну, вы не перегибайте, гражданин Туняжкин. Вы-то сами чем здесь занимаетесь?

— Я продаю ягоды, которые добываю честным трудом.

— Спекулируете, значит.

— Вы меня, товарищ капитан, не оскорбляйте. Я не спекулянт. А знаете, во сколько мне обходится стакан ягодок?

— Меня это не волнует, — поморщился капитан.

— Но вы же называли меня спекулянтом. А вот вам нехитрая арифметика. Чтобы собрать пятнадцать кило брусники, больше я просто не дотяну до города, мне надо провести в тайге два дня. Чтобы добраться до места, я плачу десять копеек за автобус и шестьдесят — за электричку в одну сторону. Снаряжение и пища обходится мне примерно в семь рублей пятьдесят копеек в день. Итого: поездка за пятнадцатью кило брусники влетает в шестнадцать рублей сорок копеек. Естественно, половину ягод я оставляю себе и раздаю друзьям, а половину про-

даю на рынке. Таким образом, за проданную ягоду получаю не больше двадцати пяти рублей. Так где спекулянт?

— Уморили вы меня со своей арифметикой. Беру свои слова назад насчет спекулянта. Рассказывайте, что же у вас произошло?

— Так вот, каждый раз, когда я прихожу на рынок, появляется такой вот огромный тип, подмигивает и со всей своей бандитской откровенностью заявляет мне: «До десяти часов будешь продавать свою ягоду на тридцать копеек дороже, чем принято. А с десяти делай, как хочешь». Конечно, такие предупреждения получал не я один. Сами понимаете, до десяти часов эти бандиты успевали продать свои ягоды. И продают они по нескольку тонн.

— Так, так, так, — заинтересовался капитан. — И часто вы этого человека встречаете на рынке?

— Да он все время здесь со своей бандой околачивается. Я-то на рынке бываю два-три раза в месяц, но слышал от людей — они каждый день торгуют.

— Имя, фамилию его знаете?

— Фамилии не знаю, но называют его Славиком. Представляете, детина почти под два метра, а его Славиком зовут.

— Подождите в коридоре, мне надо позвонить.

— Конечно, конечно, — Туняжкин поспешно вскочил со стула. Минут через десять капитан позвал его в кабинет.

— Сейчас приедут наши товарищи. Вы покажете им этого Славика.

Туняжкин замялся:

— Дак они меня и вправду на два метра в землю вгонят.

— Не бойтесь, вам ничто не угрожает. Наши товарищи будут в штатском. Вы только издали покажете Славика.

— Вот и забрались к богу за спину, к черту на рога, — проворчал Федот Андреевич. — Хоть вправо аукни, хоть влево — никто не ответит.

— А Витька, а дедушка Тит? Они же где-то неподалеку промышляют? — спросил Василий.

— Эва, вспомнил... Неподалеку они вчера были, а теперь кто знает, куда их нелегкая занесла. — Федот Андреевич, помедлив, добавил: — Хреново, что Витька с нами увязался. Он хоть и пустыха-пустыхой, а что-то неладное почуял. Все допытывался о тебе: откуда родственничек да чем занимается.

— Ничего страшного, — успокоил его Василий. — Долго он будет промышлять в тайге?

— Шут его знает, но уж наверняка не меньше месяца...

Они спустились к реке, где у берега покачивался плот. Лицо у Федота Андреевича стало озабоченным.

— Порог трудный. Немало людей погубил. Так что будь настороже и без моей команды шагу не смей делать. Понял?

— Да что я, первый раз по реке сплавляюсь?

— Ну, не знаю, где ты и как сплавлялся, дорогой родственничек, а здесь слушай меня, если жить не надоело.

— Пока не надоело.

— С богом!

Они оттолкнулись от берега шестью. Река не радовала прокладой. Жарко и безветренно.

Плот шел по реке все быстрее и быстрее. Бесшумно скользило под ним разноцветное каменистое дно.

Порог!.. Ровный, рокочущий гул стелется по воде.

— Держись, родственничек! — крикнул Федот Андреевич.

Василий тверже уперся ногами в мокрые бревна, пальцы до боли сжимали весло.

Близился поворот реки. Быстрее замелькали деревья, кусты, береговые камни. Журчали, бежали, обгоняя плот, белогривые струи. Кружились, метались в них черные щепки.

Вот и зловещие каменные лбы. Они торчали из воды, поджидая жертву. Плот несся прямо на них.

— Не робей! — завопил Федот Андреевич. — Веслом, веслом работай! Так давай!..

Весло рвалось из рук. Ноги скользили на бревнах, того и гляди окажешься в реке. Плот на мгновение провалился в зеленую пропасть и снова взлетел вверх. Густая пена с шипением проносилась по бревнам.

— Промок, однако, родственничек, — засмеялся Федот Андреевич. И в его хриплом смехе слышались торжество и победа. — Сегодня-завтра встретим разлюбленную бригаду.

— Не разминемся?

— Куда они денутся?.. Век бы их не видел..

— Не очень-то вы о них любезно, Федот Андреевич.

— Не заслужили. Дай им волю, растащат тайгу и себе в карман положат.

— Не все ж такие..

— Все не все, а хватает. Вот черемша, к примеру. Мы ее называем еще «медвежьим салом». В весеннюю бескормицу — большое подспорье для зверей. Даже рыси и лисицы щиплют ее, витаминов набираются. Испокон веков сибиряки собирали черемшу, но заготавливали так, чтобы и людям хватило, и тайге осталось. А лесные барыги разве о тайге беспокоятся? Хватают черемшу с луковицами, лишь бы побольше на рынок доставить. Иногда с черемшой и ядовитую чемерицу прихватят — и глазом не моргнут. Не самим ведь жевать. Барыги-то верно рассчитывают: весной организм человека требует побольше витаминов. Овощей и фруктов, известное дело, еще нет, поэтому горожанин всегда купит черемшу, сколько бы она ни стоила.

— А чем они потом занимаются, как отойдет черемша?

— Известное дело, ягоды начнут собирать, кедровые орехи. А зимой — метлы березовые, пихтовую лапку продавать. Ну а к Новому году, конечно, елки. Так что им всегда есть чем поживиться у тайги. Я уж не говорю про охоту и рыбалку.

Федот Андреевич все больше и больше распалялся:

— Эти сукины дети, чтоб побольше хапнуть, заготавливают неспелую ягоду. Наберут в целлофановые мешки и зарывают в мох. Там, дескать, созреет. А когда открывается сезон сбора ягод, они вытаскивают эти мешки и на рынок. Бывают ловкачи — красят неспелую ягоду пищевыми красителями. И, конечно, случаются отравления от таких «даров тайги». А есть среди промысловиков и совсем уж звери. Самим лень собирать черемшу, так они делают на обочине дороги засаду.

Увидят старика или старушку с мешком черемши и отнимают добычу. Вот какие сукины дети встречаются.

Федот Андреевич покосился на Василия:

— Да тебе, как видно, не интересно все это слушать. Свои мысли покоя не дают...

Василий усмехнулся:

— Зря так думаешь.

Федот Андреевич махнул рукой.

— Может, у вас, горожан, так сердце не болит за тайгу. А я вырос в ней, вскормлен ею.

Два дня понадобилось Славику, чтобы разыскать Серегу Трефа. Конечно, он мог бы окликнуть приятеля, когда увидел на рынке еще неделю назад. Но Доброзин строго-настрого запретил якшаться со старыми друзьями. И потому, заметив Серегу, Славик поспешил скрыться в толпе. У Доброзина всюду глаза и уши. Все же о том, что видел приятеля, Славик рассказал. И Доброзин вдруг заинтересовался Трефом, хоть и утверждал недавно, что люди ему не нужны.

— Ты найди, найди мне друга своего. Как там его?.. Треф? Тьфу, чтоб вашу всю воровскую масть со свету сжить. Даже прозвища какие-то собачьи, — Доброзин похлопал Славика по щеке. — Ко мне не приводи. Обогрей друга, приодень, но дай понять сразу, что потом надо будет отработать и теплоту, и ласку.

Славик поймал Трефа на вокзале, когда тот, голодный, без рубля в кармане, размышлял у железнодорожной карты, в какой город податься и где искать старых друзей-приятелей.

Вначале Славик поинтересовался, не досаждают ли Трефу миллиция своей назойливостью, а яснее, нет ли за ним слежки. Когда Серега стукнул себя грязным кулаком в грудь и прохрипел возмущенно: «Ты за кого меня принимаешь?», Славик остановил такси, и приятели помчались в самое подходящее для долгого разговора место — в ресторан.

Треф сразу буркнул, что он на мели и полностью отдает себя в распоряжение Славика.

Они вошли в ресторан со служебного входа.

В зале Славик подошел к метрдотелю и громко, так, чтобы слышал Треф, произнес:

— Здравствуй, Леночка, мое золотко. Я сегодня обедаю с другом. Открой кабинетик.

Через пять минут приятели уже сидели за большим сервированным столом. Стены были увешаны коврами и чеканкой. Горели свечи, и откуда-то из-под ковров доносилась тихая музыка.

— Да, ты здесь в авторитете, — с одобрением заметил Треф.

Славик снисходительно улыбнулся:

— Всегда будешь в авторитете, если у тебя здесь что-то есть, — и он похлопал себя по карману пиджака. — Люди уважали и будут уважать тех, кто умест зарабатывать деньги.

— Значит, выбился в большие люди? — понимающе кивнул

Сергеа. — И какими же делами ты стал большим? Может, поделишься с корешом?..

— Не сипи, — оборвал Славик. — И чтоб ни одного блатного слова за этим столом. Я ведь не урка, а всеми уважаемый работник торговли.

Сергеа засмеялся:

— От запузырил пант!

— Я же тебя просил, — поморщился Славик.

— Ну, ладно, не буду. Так как же тебя к торговле допустили?

— Есть один мудрый человек, — ответил Славик и добавил: — Только я занимаюсь частной торговлей. Обеспечиваю население «дарами леса».

— Шкурки и дичь?

— Не только. Мы поставляем на рынок все, что дает тайга.

— Понял, — кивнул Сергеа. — Ну а много тайга дает тебе лично?

— А ты присмотрись, как меня обслуживают, и поймешь.

— Ловко устроился, — задумчиво произнес Сергеа. — Значит, все почти по закону, все шито-крыто, денег полно, почет и уважение, и даже милиция не гонится за тобой. Ловко...

Вошли два официанта и с предупредительной улыбкой стали расставлять на столе закуску и бутылки. Закончив свое дело и пожелав приятного аппетита, они исчезли за дверью.

— Видал? — Лицо Славика расплылось в самодовольной улыбке. — Вот это сервис! А то говорят: Лос-Анджелес, Париж, Вена, Монте-Карло... И у нас умеют не хуже... Если, конечно, материально заинтересовать людей.

Приятели выпили за встречу.

— Понимаешь, Серж, — начал разглагольствовать Славик. — Мой хозяин — мудрый человек. Он открыл мне глаза на жизнь. Я по-новому стал видеть. Я стал замечать красоту. Да-да, не удивляйся... Пришло время деловых людей, а блатные — это вымирающие динозавры. Ну и черт с ними, пускай вымирают.

— Да ты-то кто сам?! — возмутился Треф.

— Каюсь, был грех. Тоже состоял в породе этих динозавров. За что и отсидел два положенных срока. Но теперь-то у меня появились извинины. Я теперь живу! Понимаешь, жи-ву! Поэтому что в почете сейчас деловой человек. Он если и нарушит Уголовный кодекс, так на самую капелюшечку. Но зато умеет доставать дефицит. А любой дефицит превратить в деньги...

— Значит, все-таки нелады с законом есть? — перебил Сергеа.

— Эти нелады слишком ничтожны, и не стоит обращать на них внимания. Тем более мы в приятельских отношениях со многими работниками милиции и прокуратуры.

— А не врешь?

— Не вру, Серж. Сам увидишь, ходим семьями в театр, выезжаем на рыбалку, на пикники всякие, наши «Жигульчики» в одних гаражах стоят, в одних магазинах заказы получаем, одни и те же вещицы коллекционируем. Так что у нас во многом теперь духовное родство со служителями закона. Они ведь тоже люди.

— Значит, у тебя все в порядке, — вздохнул Сергеа. —

Давай за твои успехи.

Выпили и выжидающе взглянули друг на друга.

Треф сощурил глаза:

— А теперь выкладывай, для чего сюда привел и коньячком французским балуешь? Неужто по старой дружбе?

— По старой, Серж... По старой...

— А может, я для чего-то понадобился? Тебе или моему хозяину? Давай, валяй начистоту...

— Темнить не буду, — помедлив, ответил Славик. — Говорил я ему о тебе.

— Ага, значит, в точку попал. Ну-ка, ну-ка, что ты там нашептал? Какие грешки высветил?

— Рассказал, что вместе сидели. Что попался ты на золоте в Москве.

— А он чего?

— Поинтересовался, остались твои дружки, с которыми ты по золоту работал? Я ответил, что ты сел один, никого не потащил за собой. Тогда хозяин приказал взять тебя под крылышко.

— Под крылышко, — хмыкнул Серега. — Я не цыпленок. Ну да ладно, все равно к какому-нибудь делу пристраиваться надо.

— Кажется, их стоянка, — Федот Андреевич кивнул на берег, где у костра сидели два человека. — Точно... Они...

Причалили. Двое у костра поднялись. Теперь Василий мог рассмотреть их. Один — коренастый, с длинными, красными руками и каким-то голодным взглядом из-под выпуклого узкого лба. Другой — высокий, с болезненно бледным лицом.

— Здорово, лешие, — кивнул им Федот Андреевич.

— Здорово, — нехотя ответил коренастый.

— Че привез, Андреич? — спросил другой.

— Не маленькие, чтобы гостинцы вам возить. Вот человека доставил, родственничка моего.

— А на хрена он нам нужен? — Коренастый хмыкнул и бесцеремонно оглядел Василия с ног до головы.

— Поработать хочу в тайге, — пояснил Василий.

— Самим собирать нечего, — проворчал бледнолицый. — Паршивый в этом году урожай, и ягода не уродилась, и кедрач гнилой — не будет заработка.

— Ты, Андреич, лучше водяры бы нам привез, — перебил приятеля коренастый. — А то забрались к лешему в гробину, за сто кэмэ ни деревни, ни села. Хочется после трудового дня отдохнуть культурненько, да вот беда — ни выпивки, ни женской ласки. Остается только... рябчиков гонять да голыми... клещей кормить.

Федот Андреевич поморщился:

— Жаль, что мало клещи вас кусают. Может, поумнели тогда, или совесть появилась.

Коренастый хитро подмигнул Василию и хлопнул Федота Андреевича по плечу:

— Кроешь ты нас всегда почем зря, а чего ж тогда родственничка к нам привез?

— А-а, — с досадой протянул Федот Андреевич, — такой же

обормот, как и вы. Совсем в городе спился, вот родственники и попросили, чтобы я его увез подальше от дружков-алкоголиков и пристроил на свежем воздухе, здоровья поднабрать.

— Да хватит тебе, дядь Федот! — взорвался вдруг Василий. — Пить я бросил и без твоего таежного перевоспитания.

— Трезвенник, значит? — поинтересовался коренастый и снова захохотал. — Ну да мы все тут трезвенники. — Он неожиданно протянул Василию руку. — Я Семен — за бригадира здесь. А это, — он кивнул на приятеля, — Генка.

Василий назвал себя и поинтересовался:

— Какой же ты бригады бригадир?

— Известно, какой, — весело ответил Семен, — кооператива под названием «Здоровье — трудящимся».

— Это как понять?

— А так, что собираются в лесу любители природы и свободы и договариваются, как помочь нашим славным труженикам города и деревни витаминами, как лучше обеспечить их дарами лесов.

— От сатана бесстыжая, — не сдержался Федот Андреевич. — Мало того, что обворовывают тайгу, спекулируют и три шкуры с людей на рынке сдирают, так еще потешаются.

— Ох, и совестливый у тебя родственничек, — Семен потянулся и зевнул. — Занудный дядя. Ну, а ты, паря, оставайся. Подумаем, посоветуемся с народом, может, и возьмем в бригаду. Паспорт-то у тебя в порядке?

Василий смутился, но тут же ответил:

— Чего ж ему быть не в порядке? Человек я тихий, спокойный...

— Все мы тихие и спокойные, а с паспортным режимом не всегда лады, — отозвался Генка. — Покажь ксиву.

— Ты че, из милиции? — разозлился Василий.

— Нажми на ша, Геха, — приказал Семен. — Чего нервирешь человека? Мы ж не отдел кадров — паспорт требовать. Нам главное, как он работать будет и как варит голова.

— Увидим-увидим, — процедил Генка.

— Ну а ты, Федот Андреевич, с нами ночевать останешься или дальше в путь? — поинтересовался Семен.

— Больно счастье велико — с вами оставаться. Возвращаться надо, — Федот Андреевич поднялся от костра и повернулся к Василию, — держись, не пей. Может, через месяц наведаюсь.

— И водяры побольше привези, — хихикнул Генка.

— Ага, держи карман шире, — Федот Андреевич махнул рукой. — Плот мой вытащите на берег. Глядишь, сгодится еще.

— А вы пеши пойдете? — спросил Василий.

— Пеши, мне еще неподалеку зимовье проверить надо, а потом уж к себе в деревню.

Прощались. Василий смотрел в спину уходящему Федоту Андреевичу, пока тот не скрылся за деревьями.

— Ты че, правда, ему родственничек? — Семен сощурил глаза и пристально взглянул на Василия.

— Сто раз одно и то же повторять? — Василий достал пачку сигарет и протянул Семену и Генке. — Думал, и правду любители природы и свободы, а у вас хуже, чем в милиции.

Из чащи вышли три человека. У каждого за спиной — большой, туго набитый брезентовый мешок.

— Чего так рано? — гаркнул Семен.

— Полные мешки набили, — пояснил один из них.

Все трое скинули мешки на землю и, отдуваясь и охая, стали подсаживаться к костру.

— Знаю чего прибежали так рано, — проворчал Семен. — Мурата ждете с водярой. Пронюхали, оглоеды, что он должен сегодня-завтра прибыть.

Маленький вертлявый человек с бородкой клинышком, похожий на профессора, разочарованно поглядел на Василия и обиженно скривил губы:

— У-у, я-то думал, этот долговязый вместо Мурата.

— Малость ошибся, Фагот, — ответил Генка. — Это новенький.

— М-да, зря, выходит, спешили. А может... — Фагот вдруг оживился. — Может, у тебя есть что-нибудь с собой? Так давай за встречу, за знакомство, за твою прописку в тайге...

Василий огорченно развел руками:

— Не лью. Завязал. А для хороших людей не взял — соблазна испугался.

— Алкоголик, значит, — Фагот презрительно сплюнул и почесал бородку. — От работнички собираются в бригаду — пьяня да рвань.

— Зато ты у нас кандидат наук, — хихикнул Генка. — Неделанный профессор.

— Ты мое образование не тронь, — неожиданно взвизгнул Фагот. — Я играл в оркестре Большого театра, стал доцентом консерватории! И всего сам... Слышишь?! Сам добился!

— А теперь такой же бич, как и мы.

— Заткнись, Геха, не трожь мою боль своими вонючими лапами.

— Это у меня вонючие лапы?!

— У тебя, желтомордый...

Генка не выдержал и кинулся на Фагота. Но тот успел пригнуться и двинуть противника головой в живот. Генка тут же схватился за солнечное сплетение. Этого Фаготу показалось мало, и он ударил Генку коленом в пах. Тот охнул и повалился на землю.

Василий хотел было вскочить, но Семен остановил его:

— Сиди, не твое дело. Сами разберутся. Мужики ошалели: без выпивки пятый день. Пусть чуток выпустят дурь друг из друга.

Двое, что пришли с Фаготом, так же равнодушно наблюдали за своими товарищами. Тем временем Генка поднялся на ноги и, матерясь, ринулся на Фагота. На этот раз бородач не смог уклониться от удара. Хрипя и ругаясь, Генка и Фагот схватились за поленья. Неизвестно чем бы закончилось дело, если б Семен не гаркнул на них и не пригрозил лично расправиться.

Пока Фагот и Генка умывались в реке, к костру подошли еще двое. Поздоровавшись, сняли рюкзаки и зачерпнули кружками из котелка.

Один принялся жаловаться:

— Ох и крепко прикипели в этом году шишки к дереву. Бил,

бил кедр колотом по «морде», аж кожа со ствола слезла, а шишка не идет, зараза.

— «Мордой» мы называем выбоину на кедре — след от удара колотом, — тихо пояснил Василию Семен. — А колот — это во-он та штуковина, — и он указал на тяжелый деревянный молот, валявшийся возле рюкзаков.

С реки вернулись Генка и Фагот.

— О! Красавчики! — хлопнул себя по бокам Семен и пальцем показал на опухшие, в ссадинах, лица Генки и Фагота. — Два неразлучных друга — Ален Делон и Марчелло Мاستроянни. В следующий раз, если схватитесь за деревьях, одному и другому потроха отобью.

К вечеру у костра собралось человек двадцать. А Мурат, которого все ждали, так и не приехал.

— Будем ужинать всухую, — вздохнул Семен.

Загremели кружки и котелки, застучали ложки. Двадцать уставших человек молча ели кашу и запивали чаем. Не было привычного у таежного костра веселья. Лишь изредка обменивались с соседом словом.

К Василию подошел невысокого роста паренек, снял вязаную шапочку и повернулся лицом к костру. Василий чуть не выронил кружку... Это была девушка лет двадцати. Она поправила волосы и засмеялась.

— Чего глаза таращишь? Не ожидал?

Василий смутился:

— А вы... Вы тоже в этой бригаде?

— В бригаде! — с вызовом ответила девушка. — Будем знакомы: Ольга.

Почти месяц Серега Треф, изнывая без дела, жил на даче мрачного, неразговорчивого Мурата. Выходить из дому не разрешали, чтобы не увидели соседи. Целый день Серега валялся на диване, смотрел телевизор и читал журналы. Несколько раз пытался завести разговор с Муратом, но тот отделялся незначительными фразами: «Не знаю», «Не мое дело», «Жди». И Серега ждал, сам не зная чего. В одном он был твердо убежден: просто так одевать и кормить его никто не будет. За все придется отрабатывать.

Наконец пожаловал Славик. Он приехал с двумя тяжелыми чемоданами, оставил их в коридоре и, прежде чем поговорить с Серегой, пошептался с Муратом. Потом раскрыл один чемодан и достал несколько бутылок коньяка, банки с икрой и крабами. Мурат тем временем поспешно собрался и, не прощаясь, исчез.

— Вот теперь поговорим, — похлопывая Серегу по плечу, проговорил Славик.

— Кажется, начинаются дела, — Серега кивнул на столы с бутылками. — Прямо как в кино... детектив.

— А мы и есть актеры. Актеры самого реального жанра. Короче, сегодня тихонько отдыхаем, а ночью — на станцию, и гоп-гоп на Москву. Билеты у меня в спальный вагон. Так что поедем с комфортом. В купе нас только двое. Вообще-то не люблю тихходный транспорт, но хозяин запретил иметь дело с авиацией. Сам понимаешь, паспорта предъявлять надо.

— Я так и не понял, что мне делать в Москве и тем более с тобой, — Серега выжидающе посмотрел на приятеля.

— Видишь ли, хозяин волнуется, а действительно ли у моего друга Трефа есть в Москве интересующие его связи. Может, он впустую обласкал тебя.

— А ты, значит, вроде контролера при мне?

— М-да, — замылся Славик. — Что-то вроде этого.

— Так-так, я выложу вам своих дружков и стану ненужным, лишним свидетелем? И тогда можно меня... — Треф подмигнул Славiku и провел пальцем по горлу.

Славик сделал протестующий жест:

— Серж, если ты не доверяешь мне, выкладывай, какие нужны тебе гарантии. Вернемся — передам хозяину или сам ему скажешь.

Серега задумался:

— Пока не знаю. А нельзя встретиться с твоим хозяином до отъезда?

— С нашим хозяином, — поправил Славик.

— Пусть будет с нашим...

— Нет, нельзя, он далеко.

— А что будет, если я откажусь ехать?

— Серж, ты же не маленький, сам понимаешь. Хозяин огорчится, а это значит...

— Это значит, — перебил Треф, — хозяин от огорчения пришлет меня за милую душу.

— Эх, Серж, Серж, — Славик хлопнул приятеля по спине. — Я же тебе говорил, что всякой уголовной ахинеей не занимаемся. У хозяина достаточно тугие карманы, чтобы для этого нанять какого-нибудь придурка.

— Хрен редьки не слаще, а мне не легче, от какой падлы в спину занозу поймать. Еду. Это я так, лирику напустил, — Треф хитро сощурил глаза. — А ты, кажется, говорил, никакой уголовщины — одна калинка-малинка да черемша. Ай да малинка... Потрохами чую: золотишко есть у хозяина, если так основательно готовится его в Москву переправить.

— Это не наше дело, — махнул рукой Славик. — А если по-честному, не нравится мне затея с золотом. Никогда этим не занимались, и без него денег хватало. Спустил бы он его побыстрей, и нам легче дышалось.

— Ты разве не знаешь, откуда золотишко всплыло?

— Не знаю и не хочу знать. Так дольше проживешь на белом свете...

В разговорах и воспоминаниях, сдобренных коньяком, четыре дня пути пролетели незаметно. Чемоданы они оставили в камере хранения Ярославского вокзала.

— Заберем их, когда найдем крышу над головой, — распорядился Славик. — В гостиницах мелькать не стоит.

— Неужели у вас нет в Подмоскowie дачи? — съязвил Серега.

— Не приобрели еще. Но и к твоим друзьям с ночевкой набиваться не будем. У меня тоже есть в Москве кое-какие связи, — Славик улыбнулся, вспомнив приятное. — Я иногда с девочками прилетаю в Москву на воскресные обеды в Дом кино, Дом архитектора, Дом композиторов...

— И всюду пускают?
— Разумеется.
— Даешь на лапу?
— О, зачем так грубо? Вручал маленькие презенты. Никаких взяток, никакого криминала, и все тебе улыбаются, и всегда рады видеть...

— Так где мы будем ночевать? — перебил Серега.

— Я сейчас сделаю пару звонков, если не застану своих друзей на работе, поедem в ресторан «Актер». Там наверняка встретим кого нам надо. Только учти: меня знают как администратора филармонии...

Было семь часов вечера, и на месте никого из друзей Славика не оказалось. Взяли такси и помчались на улицу Горького.

Когда сели за стол, Славик, внимательно оглядев зал, произнес:

— Давненько я здесь не был. Все перестроили, и официанты новенькие. Зато посетители не меняются, — Славик то и дело кивал кому-то или поднимался из-за стола и здоровался за руку. К нему тоже подходили, обнимались, хлопали по плечу, задавали ничего не значащие вопросы.

— Не вредит популярность? — съехидничал Серега, когда от стола отошел очередной знакомый.

— Наоборот. Очень приятно, когда с тобой здороваются звезды экрана.

— А тот лысый — тоже звезда экрана?

— Какой?

— Да вон с двумя девами сидит.

— Нет, это барабанщик Гриша.

— А похож на одного артиста, забыл... как его, — Серега поморщился.

— Тут все на кого-то похожи, и все артисты.

— Где телефон? — Серега поднялся из-за стола.

— У входа. А ты кому собираешься звонить?

Треф презрительно скривил губы:

— Мне что, теперь докладывать, и когда в сортир захочу?

— Чего темнишь? Не доверяешь? — обиделся Славик.

— Сказал, выведу на этих людей, значит, выведу, — ответил Серега. — Если б темнил, давно от тебя смылся.

Через несколько минут Треф вернулся сияющий.

— Нашел, где на ночь приткнуться. Правда квартиры в разных местах, зато приличные. И хозяйки тоже. Пока ты со своими актерами пижонил, мои друзья все устроили.

— Один ноль в твою пользу. — Славик склонил голову. — Послушай, Серж, а со мной ничего не случится? Вдруг твои друзья подумают, что я с золотишком приехал и нечаянно придушат или вместе с сахаром в чай цианистого калия подсыпят. У меня есть маленький недостаток — терпеть не могу, когда меня душат или ядом травят.

— Гарантия за гарантию. И потом: мы же друзья, Славик.

— Тебе, Треф, верю. Когда надо ехать?

— Да хоть сейчас. Только закажи нашей официантке, чтобы приготовила два пакета и набросала туда всяких бутылочек; мы же к дамам едем, хоть и по разным адресам.

Лишь под утро Серега добрался к Валентине. Долго не могли поймать такси, потом заезжали на вокзал, к Лариске, у которой остался ночевать Славик. Валентина сразу накинулась на Серегу: — Ты когда, сказал, приедешь? Я из-за тебя спать не ложусь.

— Прости, родная Валюха, — Треф обнял хозяйку и попытался поцеловать, но та оттолкнула его.

— Успел нализаться!..

— На радостях, что тебя встречу. Мы ж с тобой три... нет, четыре года не виделись. Валюха!..

Валентина взяла из рук Сереги пакет с бутылками.

— Ладно, раздевайся, поцелую потом. Есть будешь?

— Буду! Все буду: есть, пить, тебя любить.

— А это мы еще посмотрим, — отозвалась из кухни Валентина. — Сам пропал на четыре года, вестей не подавал, а теперь любить пришел?

— Ворчливая ты стала, стареешь. А четыре года я в очень важной государственной командировке был в неласковых местах, — Серега вошел в комнату и плюхнулся в кресло. Огляделся. — Красиво живешь, — заметил он, когда появилась Валентина, — и мебелишку новую, и хрустала накупила до черта. А библиотека! Неужели хоть сотую часть книг перелистала?

— Хватит подкалывать, — оборвала Валентина. — Выпьешь или тебе достаточно?

— Конечно, выпью, — произнес Серега и добавил: — Черт с ней. Расскажи лучше, как тут дела.

— Сам завтра увидишь, — отмахнулась Валентина. — Встретишься с Багратором, он тебе порасскажет. Ты-то чего прикатил? Рисуешь, у МУРа память хорошая.

— По делам. Золотишко надо сплавить.

— Свое накопил или о чужом беспокоишься?

— О чужом.

— И много золота?

— Пока не знаю. Если по-хорошему сговоримся с Багратором, скоро привезем.

— А кто хозяин?

— Ох, и любопытная ты, Валюха. Погоришь на этом. Зачем тебе хозяин?

— Может, я полюбить его захотела. Стоит он этого? — Валентина подмигнула Сереге. — А может, научу тебя, как золото от хозяина отлепить. Подумай, Треф. Знает сыч да сова, ты да я, да ночь-матка, и все гладко.

— Ошалела?! Дура! Мне кровью мазаться?!

— Было бы побольше рыжевья, а за него и дерьмом и кровью вымазаться можно. Пятен на нем не останется. Кислота, и то не берет его.

— За этим золотом серьезные дяди стоят, — уже спокойно ответил Серега. — Они сами могут налепить покойников. К тому же среди них мой кореш.

— Кореш, — передразнила Валентина. — Да он-то и пришьет тебя, когда их с Багратором свяжешь. Зачем ты им нужен будешь?

— Змеюка... — беззлобно выругался Серега и задумался. — То-то и оно, лишним окажусь, как на Баграта выведу.

— Лишний, лишний, — горячо зашептала Валентина. — Подумай, Сереженька. Мы для них, они для нас — чужие. А что серьезные дяди — не беспокойся. Они тоже люди, и жизнь у них одна — хрупкая, беззащитная, надавил посильней, раз, и нет ее.

Семен распорядился, чтобы Василий первые дни ходил в лес с Фаготом.

— Всюду теперь есть наставники, а мы что, рыжие? — Семен похлопал Василия по плечу. — Вот и у тебя будет опытный наставник, с большим стажем педагогической работы и с ученой степенью. Гордись! — Семен захохотал и кивнул в сторону сидевшего неподалеку Фагота. — И еще запомни, практикант, — лицо Семена стало серьезным. — Не знаю, о чем вы вчера шептались с Ольгой, это ваше дело, но если обидишь девку, на три части хребет переломлю. Предупреждаю только раз.

— Ясно, — буркнул Василий.

Все уже закончили сборы и по одиночке и парами уходили в лес. Утром Василий даже не успел поздороваться с Ольгой. Она ушла одна из первых.

— Не вздумайте сегодня раньше времени бросать работу, — напутствовал каждого Семен. — Если Мурат появится, гостинцы не тронем, пока все не соберутся.

К Семену подошел подтянутый, аккуратный человек с грустным, добрым взглядом.

— Вы, Семен Дементьевич, не забудьте и про меня, — попросил он. — Хотя я мало употребляю, все же парочку бутылочек оставьте.

— Сделаем, — заверил Семен.

Василий кивнул на подтянутого человека и спросил у Фагота:

— Кто это?

— Майор Стелуев. Отставник. Два года назад комиссовали по состоянию здоровья. Врачи прописали ему лесной воздух и побольше ходить. Вот он летом и осенью живет в тайге, рыбу ловит, собирает ягоды, а зимой — опять к себе в город.

— Он тоже в бригаде?

— Нет, майор сам по себе. Нашего брата недолюбливает. Иногда приходит продукты купить, орешки и ягоды в город родственникам отправить через Мурата.

— Эй, Фагот, чего время тянешь, — крикнул Семен. — Опять брюхо подвело?

— Нет-нет, идем.

Василий и Фагот подошли к Семену и майору Стелуеву.

— Вчера прибыли? — спросил Стелуев у Василия.

— Вчера.

— Будем знакомы: Корней Антонович Стелуев.

Василий пожал крепкую, маленькую ладонь майора. И подумал: «Сразу чувствуется военный человек. Даже в тайге опрятный, хорошо выбрит, как будто прибыл только что из города».

Майор взглянул на часы и недовольно покачал головой:

— Заспались мы сегодня, братцы, надо поторапливаться, — он улыбнулся и быстрой, пружинящей походкой зашагал в лес.

Василий заметил, как Семен зло посмотрел вслед майору и что-то проворчал себе под нос.

В полдень Фагот предложил перекусить. Костер не разжигали, не хотели терять время. Съели по два сухаря, разодрали соленую рыбу и запили водой из ручья.

— Пятнадцать минут полежим, и за работу, — предупредил Фагот.

Василий достал пачку сигарет. Закурили.

— Чего это Семен так зло на майора смотрел? — поинтересовался он.

— Ерунда, — махнул рукой Фагот. — Наши один раз лосиху завалили, а майор попутал. Был крупный разговор с Семеном. О чем они там говорили, не знаю, но Семен долго злился на майора — лезет, дескать, не в свое дело. А потом они помирились. В общем-то, Семен не злопамятный, да кто его до конца поймет, может, где-то осталась обида. Честно говоря, завидую майору: ошивается с нами, а наша грязь не пристаёт к нему.

Фагот нахмурился и показал пальцем на колот.

— Давай, твоя очередь мордасить, а я буду собирать шишки.

— Сколько ж в нем кило, в этом чертовом колоте? — спросил Василий, нанося удары по кедру, и сам ответил: — Не меньше тридцати. Как же вы тут, сердешные, умудряетесь жрать водку литрами, да еще небось чифирик гоняете, а потом такой агромадиной махать? Сдохнуть можно. И как у вас сердце, отпикотиненное, наалкоголезное, выдерживает?

— Вот такая нам кара небесная, — отозвался Фагот. — Махай, махай, Вася. Кучу денежек заработаешь. Считай, каждый взмах — пятак. Видишь, как много мы стоим!

Василий сбросил куртку и рубаху. Пот заливал глаза, и руки едва-едва слушались. Но он не останавливался: стыдно было перед хлипким, изнеженным Фаготом, который все утро ворочал колотом без передыху.

— Да что же это я, — вдруг спохватился Василий. — Ведь с детства учили не издеваться над хлебным деревом. Все равно что буханку ногами в грязь затоптать. Разудалился, размахался колотом, как несмышлениш, — он отбросил колот в сторону и похлопал по стволу кедра. — Прости, братец, ох, как изуродовал тебя.

— Ты чего? Умаялся? Та-акой здоровый мужик, а уже умирался.

Василий стоял, задрав вверх голову, пытаясь за ветвями разглядеть макушку дерева.

— Ты чего там увидел? — забеспокоился Фагот.

— Небо... Понимаешь, Фагот, кусок неба и в нем — верхушку дерева. Того дерева, которое мы с тобой, две падлюки, две гниды, уничтожаем. Тебе, Фагот, никогда не бывает жаль кедры, когда мордасишь их колотом?

— Бывает, — неожиданно для себя ответил Фагот.

— Ты слышишь, Фагот, как стонет кедр? Ведь ты должен слышать. У тебя музыкальный слух.

— Оглох я, Вась, — Фагот испуганно оглянулся и понизил голос. — Очнись... Семен с нас шкуру спустит, если норму не выгребем. Знаешь, как он говорит: «Сибирь благая, мошка злая, народ бешеный». Ты понял, Вась?

— Понял, — Василий снова взялся за колот. — Лады, Фагот, забудь, о чем я тут говорил, — и он снова взмахнул колотом.

Вечером никто не проверил, сколько они собрали орехов. У костра — необычное оживление, суета и веселые возгласы.

— Мурат прибыл! — радостно выпалил Фагот. — Быстро, мешки в общую кучу! Не заметят!..

Василию показалось, что даже костер в этот вечер полыхал по-особенному ярко. Вокруг него расставляли нехитрую таежную посуду, бутылки с водкой. В глубоких мисках толсто нарезанные куски сыра, колбасы, хлеба. В большом прокопченном котле дымилась картошка. Люди в предвкушении пиршества потирали ладони, шутили, перемигивались. И над всем этим шумом и гамом парил веселый громовой голос Семена. Он отдавал короткие распоряжения, сдабривая их шутками.

Заметив Василия, Семен воскликнул:

— А, наш практикант! Как работалось? Понял теперь, что махать колотом — не портвейн пить? Садись, практикант.

Василий поискал глазами Ольгу. Она почему-то настороженно встретила его взгляд и принялась подбрасывать в костер поленья. Василий подошел к ней.

— Не прогоните?

— Садитесь, у костра все места общие. Здесь не театр, — Ольга покосилась на него. — Как ваш первый трудовой день?

— Изломался. А еще все время думал, неужели и вы колотом орудуете? Или для вас придумали какой-нибудь дамский, облегченный?

Ольга засмеялась:

— Куда мне с колотом справиться? Обхожусь общедоступным и гуманным способом: собираю только упавшие шишки. — Она вдруг заметила пустую миску в руках Василия. — А вы почему не едите?

— Сейчас, сейчас, — засуетился Василий и тут же добавил: — С чего это меня на «вы» стали называть? Или постарел за день, или уважать больше стали?

— За день многое меняется: и люди, и отношения, — глядя в костер, ответила Ольга. — Пить будете? Налейте водки.

— Нельзя мне, — покачал головой Василий. — Я свое выпил. На семь жизней норму прикончил.

— Алкоголик?

— Был...

— Не похоже. И лицо, и глаза, и руки у пьяниц другие.

— Вот номер, что же, я сам на себя наговаривать буду?

Василий тронул Ольгу за руку и глазами показал на человека, что сидел неподалеку и, казалось, прислушивался к их разговору. Ольга понимающе кивнула.

А тем временем у костра становилось шумнее. Семен раскупоривал все новые и новые бутылки водки. То тут, то там слышались смех, ругань, пробовали затягивать песню. Тихо подошел сзади майор Стелуев и наклонился над Ольгой и Василием:

— Шли бы вы, ребята, отсюда. Сейчас мужики перепьются и опять мордобой пойдет. Чего вам смотреть, как дурачье пьяное друг другу кровь пускает?

— А вы почему остались? — спросила Ольга.

— Я тоже уйду. Выпью у себя в шалаше двести грамм и на боковую. Может, составите компанию? — Стелуев кивнул Василию.

— Рад бы, но не могу, — ответил Василий и предложил Ольге: — Пройдемся по берегу?

Ольга молча поднялась.

— Если надумаете ко мне в гости, не стесняйтесь, — предложил Стелуев. — Пройдите по берегу вверх метров пятьсот, там и найдете мои хоромы...

Со Стелуевым они встретились через два дня.

— Не могу отвыкнуть от этой пакости, — майор бросил докуренную сигарету. — Ведь клиническую смерть перенес, выкабкался и снова принялся сосать.

— Давно это случилось? — Василий сел на бревно рядом с майором.

— Клиническая смерть?

— Да.

— Три года прошло. Тогда комиссовали меня. Должен был подполковника получить, а вышло... — Стелуев махнул рукой. — В общем, воскресить воскресили, а об армии сказали: и не думай... К черту заунывные разговоры! Жизнь продолжается! И надо, не теряя времени, наслаждаться ею. Впрочем... — Стелуев кивнул в сторону Ольги, которая мыла на берегу посуду, и подмигнул Василию: — Вы как раз так и поступаете. Молодец! Ну, мне пора.

— Надолго уходите?

— Дня через три ворочусь. Вы тут присмотрите за моей виллой. Хорошая она у меня получилась. Обидно, если ее растащат на костер.

— Сохраню, — пообещал Василий.

Они пожали друг другу руки, и Стелуев зашагал берегом реки. Подошла Ольга.

— Куда это Корней Антонович?

— За Сенгулу отправился. Говорит, там ягоды в распадах видимо-невидимо.

— А разве здесь мало?

— Может, там ягода слаще, — пожал плечами Василий. — Может, отдохнуть от нашей бригады захотел.

— Может быть, — задумчиво повторила Ольга.

Василий взял из ее рук котелок с посудой:

— Товарищ дежурный, какие у вас еще задания по кухне?

— Кажется, разделалась со всеми.

— Тогда разрешите пригласить прогуляться по бульвару.

— Лучше в театр сходим.

— Не достал билеты.

— Тогда сходим в кино.

— Там душно, к тому же показывают старый-престарый фильм. Мы пойдем в планетарий с настоящим небом и луной.

— Пойдем, — согласилась Ольга.

Вечер был сухой и студеной. Все затаилось в ожидании скорой зимы.

Ольга подняла вверх руку.

— Вон та звезда — Сириус.

— Где он? — взглянул на ее руку Василий.

— Да вон же, смотри, где мой указательный палец.

— Сириус во много раз больше Солнца. А его спутник — совсем крохотная звездочка, и у нее нет собственного света.

— Я ни черта не смыслю в астрономии, — ответил Василий.

— У этой звездочки нет собственного света, — повторила Ольга, — зато сила притяжения такая, что может отклонить с орбиты своего соседа-великана.

Василий улыбнулся и обнял Ольгу:

— Ну и пусть отклоняются, это их личное звездное дело.

Она заглянула ему в глаза и тихо сказала:

— Так и я возле тебя.

— Как? — не понял Василий.

— У меня нет своего света. Понимаешь? Я лишь твой спутник. Без света... И могу навредить тебе — отклонить с орбиты.

— Перестань...

— Нет-нет, это правда.

— Перестань, — Василий схватил ее за плечи и встряхнул. — Слышишь?

Ольга ничего не ответила, и они долго шли вдоль берега реки, каждый думая о своем.

— Кажется, вилла Стелуева, — наконец произнес Василий. Он показал рукой на мрачное нелепое строение из досок и ветвей. — Ты не замерзла?

— Немного.

— Пойдем погреемся. У Стелуева есть «буржуйка» и припасены сухие дрова. У него все четко: военный.

Они вошли в сооружение, которое можно было назвать и шалашом, и землянкой, и хибарой. Василий зажег спичку.

— Уютно живет майор. Ага, вот дрова.

Ольга уселась на мягкий настил из веток и молча наблюдала, как орудует у печки Василий. Наконец затрещали дрова, в разные стороны поползли седые струи дыма. Сразу стало теплей.

— Как хорошо тут, — прошептала Ольга. — Я хочу шампанского.

— Какое совпадение, а я — водки.

— Тебе нельзя.

Василий развел руками:

— Бедному алкоголику остается только мечтать о выпивке.

— Ну а если больше не о чем мечтать...

Василий не дал ей договорить, резко обнял и поцеловал.

— Еще одно желание появилось? — Ольга попробовала отстраниться, но он крепко держал ее.

— Зачем ты так? — Василий нахмурился.

— Прости, я сама не знаю, что со мной сегодня творится. Прости...

— За что?

— За то, что отклоняю с орбиты. — И она прижалась к нему.

После возвращения из Москвы Серега Треф снова поселился у Мурата. На этот раз долго не пришлось бездействовать. Через два дня явился Славик и не один, а с хозяином.

— Доброзин, — представился тот и некоторое время бесцеремонно разглядывал Серегу белесыми, чуть навязат, глазами.

Наконец он похлопал Трефа по плечу и коротко рубанул:

— Хорош парень, будем работать.

— Поработаём, — произнес Серега, отведя взгляд.

— Вот и ладненько. Садитесь, ребята, поближе. — Доброзин с минуту молчал, словно не мог собраться с мыслями, потом начал: — В каждом человеке, ребята, наступает момент, когда он должен изменить ритм жизни. У вас это будет не скоро. А мне уже пора. Ясно?

— Чего ж тут неясного, — отозвался Славик. — Кто хорошо трудился, имеет право в нашей стране на заслуженный отдых.

— Вот именно, — оборвал его Доброзин. — Потрудился я неплохо в свое время, много, правда, потерял не по своей вине. Но дело не в этом. Ухожу на покой. Старость обеспечена. Да вот появилась возможность кое-что добавить к своей пенсии. Разве можно упустить такой момент? Как ты считаешь, Сережа?

На этот раз Треф сумел выдержать взгляд белесых глаз.

— Упускать прибавочку к пенсии, конечно, грех. Но чьими руками будет лепиться эта прибавочка?

— Угадал, угадал, Сережка-Сережка, — улыбнулся Доброзин. — К вам, молодым, и обращаюсь за помощью.

— Вот номер: то приказывал «Будем работать», а то просит помощь. — Треф с ехидцей взглянул на Доброзина.

— Ершист, ай ершист, Сережка. И как до сих пор не сложил вихрастую головушку? Ума не приложу. Запомни, прошу ли я, уговариваю ли, для тебя и Славика — это все равно приказ.

— Теперь понятно, — Серега развел руками.

— Дело и для вас очень выгодное, — продолжил Доброзин. — Кроме того золотишка, что я приготовил для Москвы, есть еще. Только оно пока в земле лежит. Ждет не дожидется, когда его извлекут на свет божий. Золото должно служить людям. Верно я говорю?

— Верно-то верно, — отозвался Серега. — Да земля его отдает не так просто.

— Знаю! Гектары пахать не заставлю. Имеется золотиношный участок. Сведения точные. Две недели работы — и на всю жизнь обеспечены. Бросаем к черту этот кооператив, орешки-ягодки, и разбегаемся в разные стороны.

— А не получится, что этих разных сторон окажется всего две — «тот свет» и этот? — Серега криво усмехнулся. — При чем двое из нас троех почему-то разбегутся как раз на «тот свет»?

— Отпадает, — Доброзин сделал решительный жест рукой. — Отпадает хотя бы потому, что одному не вынести из тайги всего золота и не доставить в Москву.

— Но это можно сделать в три приема.

— Ты забыл, Сережа, про милицию. Она упускает один раз, от силы — два. Но мелькать у нее перед носом три раза... Мы люди взрослые и не будем преуменьшать ее возможности.

— А, да к этому золотишку милиция принимается? — всполошился Славик.

— Пока нет, но если будем медлить да требовать друг у дру-

га всяких гарантий, не только принохается, а и слизнет. — Доброзин поднял вверх указательный палец. — Хочу обратить внимание на одну деталь. Остаться в живых с той информацией, что вы получили от меня, гораздо сложнее...

Славик не дал договорить:

— Когда надо идти?

— Завтра. А что скажет Сережка?

— Чего ж мне еще говорить? Завтра так завтра...

— Вот и ладненько. Мурат вас соберет в дорогу и направит ко мне. В тайге и встретимся.

— Тьфу... тебе в рыло, — не сдержался Треф, когда Доброзин ушел, — деточку из себя корчит, цветик-ягодка. А если милиция привязала тех двух покойников к Доброзину?

— Нет-нет, что ты! — затряс головой Славик. — Мужик он верткий, бесследный.

— Привидение, что ли? — усмехнулся Серега. — Ну ты совсем одурел. Как выпутываться думаешь?

— Золотишко покозыряем. Чего уж тут. Никуда не денешься. Только нам с тобой друг за друга держаться надо, — торопливо заговорил Славик. — Может, пронесет, отделаемся от Доброзина. Тогда и нам отсюда мотать надо. Старик обещал отдать мне рынок со всей бригадой, а я так думаю: на хрена это все? Раз Доброзин отдает свое дело просто так — значит, что-то не ладно.

— Хана вашему дефициту! — злорадно ответил Треф. — Будет машина, будут и дубленки, и тебе, Славуля, снова перекалцифицироваться придется. Будешь воровать честно.

— До этого еще далеко, мы не доживем.

— Конечно, не доживем, если вовремя не отвалим.

— Теперь хребет не собираешься мне ломать? — пошутил Василий.

— Теперь нет, поначалу думал, у тебя с Ольгой так — трали-вали. Но раз дела серьезные, чего мне своим рылом лезть? С нами-то надолго?

— Пока не знаю, — пожал плечами Василий.

— Мой совет: уводи ты ее от нас подальше и побыстрее.

— За совет спасибо.

Помолчали. Потом Василий спросил:

— Когда на зимовье?

— Денька через два-три. Мурат привезет одежду, кое-что для охоты, и будем перебираться. Зверя-то доводилось бить?

— Доводилось. На глаз и руки не жалуюсь.

— Поглядим, поглядим. Дырявые шкуры нам ни к чему.

Подошел Стелуев.

— У меня к вам просьба, Василий. Не откажите.

— Постараюсь.

— Хочу вас похитить на несколько дней и поэксплуатировать.

— Это как?

— Есть одна избушка. В ней когда-то база геологов была. Хочу ее подремонтировать и пожить месяц-другой. Поможете?

— Как бригадир скажет.

— Давай помогай, — хмыкнул Семен. — Чего ж не помочь хорошему человеку?

Отшелестело время листопада, отзвенели тихие осенние капли, и затихла тайга. Затихла, затаилась ненадолго, ждет, когда нагрянут морозы, а с ними ворвутся в лес метели и вьюги.

Мурат привел Серегу и Славика на зимовье, когда тайгу заporошило первым снежком.

— Вплелись в хреновину, — ворчал Серега. — Зима, а мы в тайге вкалывать собираемся. Померзнем.

— Та вытянем как-нибудь, — отвечал неуверенно Славик. — Одежда на меху, спирту вдосталь, костерок разведем.

Мурат свел их с Семеном, а сам заторопился назад, успеть, пока не затянулась льдом река.

Семен встретил их неприветливо.

— Отлучаться не могу: дел по горло. Сами дойдете, без провожатых. Расскажу, покажу, как разыскать нашего хозяина-благодетеля, и топайте ножками. За два дня управитесь. Увидите нашего разлюбезного.

Поздно вечером наведалься Федот Андреевич.

— От везуха нам сегодня на гостей, — не то шутя, не то серьезно приветствовал его Семен. — Куда тебя положить, дед?

— Я, может, с вами под одной крышей и не стану ночевать, — ответил Федот Андреевич. — Где племяш?

— Запил, — хихикнул Генка. — Чифирок в лесу гонит.

— У тебя не спрашивают, шутник.

— Ушел он в тайгу, — пояснил Семен.

— Как ушел?

— Не бойся, не съедят твоего племянничка. Денька через три обещал вернуться, — успокоил Семен. — Ложись отдыхай.

— Чего темнишь, Семен? Сказывай, где Василь?

— С майором ушел, — сказала Ольга. — Майор попросил помочь отремонтировать старую базу геологов.

— Вон как... — задумался Федот Андреевич. — Ушел, значит, и ничего не просил передать мне?

— Ничего, — покачала Ольга головой.

— От шалопут, — Федот Андреевич засуетился. — Ты уж скажи ему, как объявится, что я навещал. А мне пора.

— На ночь глядя? — удивился Фагот.

Ольга вышла за ним следом.

— Возьмите меня с собой.

— Да ты что, голубонька? — удивился Федот Андреевич. — Не туда иду, куда ты хочешь. Я по своим делам поспешаю.

— Тогда торопитесь. Беду чую.

Старик внимательно посмотрел ей в лицо.

— Вон как?.. Потороплюсь, потороплюсь, голубонька.

— О! Да к нам гости пожаловали, — Стелуев отошел от окна и остановился рядом с Василием. — Есть чем угостить?

— Кажется, есть... — Василий направился было к печи, но неожиданный удар в живот заставил его скорчиться от боли.

И тут же Стелуев ударил его коленом в лицо. Василий застонал и повалился на пол.

В избу вошли Серега и Славик и замерли на пороге.

— Чего застыли?! Входите! — произнес Стелуев-Доброзин. — Не бойтесь, ребята, это работник милиции. Вынюхивал мои дела, лез куда не следует, а теперь он безвреден. Ну-ка, возьмите под нарами веревки и хорошенько свяжите его.

Серега пристально взгляделся в лицо Василия, потом тряхнул головой:

— Э, дядя, мы так не договаривались. Золотишко-то твое в крови, а значит, в Уголовном кодексе больше весить будет.

— Цить! — Доброзин вытащил из кармана пистолет и навел на Трефа. — Заткнуть хавало и делать, что приказал!

Серега и Славик нехотя достали веревку и принялись связывать Василию руки за спиной.

Доброзин сам проверил, надежны ли узлы, и скомандовал:

— А теперь обыскать!

Серега и Славик все так же нехотя повиновались.

— Ничего нет, — Треф вывернул все карманы Василия.

— Пусто, — подтвердил Славик.

— Сам вижу, — отозвался Доброзин. — Куда же он пистолет свой дел? Ведь наверняка с оружием прибыл...

Василий стал приходить в себя. Застонал и попробовал пошевелить руками.

— Ну-ка, посадите его, — распорядился Доброзин. — Надо кое-что выяснить. — Он зачерпнул из ведра кружку холодной воды и плеснул в лицо Василия, потом нагнулся к нему и участливо спросил: — Полегчало, Василек?

Василий вместе с кровью выплюнул два зуба, обвел взглядом избу и неожиданно улыбнулся:

— Чуть-чуть полегче.

— О, ты у нас молодчага, — Доброзин сунул пистолет в карман и сел на корточки. — Хочу серьезно поговорить с тобой, Василек. Пораскинь мозгами. У тебя два выхода: ответишь на мои вопросы — оставлю в живых, нет — сам понимаешь...

Василий облизнул распухшие губы и кивнул в сторону Сереги и Славика:

— А эти откуда взялись?

— Вопросы буду задавать я! — оборвал Доброзин. — Что известно обо мне в управлении? И без вранья! Жить-то, надеюсь, хочется?

— Еще как...

— И чтоб деваха твоя осталась живой, тоже хочешь?

— Сволочь, — не сдержался Василий и рванул руки, но веревки надежно стягивали их.

— Теперь понимаешь, что, если не ответишь на мои вопросы, ей тоже конец? — Доброзин поднялся на ноги и походил по избе. — Итак, я жду.

— Плохи твои дела.

— Да уж не хуже твоих... Будешь отвечать?

— Тебе уже не уйти. Нам известно и про убийство, и про золото.

— Почему же не взяли до сих пор?

Василий посмотрел на Серегу и Славика.

— Мы не только тобой интересуемся. Нам и на других надо было искать выходы.

— Связным у тебя был, конечно, Федот Андреевич? Можешь не отвечать, и так все ясно. А из бригады Семена никто не помогал?

— Нет.

— Вспомни, Василек, вспомни хорошенько. Может, завербовал кого в осведомители.

— Не та публика, — покачал головой Василий. — Какой от них толк? Сам же говорил: за бутылку водки продадут и перепродадут.

— А деваха твоя?

— Ну зачем же втягивать ее в такие серьезные дела? С меня одного связного хватало.

— Что известно о золоте?

— Мы знаем, где его добыли те двое.

— Вот как? — Брови Доброзина резко выгнулись.

— А чего тут удивляться? Это как раз легче всего было выяснить.

— М-да, действительно, — пробормотал Доброзин и кивнул Сереге и Славiku. — Ну-ка, ребятки, на пять минут выйдите, подышите свежим воздухом.

— А вы тут против нас не сговоритесь? — Серега выжидающе посмотрел на хозяина и на Василия.

— Идите, идите, — поморщился Доброзин и махнул рукой.

Когда Серега и Славик вышли, продолжил:

— Значит, не исключено, что в том золотиносном месте меня ждет засада?

— Наверняка ждет, — подтвердил Василий.

— А с какой стати я туда полезу? — Доброзин засмеялся. — Мне и того золотишка хватит, что я припрятал. Не там капканы ставите.

— Ничего, мы их много наставили, в какой-нибудь наверняка попадешься.

Доброзин подскочил к Василию и с силой вонзил ногти ему в лицо.

— Заткнись, щенок. До моего золота вам не добраться. Руки коротки. — Он с силой оттолкнул Василия.

Распахнулась дверь, и в избу заглянул Серега:

— Любовная сцена у фонтана продолжается?

Доброзин зло взглянул на Трефа и процедил:

— Зови Славку. Этого, — он пихнул Василия ногой, — в погреб. Пусть остынет немного.

Серега и Славик кое-как спустили Василия по шатким ступенькам.

— Ну, теперь чего? — спросил Треф, когда они выбрались наверх.

— А теперь... — Доброзин подошел вплотную к Сереге. — Выкладывай, откуда знаешь этого лягавого? Только не темни. Видел, как вы переглянулись. Переглянулись и промолчали, вроде как тайна между вами какая, дела общие? А?

— Глазастый ты, дядя, углядел-таки.

— Жизнь научила, так где и как вы познакомились?

— Случайно.
— А все-таки...
— Пять лет назад он во мне человека увидел. Поверил. А я потом долго потешался над его доверчивостью.
— Теперь жалеешь, — хмыкнул Доброзин. — С милицией отношения только на обмане надо строить.
Сергеа отвел глаза и ничего не ответил.
— Собирайтесь, ребятки, в дорогу. Нам здесь делать нечего, — кивнул Доброзин.
— Куда сматываемся? — Славик переглянулся с Трефом.
— Я же говорил, куда. На золотиносные места.
— Неувязочка получается, — встал Серега. — Там же засада.
— Подслушали?!
— Случайно донеслось.
— Я вас в другие места поведу. Не бойтесь, сам на рожон не лезу и вас не подставляю. Милиция не все вынюхала. Сработаем, ребятки, без потерь.
— А с ним что? — Славик кивнул в сторону погребца.
— Разве не понятно? — Доброзин сунул правую руку в карман куртки. — Опасный он. Пока его связной доложит, что он ушел из бригады, мы ликвидируем эту опасность... И ищи нас тогда на просторах страны...
— Стоп, дядя, не о том речь, — прервал Серега. — А если мы со Славиком не дадим тебе лягавого?
Доброзин загадочно улыбнулся.
— Мне он уже совсем не нужен. Он твой, Сережка. Вы же старые приятели. Лягавый поверил тебе, а ты его на мучительную смерть обрекаешь. Нехорошо.
— Не понял...
— Поясню, — Доброзин вытащил пистолет и тихо приказал: — В погреб!
— Да ты что, очумел?!
— Без истерик. Покажи инструмент, — поморщился Доброзин.
Сергеа скорее машинально, чем осознанно, вытащил висевший под мышкой охотничий нож и сделал шаг к Доброзину. Но тот направил на него пистолет.
— Стоящий инструмент. Ступай.
Сергеа в замешательстве посмотрел на Славика, на Доброзина и начал спускаться в погреб.
— побыстрей, — Доброзин подошел к краю входа в погреб. Василий попытался приподняться и что-то сказать, но Треф быстро зажал ему рот, перерезал веревки и прошептал:
— Крикни и замри, пока не уйдем...
Ладонью он стер с лица Василия кровь и вымазал лезвие ножа.
— Чего возишься?! — раздалось сверху.
— Ну-ка, Славик, подай фонарь.
— Кончен, — отозвался нехотя Треф.
Луч фонаря скользнул по земляному полу и замер на окровавленной шее Василия.
Сергеа вылез из погреба и уселся на край, свесив ноги. Нож он всадил в дощатую половицу.

— Видишь, как все просто, — Доброзин погасил фонарь. — Не так уж страшна человеческая кровушка. Привыкнуть можно ко всему. Эх, Сережка-Сережка, теперь и ты заделался мокрушником, да ненадолго...

Треф поднял голову. Прямо в лицо ему смотрел жуткий глазок пистолета. Рванулся Серега в сторону и только успел выдернуть из половицы нож, как равнодушно громыкнули два выстрела.

— Серегу за что-о-о?! — завопил Славик и метнулся к Доброзину.

Третий выстрел отбросил его назад. Славик схватился за живот и повалился на пол. Доброзин склонился над ним, хотел было еще раз выстрелить, но заметил кровавую пену на губах и спрятал пистолет.

«Все, надо сматываться, — подумал Доброзин. — Два дня до заброшенной деревни, вытаскиваю свое золото и айда в Москву. Славка, видать, не проговорился этому фендрику, что я в Москве по их следу шел, и без него теперь знаю, на кого выходить... Жаль, не удалось еще добыть золотишка. — Доброзин вдруг понял, что говорит вслух. — Ого, плохой признак, нервишки сдают. Вон как руки трясутся, будто после первого покойника...»

Василий слышал выстрелы, крик Славика и бормотание Доброзина. Он рвался из погреба, но ничего не мог сделать с проклятыми веревками на ногах. Серега не успел их перерезать. Узел был затянут накрепко. Ослабевшие пальцы никак не могли с ним сладить. К тому же приходилось делать это в темноте, на ощупь. Василию показалось, что прошла целая вечность, пока наконец узел распутался.

Ноги затекли, и первые минуты он мог стоять, лишь держась за стену. Потом почувствовал, как ноги ожили, и стал подниматься наверх. Несколько раз останавливался, боялся упасть. Наконец выбрался. Долго сидел на полу, уставившись на мертвых Серегу и Славика.

Снова поднялся на ноги. Подошел к ведру с водой, смыл с лица кровь, прополоскал рот и выпил три кружки воды. Пошарил под нарами и достал бутылку водки. Несколько глотков взбодрили его. Захотелось есть. Но едва Василий подошел к печи, как послышался стон. От неожиданности он вздрогнул и обернулся.

Тусклые глаза Славика смотрели жалобно и обреченно. Одной рукой он держался за живот.

— Жив? — Василий склонился над Славиком.

— Жив...

— Сейчас перевяжу.

— Пить... — попросил Славик.

— Нельзя. Раз в живот ранен, пить нельзя, — Василий поднял с пола нож, снял свитер и рубаху и принялся вырезать колосы материи.

— Хоть пару глотков дай, — взмолился Славик.

— Говорю, нельзя. Загнаться можешь.

— Ну и к хренам собачьим! Тебе-то что?!

— Ого, окреп голосок, значит, жить будешь.

— Не хочу жить, дай воды.

— Терпи.

— Пошел ты к... — Славик устало закрыл глаза, но через минуту снова заговорил. — Думаешь, если живым доставишь, премию дадут или медаль прицепят?

— Помолчи лучше.

— Ненавижу, курва лягавая. Угробил мне жизнь.

— Я, что ли, тебя продырявил? Или под пулю подвел?

— Все равно ненавижу... Что с Серегой? Хана?

— Убит...

— Ах, паскуда, — заскрипел зубами Славик, — потрох суций, кудряво как пел: дорожку золотом вымащивал, а вlepил свинец. Если б знал... Слушай, а ты как живой остался?

— Ему спасибо, — кивнул Василий на Серегу.

С грохотом распахнулась дверь, и в избу ввалились Федот Андреевич и Витька.

— Че случилось? — Федот Андреевич подскочил к Василию.

— Паршивые дела. Ушел...

— Кто ушел? — переспросил Витька, в ужасе глядя на мертвого Серегу и раненого Славика.

— Что делать будем? — не обращая внимания на Витьку, спросил Федот Андреевич.

— Пока надо этого перевязать, — Василий кивнул на Славика.

— Чего на меня время теряешь?! — закричал тот. — Поймай лучше эту паскуду. Он золото пошел доставать из тайника.

— Куда? — встрепенулся Василий.

— Не знаю. Про какую-то заброшенную деревню бормотал, гнида.

— Заброшенная деревня? — переспросил старик. — Знаем такую. Витька-то видел этого Стелуева через день после убийства неподалеку от нее.

— Видел, — подтвердил Витька. — Только разве мог я тогда заподозрить? Майор все-таки...

— Никакой он не майор, и не Стелуев, — Василий торопливо натянул свитер. — Федот Андреич, оставайтесь с раненым, а ты, Витек, что есть духу — в поселок к участковому, он знает, как дальше действовать, ну а я...

— Не-е, — обиженно протянул Витька, — я с тобой, бандита братъ.

— Кончай разговоры, — оборвал Василий, — расскажи лучше, как побыстрее до заброшенной деревни добраться.

— Бандит наверняка дальней дорогой пойдет вдоль речки, а есть покороче путь, — нехотя начал Витька. — От зимовья...

— Это где Семен с бригадой?

— Точно, — кивнул Витька, — там обрывистые хребты. Невысокие, но почти неприступные. Деревня за теми хребтами лежит.

— А как через них перебраться?

— Тропочка есть. Мне-то как раз по пути в поселок. Покажу. В нескольких шагах от избы, под сломанной сосной, у Василия был завернутый в полиэтиленовую пленку пистолет. Теперь он благодарил судьбу, что предусмотрительно спрятал его вчера вечером.

К заброшенной деревне Василий добрался к вечеру. Внизу, в неширокой долине, зажатой двумя хребтами, темнела короткая цепь домишек.

Непривычная деревня. Дым не струился из труб, не лаяли собаки, не зажигались огни в окнах. Теперь оставалось выбрать дом, из которого просматривается вся деревня. И ждать.

В деревню вошел задворками, наметил дом, что немного вышался над остальными, и стал пробираться к нему, еловыми ветками заметая свой след.

Комнаты в избе были нетопленые. Василий зажег спичку и огляделся. Большая русская печь, железная кровать с изодраным матрацем, с потолка на длинном проводе свисала засиженная мухами лампочка. За печью дразняще лежали сухие, сосновые поленья.

«Сегодня он вряд ли придет, — подумал Василий. — Можно растопить печь и согреться... А вдруг он уже неподалеку? Увидит дым из трубы и уйдет. Нет, надо терпеть».

Василий сел на кровать и поджал под себя коченеющие ноги. Глаза сами собой закрылись, и он услышал тихий стеклянный звон. Никак не мог понять, откуда он доносится. Холод лизнул вначале щеки и подбородок, потом шею, грудь, спину.

Надо двигаться! Он попробовал пошевелиться, но почувствовал боль в ногах и груди. Перед глазами запрыгали синие и красные искры. Потом он вдруг увидел ночное осеннее небо и падающие звезды. Сильнее забилося сердце и громче стеклянный звон.

«Это мое дыхание, — подумал Василий. — Если я не буду двигаться, оно замрет. Навсегда».

Он поднялся с кровати и принялся ходить по комнате, разминая замерзшие ноги. Иногда останавливался у окна и сквозь узоры в окне вглядывался в сумрак деревни. Он должен быть готовым к поединку.

Василий продолжал вышагивать по комнате. Ледяной озноб мешал сосредоточиться, мысли уносились в пугающую неизвестность.

Изредка Василий садился на кровать передохнуть и устало смотрел на мохнатые снежные звезды окна.

Он снова поднимался к окну и долго вглядывался в пустынный двор, укутанный синими тенями. Распахнутая настежь калитка. За ней морозно сияла мертвая улица.

Но что это? Шаги? Мерные, неторопливые, такие уверенные, будто человек знал, на что идет. Василий сунул руку в карман и нашупал пистолет.

Скрипят ступени под ногами невидимого человека. Загромыхало в сенях, дернулась дверь, но не раскрылась. Стук-стук — это не дверь, это сердце стучит. Снова скрипят ступени, скрипит снег под ногами невидимого человека. И опять тишина. А Василий все стоит, прижавшись лбом к стеклу. Нет никого в пустынной деревне. И ни звука шагов, ни стука в дверь.

Рассвет вынырнул из-за сопок. Припал к мохматым звездам на окнах и рассмеялся звонкими искрами инея.

По розовому полю от лесной чащи к деревне медленно шел человек. И хоть не видно издали лица, Василий сразу узнал его.

ОБ АВТОРАХ

РОН ГУЛАРТ — известный американский писатель. Родился в 1933 году. Окончил университет Беркли, штат Калифорния. Автор более семидесяти научно-фантастических романов. Печата-
л свои произведения под многими псевдонимами — Кеннет Робсон, Френк Шоун, Джозеф Сильв, Кон Стеффенсон.

В «Искателе» публикуется впервые.

ЛЮБОВЬ И ЕВГЕНИЙ ЛУКИНЫ родились в 1950 году. Окончили Волгоградский педагогический институт. Работали в селе Верхнедобринка Волгоградской области. Там же и начали совместную литературную деятельность. Сегодня они авторы десятков фантастических произведений, опубликованных в периодической печати и сборниках, в 1990 году вышла их первая книга «Когда отступают ангелы».

В «Искателе» печатались повести Лукиных «Разные среди разных» и «Миссионеры».

РУТ РЕНДЕЛЛ — популярная английская писательница. Обладательница ряда литературных премий. Ее произведения переведены на 14 языков мира. На русском публиковались в журналах «Огонек» и «Англия».

ВАДИМ БУРЛАК родился в 1949 году в Херсоне. Окончил Московский юридический институт. Автор нескольких книг. Президент ассоциации «Спасем мир и природу». Первые публикации появились в журнале «Вокруг света». В «Искателе» выходила его повесть «Речные заводы».

На 1, 4-й страницах обложки рисунки Марка ЛИСОГОРСКОГО
На 2, 3-й страницах обложки рисунок Геннадия ФИЛАТОВА

Под редакцией Александра ПОЛЕЩУКА и Евгения КУЗЬМИНА

Художественный редактор Валерий КУХАРУК

Технический редактор Ольга БОЙКО

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 12.09.90. Подписано в печать 12.10.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.
Усл. печ., л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 300 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 2209.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

Рон ГУЛАРТ

Вадим БУРЛАК

Рут РЕНДЕЛЛ

Любовь ЛУКИНА

Евгений ЛУКИН

ISSN 0130-6634

Цена 60 коп.

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

